

СЪВЕРНЫЙ ПОЛЮСЪ

И

ЗЕМЛЯ ЯДМАЛЪ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ.

СОЧИНЕНІЕ

Ю. И Бушелевскаго.

Съ **Самоѣдскій идолъ Ортикъ** на память р.Худ.

Печатано въ Типогр. и Литогр. К. Штремера,
въ С ПЕТЕРБУРГѢ.

СЪВЕРНЫЙ ПОЛЮСЪ

И

ЗЕМЛЯ ЯЛМАТЪ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ.

СОЧИНЕНІЕ

Ю. И Кушелевскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

въ типографіи М. В. Д., Литографіи К. Штремера.

1868.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 15 февраля 1868 г.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

Ю. И. Бушелевскаго.

Веденныя, во время бытности автора на государственной службѣ въ Обдорскѣ въ 1852, 1853, 1854 г. и во время экспедицій 1862, 1863, 1864 и 1865 г., предпринятыхъ имъ для открытія сухопутнаго и водянаго сообщенія на сѣверъ Сибири отъ р. Енисея чрезъ Уральскій хребетъ до р. Печоры.

Путевыя записки Ю. И. Кушелевскаго, до изданія сего, анализированы гг. политико-экономами и одобренъ, съ признаиёмъ трудовъ его государственною пользою. Онъ распубликованы ими въ с.-петерб. «Бирж. Вѣд.» въ 1865 г. въ № 91.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагая моимъ читателямъ свои путевыя записки, долгомъ считаю предварительно извиниться за нецѣлостное изложеніе ихъ. Впрочемъ, цѣль моего повѣствованія есть не блеснуть краснорѣчіемъ и фразерствомъ, а рассказать объ обитателяхъ сѣверной страны, у которыхъ въ быту нѣтъ ничего изящнаго. Ничто не приведетъ тамъ наблюдателя къ эстетическимъ ощущеніямъ. А потому, гдѣ все такъ дико и пусто, да еще холодно, то тамъ не дѣло ораторствовать и восхищаться, а развѣ скорбѣть, терпѣть и спасаться. Мои записки составлялись при подобныхъ ощущеніяхъ среди самоѣдовъ и среди ихъ тяжелаго быта.

Скрытность самоѣдовъ не позволяетъ стороннему человеку подробно вникнуть въ ихъ нравственный бытъ; они даже стараются наружныя формы своихъ обрядовъ и обыкновеній скрывать и исполнять ихъ тайно. Эти препятствія заставляютъ меня рассказать только о томъ, что мнѣ случилось самому видѣть и лично испытать. Мнѣ желательно было писать объ остякахъ и самоѣдахъ отдѣльно, такъ какъ эти племена рѣзко отличаются между собою языкомъ и видомъ, но родственныя ихъ связи до того слили ихъ нравы и обычаи, что въ настоящее время между этими племенами гораздо болѣе общаго. Самостоятельность первобытныхъ ихъ нравовъ если не совсѣмъ еще потеряна, то зато искажена вліяніемъ русскихъ промышленниковъ и торговцевъ, зырянъ и пустозеръ. Слѣдовательно, рассказывая о самоѣдахъ настоящаго

времени, я долженъ оставить мое желаніе описывать ихъ отдѣльно; тѣмъ больше, что опредѣлить съ точностью коренное происхожденіе смѣшанныхъ ихъ обыкновений и нравовъ по національностямъ считаю невозможнымъ, не имѣя на то положительныхъ данныхъ.

Во время путешествій моихъ, по Самоѣдской странѣ, я имѣлъ возможность собрать типы, вполне характеризующіе самоѣдскую національность, которые помѣщаю въ моемъ изданіи, а для большей рельефности ихъ, въ картинахъ, взятыхъ изъ обрядовъ, преданій и быта самоѣдовъ. Этимъ я желалъ достигнуть вѣрнѣйшей точности моихъ записокъ, сдѣлать ихъ интереснѣе, любопытнѣе для моихъ читателей и назидательнѣе и полезнѣе въ этнографическомъ отношеніи.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

Ю. И. Кушелевскаго.

ЭКСПЕДИЦІЯ I.

Открытіе мѣсторожденія графита въ Туруханской странѣ было побуждающею причиною изыскать средства къ дешевойшей перевозкѣ его въ мѣста сбыта. Въ этихъ видахъ предположено было проложить сухонутныя и водяныя сообщенія отъ р. Енисея до р. Печоры по направленію полярнаго круга, черезъ Уральскія горы и никому неизвѣстныя сѣверныя тундры. Осуществить эти предположенія принялъ на себя я. Вслѣдствіе чего, оставивъ государственную службу въ концѣ іюня 1862 г., отправился въ г. Тобольскъ.

Предпріятіе мое было далеко не легкое. Много трудовъ сулило оно впереди и я, навѣрное, не рѣшился бы принять ихъ на себя, еслибъ моя прежняя жизнь на сѣверѣ не ознакомила меня съ ними и дѣланныя мною прежде изысканія не поселили во мнѣ твердой надежды и даже увѣренности, что я достигну желанной цѣли.

Попытки открывать пути сообщенія Оби съ Печорою или съ Архангельскимъ портомъ не были уже новостью. Не говоря о прежнихъ предположеніяхъ и предпріятіяхъ при Петрѣ I и Екатеринѣ II для изслѣдованія сѣвера Сибири, скажу только о томъ, что сдѣлано было въ нынѣшнемъ столѣтіи. Въ 1806 г., по предложенію бывшаго министра коммерціи графа Румянцева, посланъ былъ подполковникъ Поповъ для открытія сообщенія съ Архангельскимъ портомъ, посредствомъ соединенія устья Оби съ Карскою губою. О

послѣдствіяхъ экспедиціи Попова точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній не имѣется, и надобно предполагать, что предположенія его найдены неудобноисполнимыми. Въ 1827 г., по распоряженію генераль-гидрографа, командированъ былъ штурманъ Ивановъ для описанія береговъ Карскаго моря до Обской губы и острова Бѣлаго. Экспедиція г. Иванова окончилась въ 1829 г. и онъ возвратился въ Петербургъ, тоже не оставивъ никакихъ свѣдѣній о сдѣланныхъ имъ изысканіяхъ.

Бывшіе губерпаторы, томскій, извѣстный ученый П. П. Аносовъ и тобольскій В. А. Арцымовичъ, первый въ началѣ пятидесятихъ годовъ, а второй въ 1857 г., заявляли свои предположенія о проложеніи пути на сѣверѣ Сибири соединеніемъ Оби или съ Карскою губою или съ Печорою, и проекты объ этомъ были опубликованы въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1857 г. въ №№ 18 и 28.—Предположенія гг. Аносова и Арцымовича, или по недостатку сочувствія къ нимъ, или по другимъ какимъ, имъ неизвѣстнымъ обстоятельствамъ, къ сожалѣнію, остались только предположеніями.

Возвращаясь къ своему дѣлу. Прибылъ я въ Тобольскъ 27 іюля. Время это, по здѣшнему, довольно позднее, приближеніе осени уже слышалось, а потому нужно было торопиться, чтобъ во-время справиться въ дальнѣйшій путь. Приготовленія мои были, по необходимости, быстры и я 16 августа, на собственномъ своемъ каюкѣ (небольшое судно, или лучше — большая лодка), съ грузомъ до 1.500 пуд. и пятью человѣками рабочихъ, выѣхалъ изъ Тобольска. Погода была невыразимо дурна—вѣтры и дождь не оставляли насъ почти во все время пути. Кто помнитъ лѣто 1862 г. и холода, бывшіе въ концѣ августа, тотъ повѣритъ, какъ тяжело было въ это время плаваніе на безлюдный сѣверъ, къ Березову. Несмотря на довольно большой грузъ, сравнительно съ числомъ рабочихъ, и противные вѣтры, я достигъ Березова 2 сентября. Пробывши тамъ не болѣе недѣли, отправился далѣе и прибылъ въ Обдорскъ 18 сентября. Холода начинались уже довольно сильныя и 20 сентября сталъ По-

луй, рѣка, при которой стоитъ селеніе Обдорское. Скажу нѣсколько словъ объ Обдорскѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній разъ я былъ въ немъ, прошло почти десять лѣтъ и эти десять лѣтъ, кажется, нисколько не подвинули его къ лучшему. Селеніе не разраслось, а какъ было, такъ и осталось—очень не большимъ. (Собственно въ Обдорскѣ отъ 40 до 50 домовъ, а кочующихъ въ окрестностяхъ его остяковъ и самоѣдовъ до 2.000. Бѣдный и прежде, Обдорскъ сдѣлался еще бѣднѣе. Остяки и самоѣды тоже значительно обнищали.) Причинъ обѣднѣнія города и инородцевъ много, такъ-что и разсказать даже невозможно, но главная, какъ кажется, заключается въ сильномъ распространеніи пьянства, всегда очень гибельнаго для днѣвнхъ народовъ.

Въ Обдорскѣ я былъ встрѣченъ остяками, какъ старый знакомый, потому-что, какъ сказалъ уже выше, назадъ тому около десяти лѣтъ служилъ въ немъ нѣкоторое время. Многие изъ остяковъ и самоѣдовъ знали меня и помнили и это дало мнѣ возможность легче, чѣмъ кому другому, ладить съ ними. Разумѣется, я не жалѣлъ подарковъ, потому-что съ остяками не можетъ безъ подарковъ существовать не только дружба, но даже и простаго знакомства, а безъ этого мнѣ ничего бы не сдѣлать.

Осмотрѣвшись немного и сопеднившись съ старыми пріятелями-остяками и самоѣдами, я приступилъ къ снаряженію экспедиціи. Закупилъ и нанялъ оленей, купилъ нарты, чуьмы, нанялъ рабочихъ и прочее. Однимъ словомъ на все заготовленіе употребилъ до 15.000 р., которые и разошлись между остяками, давно невидавшими наличныхъ денегъ. По слухамъ, обдорская ярмарка 1863 г. была довольно оживлена и остяки многое покупали на деньги. Смѣло приписываю это заготовленіямъ для моей экспедиціи, потому-что прежде на обдорской ярмаркѣ денегъ у остяковъ почти вовсе не бывало и оттого существовала одна мѣновая торговля, чрезвычайно для нихъ невыгодная.

Караванъ мой состоялъ изъ 96 нартъ, при которыхъ было 450 купленныхъ и 200 нанятыхъ оленей, съ 24 человеками рабочихъ изъ остяковъ и самоѣдовъ. Надобно сказать, что

остяки и самоёды смотрѣли на мое предпріятіе какъ на дѣло невозможное. По словамъ ихъ, основаннымъ на какихъ-то преданіяхъ, въ той странѣ, куда я шелъ, живутъ какіе-то одноглазые люди, ѣздящіе на медвѣдяхъ. Эти дикіе рассказы, наводящіе суевѣрный страхъ, много препятствовали найму людей, и безъ того довольно затруднительному.

Не могу умолчать о миссіонерѣ - священникѣ обдорской церкви о Петрѣ Поповѣ, принимавшемъ живѣйшее участіе въ моемъ предпріятіи. Однимъ только нравственнымъ вліяніемъ на ипородцевъ онъ легко умѣлъ разсѣвать клевету молкъ недоброжелателей, которая видимо и быстро распространялась не только между ипородцами, но даже дѣйствовала и на самого обдорскаго князя Тайшина. Также считаю себя обязаннымъ заявить о купцахъ Ан. Чечуровѣ, А. Мамѣевѣ и мѣщанинѣ В. Добровольскомъ, которые не только способствовали мнѣ къ снаряженію экспедиціи, уступая разные матеріалы за дешевую цѣну, но даже отдали ко мнѣ въ службу своихъ дѣтей, наказывая имъ безпредѣльно повиноваться и быть готовыми, какъ говорится, въ огонь и въ воду, для пользы дѣла и спасенія другъ друга. Отрадно мнѣ благодарить ихъ теперь отъ души за понесенные безъ ропота труды и лишенія, да думаю и многимъ отрадно слышать, что въ такой отдаленной и дикой странѣ я нашелъ людей, вполне сочувствующихъ будущимъ интересамъ моего предпріятія.

Кромѣ купленныхъ мною и нанятыхъ оленей и нартъ и нанятыхъ рабочихъ, остяцкій старшина Ю. Ю. Ранымовъ, мой давній крестникъ, по старой привязанности ко мнѣ, отпустилъ со мною въ проводники сына своего, жену для исправленія женскихъ работъ, даль чумъ и пятьдесятъ оленей.

Наконецъ 10 ноября, отслуживши, по христіанскому обычаю, молебенъ за благополучный исходъ нашего труднаго предпріятія, я двинулся съ своимъ караваномъ въ путь. Путь нашъ пролегалъ почти по самому полярному кругу. Отъ W. къ O. подвигаясь впередъ, мы переходили, или, лучше сказать, пересѣкали рѣчки: Ваксарку, Надымъ, Піуву, тун-

Выезд экспедиции из окрестностей Обдорска для отыскания сухопутного сообщения р. Енисея с р. Обью через самодские тундры.

дру Еловый островъ, Сандибей, Ныду, Тобьюганъ, Пуръ и вышли къ часовнѣ Василя убиеннаго на р. Тазъ. Рѣки эти всѣ пгбли, по общему характеру сибирскихъ рѣкъ, правый берегъ возвышенный, а лѣвый пологій. Возвышенный берегъ каждой рѣки всегда лѣсистъ, на немъ растутъ въ изобиліи: ельничъ, сосна, пихта и кедръ. Лѣвый же, пологій берегъ покрытъ только кустарниками и густымъ тальникомъ. Природа вездѣ, по пути нашему, была совершенно дѣвственная, или, лучше сказать, какая-то уснувшая, мертвенная. Живаго ни въ лѣсахъ, ни въ тундрахъ ничего нѣтъ. Во все время пути мы видѣли всего только одного ворона и нашли кусокъ оленьяго сала. Последнему обстоятельству мы очень обрадовались, потому-что полагали гдѣ-нибудь близко кочевье, — оказалось же, что кочевья не было и калъ былъ дикаго, случайно забредшаго сюда оленя. Путешествіе наше совершалось такимъ порядкомъ: впереди ѣхалъ я, и со мною старшій прикащикъ М. Мамѣевъ. Мы отыскивали, или лучше сказать, пролагали путь по компасу, придерживаясь болѣе на востокъ. (Звздн, по проложенному уже пути, шель караванъ съ рабочими и всѣ наши чумы, имѣя впереди себя на особой парѣ, которую везли два пестрые оленя, образъ св. Николая Чудотворца, наиболѣе другихъ святыхъ чтимаго остяками. Это доказывается даже и тѣмъ, что впоследствии остяки приписывали присутствію этого образа благополучный исходъ нашей экспедиціи. Подходя къ лѣсистымъ берегамъ рѣкъ, обыкновенно кто-либо пзъ насъ залѣзалъ на вершины большихъ деревьевъ и высматривалъ, гдѣ выгоднѣе, т. е. на меньшемъ пространствѣ, можно сдѣлать просѣку. Просѣки дѣлали мы отъ 50 сажень до 1 версты. Иногда, чтобъ избѣжать большихъ просѣкъ, которыя требовали много времени и трудовъ, мы отыскивали у лѣсистаго берега рѣки какую-нибудь маленькую, впадающую рѣчку, по руслу ея добирались до большой и переходили на другой берегъ этой послѣдней.

Морозъ во все время нашего пути былъ очень сильный, можно полагать было выше 40°, потому-что ртутный термометръ постоянно замерзалъ. Во время пути, ночлеги наши,

т. е. нась передовыхъ, нерѣдко были не въ чумахъ, а въ вырытыхъ въ снѣгу ямахъ. Эти оригинальныя спальни довольно сносны, по крайней мѣрѣ нельзя замерзнуть. Такъ какъ у меня платье было довольно теплое, то мнѣ въ этихъ ямахъ было довольно хорошо; но товарищи мои употребляли иногда остяцкое средство согрѣванія, думаю, для многихъ неслыханное. Они срубали небольшое осиновое дерево, одинъ конецъ его зажигали, а другой проводили подъ гусь (верхнюю одежду) желающаго погрѣться. Паръ отъ горящаго сыраго дерева нагрѣвалъ довольно сильно.

Наконецъ, послѣ сорока-двухъ-дневнаго тяжелаго, утомительнаго и полнаго различныхъ лишеній странствованія, мы окончили его, дошедши 22 декабря до рѣки Таза. Дошли мы благополучно и въ дорогѣ не случилось съ нами никакихъ несчастій, кромѣ того, что одинъ олень, отъ неосторожности утонулъ въ упряжи. ~~Всего~~ пройдено было нами, по наглядному исчисленію, болѣе 800 верстъ, и по дорогѣ учреждено 26 станцій, гдѣ и оставленъ провіантъ для возвратнаго пути. Можно, кажется, утвердительно сказать, что проложенный мною путь—совершенно новый, на которомъ едва ли была нога человѣческая. Доказательствомъ этого можетъ служить то, что на всемъ пространствѣ пройденной мною тундры нигдѣ не было видно срубленныхъ деревьевъ, затесовъ на нихъ и слѣдовъ истребленія лѣса, между тѣмъ тамъ, гдѣ только бываетъ человѣкъ, всегда замѣтно опустошеніе. Наконецъ это доказывается и тѣмъ, что только по вновь проложенной мною дорогѣ коренные жители Березовскаго сѣвера, инородцы, рѣшались впредь ѣздить для рыбной ловли, вмѣсто Надыма, на рѣку Пуръ, на которой прежде никогда не бывали. Такимъ образомъ окончилось первое мое предпріятіе—открытіе сухопутнаго пути на сѣверѣ Сибири.

Прежде чѣмъ приступлю къ описанію дальнѣйшихъ моихъ дѣйствій, считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о графитныхъ приискахъ, найденныхъ на системѣ рѣки Енисея. Приски эти расположены на правомъ берегу Енисея, по впадающимъ въ него рѣчкамъ: Курейкѣ, Монастырской Тунгузкѣ, Бахтѣ и Фатьяникѣ. Не находя мѣста много рас-

пространяться о качествѣ графита и объ устройствѣ его добычи, скажу только, что графитъ этотъ признанъ лучшимъ изъ бывшихъ на лондонской выставкѣ 1862 г. Пласть его, по приблизительному изслѣдованію, идетъ на шесть сажень глубины на довольно значительномъ пространствѣ. Это кажется можетъ дать понятіе о громадномъ богатствѣ, въ немъ заключающемся.

ЭКСПЕДИЦІЯ II.

Какъ ни тяжело было для меня трудъ открытія сухаго пути на сѣверѣ Сибири, но онъ не удовлетворялъ меня и казался мнѣ недостаточнымъ для транспортировки грузовъ, въ тѣхъ размѣрахъ, какъ бы я желалъ. Сухопутная перевозка, по проложенному мною пути, была, сравнительно, дороже водяной и къ тому же возможна только въ зимнее время. Всѣ эти соображенія дали мнѣ мысль попытаться открыть водяное сообщеніе отъ Обдорска до р. Таза посредствомъ Оби, Обской и Тазовской губъ.

Чтобъ рассказать о моемъ предположеніи обстоятельнѣе и о средствахъ къ исполненію его, я принужденъ возвратиться нѣсколько назадъ. Бывши, назадъ тому лѣтъ десять, въ Обдорскѣ на государственной службѣ, я коротко ознакомился какъ съ краемъ, такъ и съ его обитателями. Знакомство это давало мнѣ возможность предвидѣть напередъ всѣ препятствія, какія я могу встрѣтить при исполненіи моего предпріятія, и привело меня къ убѣжденію, что открытіе водянаго пути по Обской и Тазовской губамъ и р. Тазу до часовни Василя убійнаго — дѣло возможное, хотя и очень рискованное. Польза этого открытія, какъ для графитнаго дѣла, такъ и для обитателей сѣвернаго края, была такъ очевидна, что я, какъ мнѣ казалось, имѣлъ бы вѣчный упрекъ на совѣсти, еслибъ не осуществилъ своихъ плановъ, платясь за это здоровьемъ и даже, можетъ быть, жизнью. Я очень хорошо понималъ, что другой кто-нибудь, менѣ знакомый съ мѣстностью, не скоро рѣшился бы обречь себя тяжелымъ

трудамъ и лишеніямъ, сопряженнымъ съ моимъ предпріятіемъ, еслибъ я отказался отъ нихъ. При этой мысли мнѣ казалось, что, отказавшись, я буду виновнымъ, что сѣверъ Сибири останется еще на нѣкоторое время въ своей тяжелой дремотѣ, или лучше—непробудномъ снѣ, въ которомъ онъ погруженъ нынѣ. Наконецъ признаюсь, мнѣ хотѣлось сдѣлать хотя одно истинно-полезное дѣло въ жизни и заслужить спасибо отъ благомыслящихъ людей. Проектъ мой объ открытіи водянаго пути не имѣлъ никакихъ осязательныхъ данныхъ къ убѣжденію въ своей удобосподинности, кромѣ однихъ голословныхъ доказательствъ. Къ трудностямъ моего новаго предпріятія необходимо прибавить и то, что инородцы, по многимъ причинамъ, всячески стараются сдѣлать родину свою недоступною для разслѣдованій, поэтому я предвидѣлъ, что, при желаніи моемъ пробудить сѣверъ къ новой, неизвѣстной ему доселѣ жизни, мнѣ придется бороться со многими препятствіями, которыя будутъ стараться изыскивать для меня предразсудки и невѣжественность дикарей.

Пріѣхавши въ февралѣ 1863 г. изъ г. Туруханска въ Тобольскъ, я тотчасъ же приступилъ къ дѣлу. Помощника своего отправилъ въ Обдорскъ, для встрѣчи возвращавшейся туда изъ Туруханска, зимней экспедиціи и для найма подрядчиковъ на перевозку 20 т. п. графита къ Печорѣ, потому что наемъ подрядчиковъ весною болѣе выгоденъ. Самъ же я отправился въ ахманайскія юрты, нанялъ людей для постройки шкуны и потомъ поѣхалъ на ирбитскую ярмарку для закупки нужныхъ для снабженія шкуны матеріаловъ. Обончивъ дѣла въ Ирбити, я подрядилъ торгующаго инородца Абназыра Копшанова Калиева перевезти кладъ изъ Ирбити въ Ахманайскія юрты, и сверхъ того ему же передалъ заготовленіе муки, крупы и мяса для нагрузки шкуны, наемъ 9 человекъ рабочихъ изъ татаръ и проч. 10 марта я возвратился въ Тобольскъ.

Распорядившись такимъ образомъ, мнѣ оставалось только наблюдать за постройкой шкуны, исходатайствовать у тобольскаго начальства нѣкоторыя разрѣшенія, необходимыя для моей экспедиціи, и наконецъ нанять для шкуны матросовъ.

Явясъ въ начальнику Тобольской губерніи, и изяснивъ ему всѣ свои нужды, какъ при снаряженіи экспедиціи, такъ и при приведеніи ея въ исполненіе, я получилъ сначала приказаніе обовсемъ заявить формально, а въ самое непродолжительное время и полное удовлетвореніе по всѣмъ моимъ просьбамъ. Послѣ этого, я снова отправился въ Ахманайскія юрты наблюдать за постройкой шкуны. Тамъ пробылъ я до тѣхъ поръ, пока не сколотили днища и не укрѣпили киль, и затѣмъ, разяснивши подрядчикамъ, что они должны дѣлать при дальнѣйшей постройкѣ шкуны, я отправился въ Златоустовскій заводъ, для заключенія контракта съ конторою оружейной фабрики Его Высочества Государя Великаго Князя Михаила Николаевича, на поставку туда въ 1853 г. восьми тысячъ пудовъ графита. По заключеніи съ конторою контракта, чрезъ двадцать дней возвратился въ Тобольскъ, откуда поѣхалъ опять въ Ахманайскія юрты, наблюдать за окончаніемъ шкуны. Пріѣхавши туда, увидѣлъ, что постройка шкуны не подвинулась нисколько, потому что уставщикъ работъ Суюбачъ и съ нимъ 6 человекъ рабочихъ заболѣли тифомъ. Убѣдясь въ истинѣ этого несчастія, я вынужденъ былъ разослать повсюду людей, чтобъ искать мастеровъ для окончанія моей несчастной шкуны, назначая имъ цѣны за труды, какія только пожелаютъ. Черезъ нѣсколько дней мастера явились, работа пошла довольно усѣбно и 10 мая я спустилъ благополучно шкуну на воду и привелъ въ Тоболтуринскія юрты для поднятія на ней мачты и для нагрузки припасами, заготовленными моимъ комиссіонеромъ Калиевымъ. Въ Тоболтуринскихъ юртахъ стоялъ я недолго. 18 мая загорѣлся домъ моего комиссіонера Калиева и черезъ нѣсколько часовъ, вмѣстѣ съ десятью сосѣдственными домами, сгорѣлъ до основанія. Калиевъ потерялъ все: у него осталось только платье, въ которомъ онъ былъ. Съ потерей его была сопряжена и моя. На выданныя ему мною въ Ирбитѣ деньги заготовлены были имъ для шкуны припасы и сдѣлались всѣ жертвой пламени. Эти несчастія и разныя препятствія при снаряженіи экспедиціи имѣли вредное вліяніе на мое здоровье.

Вѣрный своимъ убѣжденіямъ, я продолжалъ окончательныя приготовленія и 4 іюня моя шкуна «Тазъ», распустивъ свой флагъ и паруса, была уже готова въ путешествіе по неизслѣдованнымъ доселѣ рѣкамъ и морямъ дальняго сѣвера. Передъ отплытіемъ моимъ изъ Тобольска, генералъ-адъютантъ Лутковскій, проѣздомъ, посетилъ этотъ городъ. Предпріятіе мое обратило на себя его вниманіе и я имѣлъ честь познакомиться съ генераломъ Лутковскимъ лично: его просвѣщенное участіе и поощреніе усилили мои желанія непремѣнно осуществить свои планы.

Итакъ обстоятельства сложились снова благоприятнымъ для меня образомъ; мнѣ оставалось—начать свое трудное странствованіе.

9 іюня мою шкуну посетили дорогіе для меня гости. Въ то время, какъ для освѣщенія ея былъ приглашенъ священникъ, нѣкоторые изъ тобольскихъ жителей, сочувствовавшихъ моему предпріятію, собрались на шкуну помолиться, вмѣстѣ со мной, за благополучный исходъ дѣла. Чистосердечныя желанія благополучнаго и удачнаго окончанія моего предпріятія давали мнѣ, такъ сказать, новыя силы къ предстоящему труду на пользу общую. Наконецъ шкуна тронулась, и съ берега слышались слова моихъ добрыхъ знакомыхъ: «Будьте счастливы, здоровы, благополучны и проч.». Мы вышли на средину Иртыша, голосовъ уже не было слышно, а только видѣлись развѣвавшіеся платки, вѣтеръ врѣпчалъ и векорѣ Тобольскъ скрылся отъ насъ.

Признаюсь, что радушные проводы людей, сочувствующихъ моему предпріятію и понимавшихъ пользу, какую оно можетъ принести краю, произвели на меня самое отрадное впечатлѣніе, неоставлявшее меня во все время плаванія.

Итакъ 9 іюня отправился я въ путь. Противные вѣтры и извилистое русло Иртыша замедляли мое плаваніе и я едва 28 іюня достигъ до села Саморова (въ 500 вер. отъ Тобольска). Иртышъ—одна изъ большихъ сибирскихъ рѣкъ; ширина и глубина его дѣлаютъ его очень удобнымъ для судоходства; теченіе его на $1\frac{3}{4}$ узла. Опасныхъ мѣстъ по

Иртышу нигдѣ нѣтъ, грунтъ земли иловатый, изрѣдка песчаный. Лѣвый берегъ Иртыша низменный, поросшій тальникомъ и богатый хорошими сѣнокосными лугами, правый же гористый и покрытъ густымъ лѣсомъ, состоящимъ изъ ели, кедровъ, сосенъ и березъ. По берегамъ Иртыша расположены русскія и татарскія селенія, разбросанныя одно отъ другаго на 30 и болѣе верстъ; подъѣзжая къ Самарову, встрѣчаются заселенія и острѣвья. Прирѣчные жители занимаются преимущественно рыбными и звѣринными промыслами, а также собираемъ кедровыхъ орѣховъ, мелочной торговлей и извозомъ. По Иртышу и берегамъ его, гдѣ только нѣтъ заселенія, мертвенная тишина, поражаютъ только дикость, однообразность, и необозримыя незаселенныя пространства, да изрѣдка попадаются пароходы, идущіе въ Томскъ и изъ Томска. Глядя на шумные и горделиво скользящія по водѣ пароходы и сравнивая ихъ съ нашей тихой шкуной, у меня неволью рождалась мысль, что путь этихъ шумящихъ гордецовъ ограниченъ. они въ безопасности снуютъ между Тюменью и Томскомъ, тогда какъ наша смиренная шкуна идетъ далеко, на сѣверъ, въ страну почти неизвѣстную, и что на пути ее ожидается, можетъ быть, много опасностей. Проѣзжая мимо деревень, пострадавшихъ отъ наводненія, тяжело было видѣть бѣдность ихъ жителей: они вездѣ встрѣчали меня печальными разказами о своихъ несчастіяхъ и просили подаванія.

Но вотъ я миновалъ Иртышъ и 28 іюня выѣхалъ въ Обь. Обь очень широка, теченіе ея большею частію прямое, а крутые берега съ обрывами, съ нависшими надъ водою деревьями, придають ей какую-то особенную картинность. На Оби и шкуна моя какъ будто бы повеселѣла; очень часто, распустивъ всѣ паруса, мчались мы съ такой быстротой, что берега, казалось, убѣгали отъ насъ. Ширина рѣки давала шкунѣ полное раздолье и она, лавируя въ разныя стороны, приучалась къ будущей борьбѣ съ морскими волнами. Матросы мои приучались мало по малу управлять шкуною и исполняли свои обязанности довольно старательно. Кстати скажу нѣсколько словъ о своихъ матросахъ. Сна-

чала въ Тобольскѣ никто не хотѣлъ наниматься ко мнѣ, опасаясь дальняго и неизвѣстнаго пути. Видя, что рискуя остаться безъ матросовъ, я принужденъ былъ испытать послѣднее средство. Послалъ одного изъ служащихъ у меня прикащикова искать рабочихъ по кабакамъ и объявлять имъ цѣны въ пять разъ дороже тѣхъ, какія дають имъ тобольскіе рыбаки. Мѣра эта оказалась дѣйствительною и въ теченіе 20 дней у меня было уже 16 человекъ рабочихъ. Ко мнѣ нанялись сапожники, столяры, шорники, кузнецы, плотники, портные, повара, кучера и проч. словомъ народъ все не простой, а ремесленный, но отставшій отъ работы, а отъ праздноси, лѣни и пьянства дошедшій до нищеты. Выдавъ имъ задатки, заплативъ за нихъ подати и одѣвъ ихъ съ головы до ногъ, я передалъ всѣхъ ихъ наблюденію полиціи, члены которой были такъ обязательны, что согласились принять ихъ подъ свой надзоръ до 10 іюня. Много хлопотъ мнѣ было съ моими рабочими: всѣ они были большіе любители водки, которая часто доводила ихъ до наготы, въ полномъ значеніи этого слова, и я принужденъ былъ по нѣскольку разъ одѣвать ихъ. Когда наступило время моего отъѣзда, то полиція, по просьбѣ моей, за два дня собрала ихъ на шкуну и держала подъ строгимъ карауломъ до самаго ухода шкуны изъ Тобольска. Во время плаванія по Иртышу самодѣльные матросы мои ознакомились съ названіями парусовъ и снастей, приучились лазить по канатамъ и на мачту, словомъ до того научились обращаться со шкуной, что вышедши на Обь, можно уже было командовать ими безъ особенныхъ затрудненій. Сильныя вѣтры имѣли тоже вліяніе на образованіе моихъ матросовъ, потому что они убѣдились на опытѣ, что спасеніе отъ непогоды зависить отъ тщательнаго исполненія матросами своихъ обязанностей. Словомъ я былъ доволенъ своими людьми; пьянство на шкунѣ было невозможно и они, волей-неволей, сдѣлались усердными и расторопными. Къ этому должно прибавить, что, сдѣлавшись по нуждѣ матросами, они не оставляли своихъ ремеслъ и, на досугѣ отъ работъ на шкунѣ, каждый изъ нихъ занимался своимъ дѣломъ. Такимъ об-

разомъ, я смѣло могу сказать, что пословица «бѣда если сапоги начнутъ тачать пирожникъ, а пироги печь сапожникъ» не всегда примѣнима.

Водяной путь по Оби, отъ Самарова до Обдорска не представляетъ рѣшительно никакихъ затрудненій. Рѣдко можно найти рѣку съ подобнымъ фарватеромъ. Теченіе ея по прямомъ плесамъ 1½ узла, а глубины, на разстояніи 1.500 верстъ, менѣе трехъ съ половиной сажень я не встрѣчалъ. Берега Оби имѣютъ общій характеръ всѣхъ сибирскихъ рѣкъ, т. е. правый берегъ возвышенный и лѣсистый, а лѣвый болѣе пологій и луговой. По правому берегу разстилаются густые кедровые лѣса; на кое-гдѣ разбросанныхъ островахъ тоже виднѣются кедровые лѣса и индѣ небольшія заселенія. Картины лѣсовъ и маленькихъ заселеній довольно живописны, и остиаки, спящіе тамъ и сямъ въ своихъ вѣткахъ (маленькихъ лодкахъ) придаютъ имъ нѣкоторую живность.

Грустно смотрѣть на Обь и на страну ея обмываемую и видѣть, что человѣкъ не хочетъ воспользоваться богатствами, такъ щедро здѣсь разсыпанными. Ясное доказательство этого—малонаселенность и отсутствіе всякой дѣятельности. Обь для многихъ настоящая мать. Сотни тысячъ людей, даже за предѣлами ея, кормятся ея рыбою; природные жители береговъ ея, остиаки и самоѣды, изъ которыхъ большая часть не ведутъ осѣдлой жизни, до настоящаго времени трудятся только для дневнаго пропитанія, о будущемъ и не думаютъ; причина такой безпечности явно кроется въ неисчерпаемомъ богатствѣ сѣверной природы. Въ паралель съ Обью, на сѣверѣ съ лѣвой стороны лежатъ Уральскія горы, вершины которыхъ видны съ Оби во время плаванія. Въ Обь впадаетъ множество рѣчекъ судоходныхъ, вытекающихъ изъ Урала. Слѣдовательно мѣстности, проходящія чрезъ Обь и Уралъ, могутъ послужить для предприимчивыхъ людей источникомъ богатствъ при розысканіи въ нихъ разныхъ металловъ и минераловъ. Одинъ изъ такихъ людей, именно Курганскій купецъ Ѳ. В. Шинкинъ доказалъ уже нѣсколькими попытками о существованіи золота въ этой мѣстности Урала. Въ

настоящее время находятся уже соревнователи г. Шишкину и есть надежда, что кто-нибудь изъ нихъ будетъ счастли- вѣе г. Шишкина и найдетъ золото въ содержаніи возмож- номъ для разработки въ этомъ отдаленномъ и холодномъ краѣ.

Наконецъ, послѣ благополучнаго плаванія, 10 іюля я прибылъ въ Обдорскъ, который я избралъ для своего мѣсто- пребывания, какъ центръ между Туруханскомъ и Печорскимъ портомъ, отстоящими одинъ отъ другаго на 2.500 верстъ. Выгрузивъ все, что предназначалось собственно для Обдорска, снарядивъ еще другое небольшое судно подъ управленіемъ осьми человекъ инородцевъ, и приславъ подрядчиковъ для перевозки въ зимнее время графита съ р. Таза на Печору, 17 Іюля я отправился съ вожатымъ, остяцкимъ старшиною Юріемъ Ранымовымъ въ дальнѣйшій путь. Изъ Обдорска провожалъ меня тамонній участковый засѣдатель г. Мицке- вичъ. Готовность помочь моей экспедиціи и предусмотритель- ность въ распоряженіяхъ г. Мицкевича были такъ велики и важны для меня, что до юртъ Хэ, чрезъ самыя опасныя мѣста Обской губы, дошелъ я безъ малѣйшаго затрудненія, потому-что на опасныхъ мѣстахъ вездѣ разставлены были вѣхи. Остяки, встрѣчавшіеся намъ по дорогѣ, не только съ полной готовностью услужить, указывали намъ фарватеръ, но даже добровольно принимались за матросскія работы. Ихъ очень забавляла моя шкуна, конструкцію которой они видѣли едвали не въ первый разъ. Они лазили на вершину мачты и спускались оттуда по канату съ довольно большой ловкостью. Эта ловкость остяковъ поселила во мнѣ убѣжде- ніе, что изъ нихъ можно образовать отличныхъ моряковъ. Убѣжденіе это укрѣплялось во мнѣ еще болѣе, когда остяки и самоѣды, бывшіе въ рабочихъ на маленькомъ моемъ суд- нѣ, переходили на большое и принимались за матросскія работы. Они были гораздо дѣльнѣе и проворнѣе русскихъ; смѣтливость ихъ удивляла меня, также какъ и любознатель- ность. Я познакомилъ ихъ съ компасомъ, подзорной трубой, термометромъ, барометромъ, секстантомъ и проч. Все слы- шанное отъ меня они очень скоро усвоивали и хорошо по-

мнили, такъ-что каждому вновь входящему посѣтителю моей шкуны передавали все съ величайшей подробностію. Способность сѣверныхъ инородцевъ къ жизни на морѣ нѣсколько разъ наводила меня на мысль о томъ, какъ бы улучшилось ихъ положеніе при развитіи мореплаванія на сѣверѣ. Такъ какъ правительство видимо заботится объ улучшеніи быта сѣверныхъ инородцевъ и о распространеніи между ними грамотности, то, мнѣ кажется, было бы полезно въ училищѣ, имѣющемъ учредиться въ Обдорскѣ, ввести нѣкоторыя науки, необходимыя для мореплаванія и морской промышленности. Тогда морскіе промысла, нетронутые на сѣверѣ Сибири доселѣ никѣмъ, обогатили бы инородцевъ и вполне обезпечили бы бытъ ихъ, а морское образованіе привязывало бы ихъ къ родинѣ и не заставляло бы чуждаться ея, какъ это замѣтно теперь въ каждомъ сколько-нибудь учившемся инородцѣ.

Обская губа начинается съ того мѣста, гдѣ рѣка Обь раздѣляется на два русла: правое, — большую Обь и лѣвое — Хаменельскую Обь. Теченіе здѣсь на пол-узла на ширинѣ 100 верстъ. Безчисленное множество подводныхъ мелей, салмъ *) и острововъ представляютъ много трудностей для плователя. Но я этого не испыталъ. Возжатый мой, старшина Юрій Ранымовъ провелъ меня чрезъ всѣ эти мѣста очень удачно и подробно объяснилъ мнѣ: гдѣ и какія препятствія можно было встрѣтить. Опишу мое плаваніе. Отъ праваго берега устья Оби я пошелъ сначала къ мысу на островѣ Яри. Проѣхавъ его и дошедши до острова Нанги, повернулъ налѣво къ мысу на островѣ Надылово. Затѣмъ подлѣ праваго берега этого острова я плылъ до юртъ Сахвельтопугольскихъ. Оттуда уже держалъ прямо на югъ и, не доѣзжая острова Юмзина, повернулъ налѣво, къ востоку и вошелъ въ узкую, но глубокую Мохтаскую Обь. По Мохтаской Оби дошелъ я до юртъ Мохтасовыхъ; оттуда держалъ на юго-востокъ и вышелъ сѣвернѣе рѣки Кутыньюгана на правый берегъ Об-

*) Салма есть глубокая широкая яма на меляхъ Обской губы.

ской губы. Придерживаясь этого берега и минуя юрты Ярсинги, дошелъ я наконецъ до юртъ Хэ, къ мысу Орнель, а оттуда, возлѣ берега, до рѣчки Сугу. Тутъ окончилось самое опасное плаваніе по Обской губѣ и предстоялъ новый отважный трудъ перевалиться чрезъ устье р. Надыма, во сто верстъ въ ширину, на тотъ же правый берегъ Обской губы, который съ устья Надыма уже поварачивается къ сѣверу.

Сильный сѣверо-западный вѣтеръ не позволялъ мнѣ рѣшиться на эту перевалку, а незнаніе фарватера ставило меня въ совершенное затрудненіе. Поэтому я остановился на рейдѣ и сталъ дѣлать соображенія: какъ бы приступить къ этому трудному дѣлу. Съ вожатымъ моимъ Ронимовымъ я долженъ былъ здѣсь разстаться. Онъ не зналъ мѣстности и отказывался вести меня далѣе. Когда, при прощаньи, я предложилъ ему денежное вознагражденіе за труды его, онъ оскорбился и отказался на-отрѣзъ принять что-либо, просилъ только дать къ засѣдателью бумагу, удостоверяющую, что онъ благополучно довелъ меня до р. Сугу. Разумѣется, я съ удовольствіемъ исполнилъ его желаніе. Спустя часа два послѣ отъѣзда Ронимова, пріѣхалъ ко мнѣ новый вожатый, надымскій старшина Тялько. Въместо того, чтобъ ободрить меня онъ сталъ доказывать, что прямо на сѣверо-востокъ чрезъ Надымское устье перевалить невозможно и что тамъ бесчисленное множество мелей. Затѣмъ онъ предлагалъ мнѣ другой путь, именно: сначала плыть противъ теченія Надыма, возлѣ лѣваго его берега до первыхъ острововъ, потомъ обогнувъ эти острова, выйти къ мысу Наре, на правый берегъ Надыма, а оттуда въ Обскую губу, прибавляя, что другого пути онъ не знаетъ и сѣвернѣе мыса Наре не бывалъ. Изъ разказовъ Тялько я увидѣлъ все неудобство указываемаго имъ пути и потому прибѣгъ къ Меркаторской картѣ. На ней курсъ плаванія пазначенъ былъ отъ мыса Жертвы прямо на мысъ Ледензи, при глубинѣ отъ 3 до 4 сажень. По повѣркѣ же этого пути на дѣлѣ оказалось совершенно не то: безпрестанныя мели на полутора футовой глубинѣ доказали совершенную невозможность плаванія по оному. Оставалось приняться за изслѣдованія самому. Разыскивая фарватеръ на сѣверъ отъ

моей стоянки; я нашелъ, что глубина Обской губы отъ устья р. Надыма къ сѣверу постепенно увеличивалась и доходила до 21 фута. Это открытіе заставило меня рѣшиться на переездъ чрезъ устье Надыма, держа курсъ плаванія отъ мыса Жертвы къ мысу Ныдскому. Когда я сказалъ вокатому моему Тялько объ избранномъ мною пути, то онъ затрепеталъ отъ страха и началъ проситься отнестись его домой. Видя его испугъ, я приказалъ его ободрить стаканомъ вина. Средство мое подействовало и Тялько сталъ смѣлѣе. Тутъ онъ разсказалъ мнѣ, что если я стану держаться принятаго мною направленія, то выйду прямо къ рѣкѣ Ныды. Дѣлаясь болѣе и болѣе смѣлымъ, Тялько сказалъ мнѣ наконецъ, что онъ бывалъ и на Ныдѣ и что тамъ кочуютъ инородцы его вѣдѣнія, но не знаетъ—можно ли безопасно пройти по предложенному мною пути, потому что никто изъ инородцевъ не переплывалъ такого большого пространства въ своихъ маленькихъ лодкахъ. Между тѣмъ вѣтеръ переизмѣнился западнѣе; принявъ это не иначе какъ за милость Божию къ моему предпріятію, я ободрился и рѣшился дѣйствовать не теряя времени. Меньшее судно я приказалъ взять на буксиръ, поднялъ паруса и отправился въ путь. Перевозка началась въ 5 часовъ утра 27 іюля. Въ 10 часовъ я не видѣлъ уже береговъ, постепенно усплывшійся юго-западный вѣтеръ мчалъ меня съ необыкновенною быстротою.—Бросаемый лотъ измѣрялъ быстроту моей шкуны отъ 6 до 7 узловъ въ часъ. Голоса матросовъ, стоявшихъ на лотѣ и кричавшихъ: 14 фут., 15 фут., 16 фут. и 19 фут., успокаивали меня насчетъ подлежащей глубины. Въ это время я, на радости, подзвалъ къ себѣ Тялько, далъ ему стаканъ водки и спросилъ: нравится ли ему ѣздить на шкунѣ? Тялько отвѣчалъ, что мы ѣдемъ очень скоро и ему дѣлается что-то страшно и потому просилъ подать ему еще стаканъ водки. Когда просьба его была исполнена, Тялько повеселѣлъ и подъ свистъ вѣтра сталъ напѣвать какую-то пѣсню. Матросы-инородцы тотчасъ же усаживъ вокругъ него на палубѣ и съ особеннымъ удовольствіемъ прислушивались къ его пѣнію. Я спросилъ у матросовъ-инородцевъ, что такое поетъ Тяль-

ко. Они отвѣчали мнѣ, что онъ рассказываетъ былинку о Надымской странѣ. Я позвалъ толмача и услышалъ слѣдующій переводъ слово въ слово:

Око, око хае при, при совой та, сыри. Тамаленгана нарсансалена тада няута хару, Тамаленгона неро нэувы. Нэумиръ баергадасъ саленгарда хеуна хауанъ харта ервона елєвы, хабиєру хеуна. Луце понгона тамаленгана парауда ейга серъ не. А тюки неа танясь око татебе, пуда нѣдаптадасъ тюки татебена яитингана, номдачь емня хуена хази іелєситы амеа хазу о пенгана тая ии гылына, я мюмне. Тюки татебена сари тэуы венегона няды няю. Тюки татебена ядермы няю няю хазу понэна, Маньяни табсда ибисъ сыри силчь, тюки симня омгарипотелимгуіене малена вдаранмбидасъ иккана, тада пуны патамбидасъ падергана пякоче-на. Пуда синва хоробтадасъ, ху-не хурка янгеу хаида маия омге сятня еюрельшида, хуены амгы якучи таремъ пуда ядовы надльо баернадасъ гаобтена няю. Миль таяль піусъ, мани сесна хаясь мань мадомъ ями малъ номдагуда маєи тына таялрѣ пянгуда тына тараню хадабіучъ пуда Емня соммолянъ ты опной хадамъ. Хазейня обсеръ ты оурнадасъ ябъ ии баернадасъ тазей хунагы няря ии нэувы. Тюки Ненчею арка татебе Неувы не-

Много, много прошло лунъ, а съ ними и лѣтъ и зимъ. Въ то время на мысу Жертвы нынѣшнія толстыя лиственицы были кустарниками, ясакъ собирали не въ Обдорскѣ и самоѣды управлялись своими родоначальниками, а не остяцкимъ княземъ. У русскихъ была тогда ханомъ бѣлая женщина; у этой женщины было много знахарей и она посылала ихъ вездѣ, чтобъ узнать, гдѣ кочуютъ самоѣды и что у нихъ есть въ водѣ и на землѣ. Вотъ эти знахари приѣхали зимою, на собакахъ и въ Надымское мѣсто. Они ѣздили по Обской губѣ въ самоѣдской одеждѣ, приказывали намъ рубить проруби и въ проруби на ниткѣ пускали что-то въ воду, и потомъ писали на бумагѣ деревянной палочкой. Они разспрашивали насъ: куда какой берегъ поворачивается, гдѣ какая рѣчка, и такъ шли и ѣхали далеко къ морю. Но самоѣды имъ правды не говорили, боясь, чтобъ они, узнавши мѣста въ тундрѣ, не захватили оленей, которыхъ и безъ того убивали имъ каждый день по пяти на пищу. Да и самоѣды съ ними ѣли оленей и пили вино ихъ желтое и красное. Эти люди были большіе зна-

най идъ ябеи сертабедась, тюки аккама хазей нерпидась. Хазей арконо пюлидась, хурка амгары мятерцана поеибись. Хуптэ, хупте пуда унгина іәмь, хазена сей пеллмы татебена татебернась хэна хороптабедась. Луцэ сія тамамта, тюки еккана ингупта. Татебе пейзярь ладабидась, харта пудомда маттедедась моттургада. Темаленгана Ортикъ хэ таремъ мамы, тада пуны соо вона еленгуда ода юръ ты хададе Нядинъ салена, тюки вади пуны лано вонда серъ хази юръ ты хадида. Тюки маленгана, тюки Нядинъ-сале. Нарасан-симга нюмдеда, тада пуны тенда темаленгуна татебе табеда ванда ееръ. Элеттъ ты хадабю. Тюки сале тенда лэтабида. Харта нина геуна хибири багрнась няды я науна модась, пуды нини гиедерамбидась та лирче баергада, сыри серъ плыбида тюки хеуна арка хади баернась, хартанина темамнгина харовита теда ядерептвода али гартти восво ну нуухомбида тада пуны тюки табедавы хидачъ тына хаберта луце еркарада нуядерциды. Тякуна мани мамью луце ташибена емгурцъ пята ху не ныда хесига. Тада пуны луцена таромдайду, тюки силена

хари: нзъ воды дѣлали вино *) и имъ поили самоѣдовъ. Самоѣды очень боялись ихъ и давали имъ разные подарки. Долго, долго, они жили въ тундрѣ и самоѣдамъ сдѣлалось страшно. Шаманы ворожили имъ и спрашивали шайтановъ, — слѣдуетъ ли обманывать русскихъ и будетъ ли имъ отъ этого хорошо. Шаманы били въ бубень, рѣзали и кололи свое тѣло. — Тогда Ортикъ **) сказалъ имъ, что они будутъ счастливы, если принесутъ въ жертву сто оленей на Надымскомъ мысу. — Жертва была принесена, и мысъ съ того времени названъ мысомъ Жертвы, каковыя приносятся на немъ и понынѣ. Этотъ мысъ караулить и кто бы ни пытался проѣхать черезъ Надымское устье въ самоѣдскія тундры, онъ не пускалъ, подымая лѣтомъ сильные вѣтры, а зимой свѣжные бураны. Самоѣды же ѣздили, но вѣтровъ и бурь никогда не видали. Съ того времени никто чужой не въѣзжалъ въ тундры, и русскіе знахари стали хворать и умирать. Но когда русскіе узнали силу мыса Жертвы, то стали заѣзжать въ Надымскую сторону съ рѣки Полуя. И Ортикъ наказалъ самоѣдовъ, что

*) Вѣроятно пувищъ.

**) Обожяемый идолъ на р. Харовѣ. Ортикъ—осицкое слово, въ переводѣ сынъ луны; у нихъ самый старшій идолъ называется Мастерко, потомъ младшій Ортикъ, послѣ Яманъ.

ны, ядерць пййду няды я няю. Ортикъ хэ невзими тюки еккана амгы видисертайду ларь яги геуна абтерче пуехару хазальмы, выль пя сялмы. Ты хась пййду унзе опойтена илибемаль, Тюки хауы тыда хазу о уни-оурга, хулены неначь омда тюки неначь хангу. Тюки нерня терге серь янгусь ты хаситы, тюки еккана Ортикъ хэ таранхаруась хазуо оурманда емни лазуана малъ вой еле пййду елибе сялмы, ты малъ янгума нарсана хада ты янгумы. Хазина луцени хеувы, лузма мемзераць пййду. Нянь омць пййду, опой Нумъ нягогеува хаура пййду. Хабьеру ерва хазей ервоги хаъ сно елена хазуо янгума хи берта вой елена, хазуо нуу лублимбида. Хазуо теда талибидатамаленгина ты унзе толпи.... ги ги ги ги ги ги.

онине поставили ему мыса Жерты съ полуйской стороны. Лиственницы стали сохнуть, тундры сдѣлались голыми. Олени сталидохнуть не поодинакъ, а стадами. И дохлыхъ оленей не ѣли самоѣды,—кто поѣсть, тотъ умереть. А прежде такъ не было. Олень издыхалъ, потому-что Ортикъ хотѣлъ, чтобъ самоѣды съѣли его. Самоѣды обѣдѣли, не стало у нихъ оленей на жертву. Самоѣды стали дѣлаться русскими, наниматься къ нимъ въ работы, ѣсть хлѣбъ и поклоняться одному Богу, а остояцкй князь сдѣлался самоѣдскимъ княземъ. Богатыхъ самоѣдовъ не стало; не кому теперь кормить бѣдныхъ. Самоѣды нынѣ считаютъ оленей, а прежде и счету имъ не знали. Кожи оленьихъ не продавали, а отдавали бѣднымъ на одежду. Теперь продаютъ кожи русскимъ за вино. А вино вкуснѣ мяса: какъ напьешься, такъ и разбогатеешь. У тебя вдругъ появится много оленей и дѣлаешься купцомъ. А какъ проснешься, такъ узнаешь, что бѣденъ и что пропалъ послѣдняго оленя.

Эту былицу Тялько разсказывалъ на-распѣвъ, почти всю ночь.

28 іюля, въ шестомъ часу утра мы увидѣли спящуюся вдали мысь. Когда мы подошли ближе къ этому мысу, то изъ воды выказалась еще два мыса и одинъ изъ нихъ, по словамъ Тялько, былъ Ныдскій. Я направилъ шкуну

свою на этот мысъ и въ 6 часовъ по полудни мы благополучно достигли его. Бросивъ якорь, первымъ дѣломъ нашимъ было возблагодарить Бога, что онъ дозволилъ нашему маленькому судну благополучно проплыть такое большое пространство въ открытомъ морѣ. Матросы вышли на берегъ и занялись кто ловлей рыбы, кто сбораньемъ ягодъ морошки, растущей здѣсь въ большомъ количествѣ. Между тѣмъ я послалъ прикащика своего Мамѣва для розысканія пастуха съ оленями, который, по расчету времени, въ концѣ іюля долженъ быть со стадомъ на р. Ныдѣ. Черезъ нѣсколько часовъ стадо было розыскано и выгнано къ берегу для повѣрки числа оленей. По повѣрѣ, я приказалъ пастуху подвигаться со стадомъ далѣе къ р. Тазу.

29 іюля погода была ясная и стоялъ штиль. Этотъ день я хотѣлъ посвятить работѣ и занялся опредѣленіемъ с. ш. мѣста при р. Ныдѣ и, сдѣлавъ съемку праваго берега Обской губы, положилъ ее на карту. Температура 27 іюля у мыса Жертвы была $+12^{\circ}$ по Реом., по мѣрѣ же приближенія нашего къ сѣверу, пониженіе температуры было очень рѣзкое. При совершенно тихой погодѣ, въ мѣстѣ нашей стоянки, при Ныдѣ, 29 іюля утромъ въ 4 часа было $+8^{\circ}$, въ 12 часовъ дня $+10^{\circ}$, а въ 12 часовъ ночи -6° . Отъ мыса Орнель замѣчается уже постепенное уменьшеніе растительности. У мыса Наръ замѣтно еще небольшое количество листовичнаго лѣса, у Надымскаго уже гораздо менѣе, далѣе же къ сѣверу лѣсъ совершенно исчезаетъ. Виднѣются только голые берега и тундры, покрытыя въ низменныхъ мѣстахъ небольшою травой, а въ высокихъ оленьимъ мхомъ. Фарватеръ Обской губы отъ р. Сугу до р. Ныды глубиною отъ 14 до 17 футовъ, вездѣ ровный, песчаный, съ типой. Правый берегъ ея довольно возвышенъ, лѣваго же берега, по причинѣ дальняго разстоянія, видно не было. Здѣсь я распрощался съ моимъ вожатымъ Тялько, другаго вожатаго для дальнѣйшаго слѣдованія я принесть уже не могъ. Кочующіе у р. Ныды самоѣды отозвались незнаніемъ мѣстности и я долженъ былъ отправиться далѣе безъ вожатаго, предавая себя вполне волѣ Божіей. По Меркаторской картѣ 1734 г., посланной мнѣ для

руководства, я никакъ не могъ держать курсъ плаванія. Она оказалась совершенно неправильною,—вѣроятно ее составляли тѣ знахари, о которыхъ разсказывалъ вожатый мой Тялько.

Въ шестомъ часу вечера подулъ небольшой западный вѣтеръ, я снялся съ якоря и пустился далѣе въ путь. Ныдскій и Осетровый мысы мы миновали благополучно; но послѣ этого вѣтеръ опять затихъ и мы принуждены были стоять на рейдѣ до 1 августа. Недостатокъ рыбы вызвалъ у матросовъ желаніе отправиться на берегъ съ неводомъ и попробовать счастья. Неводъ былъ сажень въ тридцать. Въ первую же тоню поймано было шесть осетровъ. Эта удачная ловля такъ разохотила матросовъ, что съ тѣхъ поръ, впродолженіе всего пути до устья р. Таза, осетрина не сходила со стола ихъ; они ѣли ее и вареную, и сырую, и соленую. Однимъ словомъ, вездѣ по нашей дорогѣ былъ такой обильный уловъ рыбы, что еслибъ у насъ былъ большой запасъ соли, то изъ этой ловли можно бы сдѣлать небольшую спекуляцію. Этотъ же недостатокъ соли и заставлялъ матросовъ ѣсть осетрину свѣжую. Такъ какъ рыба ловилась, по мѣрѣ надобности, къ столу, то матросы, часто смѣясь другъ съ другомъ, говорили: «А что, г. поварь, осетрины на варю хватить, али нѣтъ? если нѣтъ, то мы сейчасъ пойдемъ въ свой садокъ и принесемъ осетриковъ, сколько вашей милости потребуется. Вотъ-то ихъ здѣсь благодать какая, столько же, какъ и воды! Вѣрно потому здѣсь много воды и осетровъ ѣсть.» Такое мнѣніе составили мои матросы о богатствѣ здѣшняго осетроваго промысла. Но вскорѣ появившіеся довольно часто на Обекой губѣ большими табунами дельфины (бѣлухи) убѣдили матросовъ, что и безъ нихъ есть кому ѣсть рыбу. Присутствіе дельфиновъ объясняетъ обиліе рыбы у береговъ. Дельфины, преслѣдуя рыбу по средней губѣ, отгоняютъ ее къ берегамъ и тутъ, по мелководью, не могутъ уже далѣе гнаться за ней. Рыба же, найдя у берега затоны и безопасность отъ дельфиновъ, успокоивается и плыветъ далѣе уже возлѣ береговъ. Постоянные лунные приливы и отливы, дѣлающіеся болѣе замѣтными отъ р. Ныды къ

сѣверу, сбывая путь рыбы, производили слѣдующее явленіе. Въ противность закона природы, заставляющаго рыбу плавать, для ловли корму, противъ воды, она, придерживаясь течения приливовъ и плавая взадъ и впередъ, оставалась почти на мѣстѣ. Постоянные сѣверные вѣтры имѣютъ большое вліяніе на приливы въ Обской губѣ. Отъ нихъ вода подымается надъ обыкновеннымъ уровнемъ до 12 фут., отливы же въ то время дѣлаются почти незамѣтны и увеличиваются только по мѣрѣ затиханія вѣтра. Самоѣды называютъ приливы вѣтреной водой, т. е. водой, приносимой вѣтромъ.

Съ 1 по 7 августа плаваніе мое не имѣло ничего особеннаго. Погода была переменная, Утренніе туманы усиливались и температура понизилась до $+4^{\circ}$ по Реомюру.

Путь свой я держалъ съ мыса на мысъ и, подбѣзжая къ каждому изъ нихъ, давалъ имъ названія. Отъ Осетроваго мыса, минуя мысы Досады, Преображенья и Послѣдній, добрался я до Круглаго мыса. Здѣсь юго-восточный вѣтеръ побеспокоилъ меня, сорвалъ шкуну съ якоря и унесъ, черезъ Тазовскую губу, на правый берегъ. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что держаться на якорѣ не было никакой возможности. Минуя Тазовскую губу, меня понесло, вдоль праваго берега, по Обской губѣ, прямо къ сѣверу, хотя я не имѣлъ никакого желанія познакомиться съ Ледовидымъ моремъ и его бѣлыми медвѣдями и моржамъ. Это невольное путешествіе продолжалось съ 4-хъ часовъ утра до 9 часовъ вечера. Послѣ этого вѣтеръ утихъ и я, пользуясь луннымъ приливомъ, возвратился опять въ Тазовскую губу. Но справедлива пословица, что нѣтъ зла безъ добра. Вѣтеръ уносилъ меня, какъ я полагаю, подъ 72° с. ш., хотя при облачной погодѣ я не могъ сдѣлать точныхъ наблюденій, но близость Ледовитаго моря доказывалась появленіемъ моржей, морскихъ зайцевъ и тюленей, и даже вода при приливѣ не имѣла обыкновеннаго прѣснаго вкуса. Между тѣмъ я удостовѣрился, что въ той мѣстности, куда доходила моя шкуна и дальше оной, сколько только можно было усмотрѣть въ зрительную трубу съ высоты мачты, сплошнаго и плавающаго льда въ Обской губѣ вовсе не было.

Тазовская губа гораздо уже и мельче Обской. Лѣвый берегъ возвышенный, а правый низменный, а фарватеръ, глубиною отъ 8 до 14 футовъ, лежитъ почти по срединѣ губы, въ виду береговъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго верстъ на 50. Почва фарватера иловатая и нигдѣ песчаная. Ближе къ устью р. Таза есть на ней и острова. Берега губы покрыты мхомъ и нигдѣ не видно почти никакой растительности. Изрѣдка только видѣются на низменныхъ мѣстахъ небольшіе, но густые кусты маленькой искривленной березки и тальника; волнистые холмы и песковыя норы дополняютъ картину этой пустынной страны. Тазовская губа образуется изъ слиянія двухъ большихъ рѣкъ Пура и Таза, раздѣленныхъ отчасти возвышенною горою, оканчивающеюся вдавшимся въ губу мысомъ Нарсан-Сале. Въ устьѣ р. Пура съ лѣвой стороны впадаетъ рѣчка Яловая, а съ правой, у устья р. Таза, тремя устьями рѣчки Мяцо и Хорута. На устьѣ рѣкъ Пура и Таза есть множество острововъ, съ безрыбными озерами, куда самоѣды впускаютъ добытыхъ ими осетровъ; острова эти покрыты очень густымъ, но небольшимъ тальникомъ. На нихъ цѣлое царство дикихъ гусей и утокъ. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ здѣсь такъ много, что, кажется, они слетѣлись съ цѣлой Азіи. Проѣзжая Тазовскую губу, первыхъ самоѣдовъ встрѣтили мы у мыса Кочующій. Шкуна была на довольно большомъ разстояніи отъ этого мыса, но самоѣды, замѣтивъ насъ, тотчасъ же усѣлись въ свои небольшія лодки и поднялись къ намъ. Трудно описать ихъ радость и удивленіе при осмотрѣ моей шкуны и, въ особенности, когда они встрѣтили на ней матросовъ, такихъ же самоѣдовъ, какъ и они сами. Отъ гостей своихъ я узналъ, что устьѣ р. Таза уже недалеко. При извѣстїи объ этомъ радость овладѣла моими матросами; мы бросили якорь и, принарядивъ свою наружность, ударили въ колоколъ къ молитвѣ. Поблагодаривъ Создателя за сохраненіе во время пути и за то, что, миновавъ всѣ трудности, увидѣли себя снова между людьми, матросы мои усердно поздравляли меня съ успѣшнымъ и скорымъ окончаніемъ дѣла. Тутъ пошло у насъ угощеніе гостей, вѣтничковъ нашего счастья, и самихъ хозяевъ. Пѣсни матросовъ, сопровождаемыя барабана-

Пирь на лквудъ "Тазь", близъ мыса Кочующій въ Тазовской губь.

ми, гармоникой, бандурою и разнаго рода побрякушками, привели самоѣдовъ въ восторгъ. Подвеселѣвшіе матросы пустились въ пляску и отъ ихъ лихаго казачка эдрожала и затрепала шкуна. Пляска, пѣсни, посвящыванья, стрѣльба пзъ штуцеровъ и громогласное «ура»! сливались въ одинъ какой-то радостный гулъ. Мои подстреканья: «свалай, ребята, веселись!»! возбудили въ смѣльчакахъ моихъ еще болѣшую охоту къ веселости и такъ симпатически подѣйствовали на нашихъ гостей-самоѣдовъ, что и они, въ своемъ рубинѣ, босикомъ, на тоненькихъ ножкахъ, тоже пустились отплясывать трепака. Наконецъ ударили въ колоколь на отдыхъ, — все затихло и черезъ нѣсколько минутъ всѣ покоились крѣпкимъ сномъ. Это празднованіе наше происходило 12 августа, въ 9 часу вечера. Когда все уснуло кругомъ, я остался одинъ на ночной вахтѣ. Измѣряя палубу взадъ и впередъ неровными шагами, я находился въ такомъ тревожномъ состояніи, что не зналъ, что съ собою и дѣлать—разныя радостныя мысли роями толпились въ моей головѣ; такъ я провелъ всю ночь. Часу въ 4-мъ утра шкуна моя проснулась и снова начались поздравленія меня со скорымъ достиженіемъ желаемаго. Поблагодаривъ всѣхъ и каждаго за ихъ усердныя труды, я послалъ два катера, — одинъ осмотрѣть Пурскіе острова и разузнать какіе тамъ живутъ инородцы, о существованіи которыхъ мы извѣстились отъ нашихъ гостей, а другой—измѣрять фарватеръ по направленію къ устью р. Таза. Самъ же легъ спать. Черезъ нѣсколько часовъ катера мои возвратились и съ ними наѣхало множество самоѣдовъ съ разныхъ острововъ Обдорскаго и Туруханскаго отдѣленій. Лоцманъ сказалъ мнѣ, что на одномъ изъ острововъ, названнаго мною «Находка», онъ нашелъ остяковъ Вульнастинскаго рода, которые не видали никогда русскихъ, не записаны въ ревизію и не платили никогда ясака и повинностей, и что остатки эти пріѣхали повидаться со мной. Увидѣвъ ихъ, я сталъ внушать имъ, что они пехорошо дѣлають, что по настоящее время остаются неизвѣстными правительству. Я убѣждалъ ихъ подчиниться законной власти. Недавніе примѣры строгихъ наказаній надъ самоѣдами Ваули, Папи,

Садомы и другими за грабежи, буйства, разбои и неповиновение властямъ не имѣли почти никакого нравственнаго вліянія на этихъ дикихъ дѣтей природы. Внушенія же мои видимо на нихъ подействовали. Не говоря ни слова, отправились они на свой островъ и, возвратясь оттуда, привезли трехъ лисицъ въ ясакъ за три года. Сверхъ сего привезли съ собою рыбаго жиру и ворвани для продажи, съ тѣмъ, чтобъ заплатить за себя и повинности. Желая помочь имъ, я все это купилъ у нихъ и далъ имъ, по желанію, денегъ, табаку, ржаной муки и холста. Получивши все, деньги 17 р. 50 к. они мнѣ возвратили, поясняя при этомъ: «царскія деньги отдай царю на повинности». При этомъ они дали мнѣ слово, что будутъ каждый годъ сами приѣзжать для положенія ясака въ Обдорскъ. Полученный мною ясакъ и деньги, съ поясненіемъ всего въ особой запискѣ, я отослалъ, по возвращеніи въ Обдорскъ, къ обдорскому засѣдателю для представленія въ казну.

Инородцы Туруханскаго отдѣленія стали упрашивать меня, чтобъ ихъ перевести съ острова на устье р. Таза, потому-что они въ своихъ маленькихъ лодкахъ не смѣютъ съ семьями пуститься чрезъ такое далекое разстояніе. Они объяснили мнѣ, что если они останутся на островахъ и за ними не приѣдетъ никто изъ самоѣдовъ (что бываетъ очень нерѣдко), то, не имѣя теплой одежды и дровъ, при наступающихъ холодахъ, всѣ замерзнутъ. О помощи этой они просили настоятельно и потому еще, что съ ними случилось въ нынѣшнее лѣто несчастіе: осетры, пущенные ими въ озера (въ трехъ озерахъ до шести сотъ штукъ) подошли отъ затхлои воды и они остались безъ запаса для пищи. При этомъ они говорили, что если въ настоящее время попадутъ въ устье Таза, то успѣютъ еще наловить себѣ рыбы въ запасъ до весны. По желанію ихъ я далъ имъ батера для перевозки ихъ семействъ и 15 августа шкуна моя, наполненная бѣдняками, быстро мчалась въ устье Таза. Съ 14 числа температура быстро переѣнилась. Сдѣлалось холодно и пошелъ дождь со снѣгомъ. Небольшія озера подъ 68° с. ш., на 14 августа, покрылись тонкимъ льдомъ. |

Во время плаванія моего съ туруханскими инородцами я узналъ отъ нихъ, что весною 1863 г. у нихъ былъ голодъ. Они принуждены были питаться березовой губой и мхомъ, что изъ роду хулиныхъ; съ голоду умерли инородцы Метти, Тангимъ, Тэзима и крещенный Василій Поллинъ, да и всѣ они едва ли не умерли бы съ голоду, еслибъ появившаяся весною птица—гуси и утки не спасли ихъ отъ голодной смерти. Когда я спросилъ ихъ—отчего они не постарались достать себѣ хлѣба изъ тазовскаго магазина, то они отвѣчали, что хлѣба въ то время въ магазинахъ не было, вышелъ; привозится же онъ только зимнимъ путемъ. Бѣдность тазовскихъ туруханскихъ инородцевъ поразительна; не знаю съ чѣмъ ее и сравнить,—они хуже каждаго пищаго, потому что имъ не къ кому и руки протянуть за подаваніемъ. Рыбные промыслы по р. Тазу и въ особенности въ устьѣ этой рѣки такъ богаты, что я нигдѣ не встрѣчалъ имъ подобныхъ. Тамъ, мои рабочіе закидывали свой маленькій неводъ и вытаскивали за-разъ по 90 нельмъ икрыныхъ, въсомъ каждая не менѣе 15 фунтовъ. О моксиунахъ же, чирахъ и шукахъ удивительной величины и говорить нечего. Между тѣмъ тамошній инородецъ не въ силахъ завести себѣ неводъ. Нужда заставляетъ ихъ дѣлать невода изъ тальникова лыка, и, не смотря на это столь неудобное и непримѣнительное средство, они налавливаютъ рыбы и на дневное пропитаніе и въ запасъ. Одна только продолжительная холодная весна заставляетъ ихъ голодать и даже часто умирать съ голоду. Невольно приходитъ мысль: когда придетъ то счастливое время, что инородцы получатъ средства и возможность извлекать и сбывать богатства, которыя разсыпаны въ ихъ благодатной странѣ?

15 августа погода была довольно свѣжа, усилился сѣверный вѣтеръ и термометръ палъ до точки замерзанія. Но я уже находился въ это время внѣ всякихъ опасностей въ устьѣ р. Таза, куда привезъ и моихъ бѣдныхъ пассажировъ. Желая сколько-нибудь помочь ихъ горю, я поставилъ одного изъ служащихъ у меня съ большими запасами на р. Тазѣ, съ тѣмъ, чтобъ онъ на какой-нибудь рѣчкѣ, впадающей съ пурекской стороны въ р. Тазъ, гдѣ больше льду, выстроилъ

избу для печенья хлѣба и кормилъ имъ инородцевъ. При этомъ ему приказано было отъ меня надѣлать этихъ бѣднѣшковъ, по возможности, средствами для промысла рыбы и звѣря. Самъ же я на небольшомъ катерѣ отправился вверхъ по р. Тазу, къ самоѣдамъ, кочующимъ невдалекѣ отъ часовни Василія убиеннаго. Вскорѣ за мной пришла туда и шкуна, и 17 августа мы благополучно высадились у помянутой часовни. Этимъ окончилась моя вторая экспедиція. Прилагаемая при семъ карта изображаетъ въ подробности весь курс моего плаванія.

Рѣка Тазъ всюду судоходна. Глубина ея отъ 22 до 40 футовъ, фарватеръ ровный, безъ мелей и пересговъ, но довольно извилистый. Р. Тазъ имѣетъ особенное свойство, — вода въ ней, какъ говорится въ полярной странѣ, не замираетъ зимою и потому рыба держится всю зиму. Словомъ «замирать» здѣшніе обитатели приписываютъ рѣкамъ Надыму, Оби и другимъ, способность воды ихъ соединяться зимою съ ржавчиною, отчего она дѣлается буро-красною.

Во время слѣдованія моего по р. Тазу, остяки безпрестанно пріѣзжали на шкуну, осматривали ее и, удовлетворивъ свое любопытство, почти тотчасъ же спрашивали: не продаю ли я вина, муки и табаку. Желая узнать, по какимъ цѣнамъ продается у нихъ вино, я сказалъ, что у меня все есть и спросилъ какую цѣну они мнѣ дадутъ за требуемые предметы? Остяки отвѣчали, что за бутылку вина они платятъ обыкновенно отъ 15 до 20 бѣлокъ, за пудъ ржаной муки 15 бѣлокъ и за фунтъ табаку 10 бѣлокъ. А такъ какъ бѣлка у нихъ темная, а иногда попадаетъ чернохвостька и стоитъ недешевле 10 коп. сер. за штуку, то выходитъ, что за бутылку вина платятъ они отъ 1 р. 50 до 2 руб. сер. Убѣдившись лично, какъ дорого продаются инородцамъ предметы первой потребности, а также и вино, до котораго они такъ лакомы, не смотря на частыя губельныя послѣдствія пьянства, я старался разъяснить имъ, что впредь всѣ товары и припасы они будутъ получать отъ меня по самымъ дешевымъ цѣнамъ, кромѣ вина, которымъ я торговать не намѣренъ.

Не доѣзжая часовни Василя убиеннаго, встрѣтился съ нами неожиданно священникъ Тазовской церкви от. Іоаннъ. Велика была наша радость при этой встрѣчѣ. Вмѣстѣ съ нимъ мы доѣхали до часовни и тамъ усердно благодарили Бога за благополучно совершенное путешествіе. Отецъ Іоаннъ поздравилъ меня съ пріѣздомъ, убѣдительно просилъ уступить ему сколько-нибудь ржаной муки, которой у него нѣтъ съ іюля, такъ что онъ съ семействомъ сидитъ безъ хлѣба. Я отвѣтилъ ему, что съ удовольствіемъ подѣлюсь съ нимъ не только мукою, но и всѣми запасами, какіе имѣю, и что мнѣ особенно пріятна возможность помочь ему. На это почтенный священникъ сказалъ мнѣ: «Съ хлѣбомъ съ солью и молитвою Богъ принесъ васъ въ эту страну, для того, чтобъ накормить алчущихъ и избавить ихъ отъ голодной смерти. Съ этимъ же Богъ и возвратитъ васъ отъ насъ, грѣшныхъ.»

Изъ рукописи, находящейся въ Троицкомъ тунгускомъ монастырѣ, извлечено мною слѣдующее преданіе о часовнѣ Василя убиеннаго. На мѣстѣ, гдѣ теперь эта часовня, назадъ тому 260 лѣтъ, былъ городъ Мангазея, сожженный тазовскими самоѣдами, причемъ и всѣ житѣли его были перебиты. Продолжаю словами рукописи. «За нѣсколько лѣтъ до этого несчастія, у одного купца въ Мангазеѣ жилъ въ услуженіи семнадцатилѣтній юноша Василій, сынъ ярославскаго мужа Θεодора и имѣлъ отъ хозяина своего довѣріе перепродавать товары. Но нѣкогда, бывшему ему Василю во церкви, на утреннемъ моленіи, хищники врученное ему имѣніе изъ лавки покрали, за что онъ преданъ былъ суду отъ хозяина своего, яко сообщникъ ворами, и мученъ воеводою Пушкинымъ на разныхъ розыскахъ до смерти. Мертвое же тѣло его христіанскаго погребенія не сподоблено, но али ожесточеннаго злодѣя и нераскаяннаго грѣшника, брошено съ поруганіемъ въ гробъ и закопано въ болотистое грязное мѣсто. Но оттуда невидимою силою оно выходило на ружу земли». Это было поводомъ, что тѣло Василя перенесли на кладбище, похоронили по христіанскому обряду и надъ могилою построили часовню, которая поддерживается и понынѣ. Далѣе рукопись говоритъ: «Въ 1652 г. при воеводѣ Корсаковѣ

начали отъ него, Василия, бывать чудеса всѣмъ съ вѣрою притекающимъ къ нему.» Разумѣется, народъ сталъ чтить его память. По разореніи Мангазеи гробъ и тѣло Василия были перенесены въ Троицкій Тунгусскій монастырь настоятелемъ этого монастыря Тихономъ, гдѣ находятся и нынѣ. По преданіямъ, перевезеніе тѣла Василия было тоже сопровождаемо чудесами.

Осматривая мѣстность бывшаго города Мангазеи, я нашель очень еще замѣтные слѣды нѣкогда существовавшихъ зданій, а у обрушающагося берега р. Таза нависшій надъ водою огромной величины гробъ изъ лиственныхъ досокъ. Любопытство заставило меня посмотреть, что за останки великана покаятся. Человѣческій оставъ лежалъ во весь гробъ, въ немъ истлѣвшая уже пелена, въ которую онъ былъ обернуть, заставила думать, что это останки какого-нибудь монаха, такъ какъ мнѣ сказали, что монаховъ хоронятъ спеленанными. Удовлетворивъ любопытство, я приказалъ людямъ моимъ обрушившееся мѣсто у гроба укрѣпить ряжемъ, засыпать пескомъ, обложить дерномъ и поставить на немъ крестъ.

Хотя я былъ физически измученъ трудами, однакожъ, не предаваясь отдыху, снова принялся за работу. Лѣгнѣе и отдыхать было некогда. Оставивъ шкуру и матросовъ у часовни на р. Тазѣ, самъ я въ небольшомъ катерѣ отправился вверхъ по рѣкѣ, къ Тазовской церкви, отстоящей отъ часовни на 300 верстѣ. Это было 22 августа. Черезъ 6 дней я пріѣхалъ къ Тазовской церкви и прожилъ тамъ до 3 сентября, прискивая вожатыхъ и рабочихъ, съ которыми могъ бы добраться до Туруханска. Наконецъ нанялъ пять человекъ, купилъ небольшую вѣтку *) и отправился въ дальнѣйшій путь. Отъ церкви поплыли мы внизъ по Тазу и, отѣхавъ 20 верстѣ по правому берегу Таза, повернули въ р. Худо-сею, каменистую и быструю. Изъ нея двинулись влѣво въ рѣчку Покадку и ея притокъ, и такимъ образомъ дошли до

*) Лодка, въ родѣ нашихъ душегубовъ.

озеръ, покрывшихся уже тонкимъ льдомъ. Прорѣзавшись черезъ ледъ озеръ и перетащивши вѣтки черезъ два болотные волока, пришли мы къ довольно большому озеру, версты съ три длиною, тоже покрытому льдомъ. Здѣсь проводники мои—остяки измѣнили мнѣ. Вѣроятно, они боялись, что по случаю сильныхъ морозовъ не возвратятся домой и потому, воспользовавшись моимъ сномъ, убѣжали. Остался со мной одинъ, очень крѣпко заснувшій остякъ «Николка», какъ называли его товарищи. Это было 10 сентября. Мнѣ предстояла голодная смерть, потому-что я былъ оставленъ почти безъ помощи на срединѣ пути, т. е. въ 500 верстахъ отъ Тазовской церкви и въ столькихъ же отъ Туруханска. Мѣстность была совершенно пустынная, съ непроходимыми лѣсами; кромѣ дикихъ утокъ на озерѣ и медвѣжьихъ слѣдовъ на сушѣ ничего не попадалось. Медлить было невозможно, жилихъ мѣсть вблизи не было, между тѣмъ морозъ, усиливаясь болѣе и болѣе, грозилъ смертью. Спустивши вѣтки на озеро и вооружившись длинными пестами, мы стали прорѣзываться черезъ ледъ, бывшій уже въ вершокъ толщиною. Трудившись такимъ образомъ цѣлый день и почти выбившись изъ силъ, достигли мы до противоположнаго берега озера и вѣхали въ быструю, узкую и еще незамерзшую протоку. По ней дошли до р. Нижней Баюхи и, приставши къ берегу, выбрали развѣсистую ель для ночлега, развели огонь и уснули. На другой день мы снова уцѣлись въ свои вѣтки и, плывя довольно быстро по теченію, вошли въ р. Верхнюю Баюху. Наконецъ 15 сентября вѣхали въ р. Туруханъ и высадились на берегъ у избушки вахтера Даурскаго. Здѣсь, отдохнувъ немного и нанявъ новыхъ рабочихъ, я въ тотъ же день, для переговоровъ съ повѣреннымъ по дѣламъ графитнымъ Н. Е. Амосовымъ, отправился въ Туруханскъ, куда и доѣхалъ 18 сентября весь измученный и ослабленный отъ тяжелаго пути.

Въ Туруханскѣ я просилъ тамошняго засѣдателя Назарцака дать мнѣ открытое предписаніе на свободный проѣздъ отъ Туруханска до Енисейска и, получивъ оное, отправился въ почтовой лодочкѣ въ Енисейскъ. На Енисеѣ стала уже

подниматься шуга, увеличиваясь день-ото-дня болѣе и болѣе, потому путешествіе мое было довольно трудно и опасно. Вообще переѣздъ мой до Енисейска былъ чрезвычайно разнообразенъ: то везли меня въ лодкѣ бичевою на собакахъ, то ѣхалъ я по берегу Енисея верхомъ на лошади, то шелъ нѣсколько станцій пѣшкомъ, и такъ далѣе, съ разными варіаціями; могу сказать, что только-что не леталъ, а то испыталъ всевозможные способы передвиженія. Переплывая черезъ Енисей изъ деревни Осиновой въ деревню Ворогову, при сильномъ вѣтрѣ, я чуть не утонулъ. Жители дер. Вороговой, видя мою, почти неминуемую бѣду, вышли, по мѣстному обычаю, съ образами на берегъ и молились до тѣхъ поръ, пока я благополучно переправился. Отъ Вороговой поѣхалъ я уже на саняхъ по лѣвому берегу Енисея. 5 октября, желая поскорѣе добраться до деревни Назимовской, я рѣшился, по совѣту ямщиковъ, перейти чрезъ Назимовское озеро, чтобъ попасть прямымъ путемъ въ деревню. Только-что начали мы переходить, ледъ подъ нами обломился и я, съ своими людьми, нырнулъ въ воду. Недоставая ногами дна, мы стали хвататься за льдины и, ухватившись за брошенные оставшимся на берегу ямщикомъ возжи, успѣли кое-какъ вылѣзти на берегъ. Не имѣя перемѣннаго платья, я принужденъ былъ въ этомъ же, сначала мокромъ, а потомъ замерзшемъ, сѣсть на лошадь и ночью въ лѣсу пробираться въ деревню кругомъ озера на разстояніи 20 верстъ, по кривой тропинкѣ, едва проходимой для лошади. Дотащившись до деревни, я велѣлъ везти себя на квартиру, чтобъ обсушиться и, взявъ по бланкѣ лошадей, отправиться далѣе. Съ лошади меня сняли полуживаго, правая рука и нога, бывшія на внутренней сторонѣ, ооченѣли. Кое-какъ меня оттерли. Баня и отдыхъ въ теплой квартирѣ возстановили мои силы. Проживъ три дня у добраго хозяина моего, крестьянина Ивана Назимова, и поблагодаривъ его за радушныя услуги, 8 октября я пустился далѣе въ дорогу и 14 былъ уже въ Красноярскѣ, гдѣ, окончивъ что было нужно, я 29 октября отправился обратно въ Туруханскъ, куда добрался 9 декабря. Дорога была дурна и опасна, вездѣ то-

Путешествие вверх по р. Енисею.

росы *) вышнюю съ добрую гору, и наледь. Того и гляди, что изъ торосовъ попадешь прямо подъ ледь. Въ Туруханскѣ прожилъ до 28 декабря, и отправился на р. Тазъ. По дорогѣ отъ Туруханска до Таза всего только два жилища. На 95 верстѣ Балухинскій-станъ, небольшая избушка, въ которой живетъ вахтеръ, находящійся при казенномъ хлѣбномъ магазинѣ съ 300 пуд. ржаной муки, и на разстоянн 270 верстѣ—Яновъ-станъ, избушка одного торгующаго мѣщанина. Эта послѣдняя тѣмъ для меня замѣчательна, что въ ней, во время моихъ странствованн по сѣверу, мнѣ въ другой разъ довелось встрѣчать новый годъ. Всякій можетъ представить удовольствнэ этой встрѣчи, вдали отъ людей. Но я былъ доволенъ и этой избушкой, въ ней было тепло и можно было отдохнуть и поѣсть. А это, право, роскошь въ то время, когда большую часть ночей доводится проводить подъ открытымъ небомъ, при счастнн подъ густою елью, а больше въ сугробахъ снѣга. 3 января я доѣхалъ благополучно до р. Таза, къ пристани. Здѣсь была построена мною довольно порядочная изба, въ которой жилъ мой прикащикъ съ семействомъ. Тутъ уже встрѣтилъ я нѣкоторый комфортъ, рѣдкнй на такомъ глубокомъ сѣверѣ. Вкусная кулебяка съ осетриной, уха изъ щесура, слоеные пирожки съ вареньемъ и замороженныя сливки, подаваемыя нарубленными кусочками, какъ сахаръ,—составляли мой столъ. Шумящнй большой самоваръ и стеариновое освѣщеннэ произвели какое-то особенно прнятное чувство и заставляли забывать, что находишься въ пустынѣ. Сильные морозы и бураны не позволяли намъ тотчасъ же пустнться въ дальнѣйшнй путь, въ Обдорскъ. Усталость же отъ хлопотъ и путешествнн, теплый прнютъ и желаннэ отдохнуть расположили меня такъ, что я невольно прожилъ на Тазѣ четверо сутокъ. Въ это время я распорядился объ охраненнн и сохраненнн отъ весенныхъ льдовъ шкуны, лежащей тамъ на зимовкѣ, и объ отправкѣ ея, когда вкруются рѣки, въ Обдорскъ, съ грузомъ графита. Послѣ

*) Большиэ наносы осенняго льда, покрытые снѣгомъ.

всего этого, 8 января отправился вниз по Тазу до избышки Мамѣва, куда и прибылъ 10 числа. Не думая пробыть здѣсь долго, я прожилъ двое сутокъ по слѣдующей причинѣ. Негостепріимные волки сыиграли съ нами очень непріятную штуку. Ночью на 11 число они напали на нашихъ оленей, которые паслись невдалекѣ отъ избышки, и, испугавъ ихъ, заставили разбѣжаться въ разные стороны. Къ счастью, два оленя не могли сорваться съ привязи и съ ихъ только помощью можно было разыскать остальныхъ. Изъ числа 20 оленей 2 были зарѣзаны волками, остальные же до того измучились, спасаясь отъ волковъ, что едва тащили нарты, когда мы отправились въ дальнѣйшій путь. Путешествіе могло бы быть крайне медленно, но къ нашему благополучію, не доѣзжая р. Ныды, мы встрѣтили чумъ самоѣда Лабари, съ многочисленнымъ стадомъ оленей. Оставивъ у него своихъ оленей, мы наняли свѣжихъ, Лабари, по старой пріязни со мною, велѣлъ запречь рысаковъ, а чтобъ выказать большее уваженіе, приказалъ подобрать бѣлыхъ и убить, для угощенія нашего, жирнаго оленя. Услугу Лабари я не зналъ какъ и дѣлать, — у меня начала развиваться цынга въ ногахъ, потому одинъ только скорый переѣздъ до Обдорска давалъ мнѣ надежду на выздоровленіе. Олени мчали насъ съ неимовѣрною быстротою. Лабари велѣлъ вестн насъ въ соседній чумъ, кочевавшій за р. Надымомъ, гдѣ мы могли нанять опять свѣжихъ оленей. Такимъ образомъ, переѣзжая отъ чума до чума, 15 января благополучно добрались до Обдорска. Возвратившись въ Обдорскъ, я первымъ долгомъ считъ благодарить Господа Бога за то, что онъ сохранилъ меня въ пути и позволилъ счастливо окончить мое трудное предпріятіе. Потомъ хотѣлось-было отдохнуть среди добрыхъ знакомыхъ. Теплый и даже роскошный домъ, ласковый и пріятливый уходъ за мною, довольство жизни и пріятныя быточныя надежды въ будущемъ, кажется могли бы скоро изгладить непріятное разстройство отъ путешествія на маленькой нартѣ. Кстати разскажу, какъ ѣздить на подобныхъ нартахъ. Помѣщаются обыкновенно въ спячемъ положеніи, поджавши правую ногу подъ себя, а лѣвую выставивъ на

ружу, чтобъ поскокъ ея можно было придерживать за копылы парты у самыхъ полозьевъ. Сверхъ того въ лѣвой рукѣ необходимо держать длинный 10-ти-аршинный шестъ, чтобъ понуждать оленей, а въ правой возжечку отъ передоваго оленя для управленія имъ. Я думаю всякій согласится, что ѣзда эта не совсѣмъ удобна.

Разсчитывая на отдыхъ, я ошибся: проклятая цынга вычернила мнѣ ноги до колѣнъ и мучила три мѣсяца. Вылечилъ я себя средствами, которыя едвали извѣстны докторамъ, потому и считаю нужнымъ упомянуть объ нихъ. Ёль сырую свѣжую рыбу и такое же оленье мясо, а ноги натиралъ тѣмъ. агниса, и болѣзнь миновалась. Нѣкоторые въ Обдорскѣ употребляютъ вмѣсто арники, по совѣту инородцевъ, кислый рыбій жиръ, или кислую ворвань, а во время опухоли—припарки изъ конекаго гала съ примѣсью оленьяго мѣха, и получаютъ облегченіе. Употребленіе вина въ этой болѣзни сѣверной страны чрезвычайно вредно и производитъ пагубныя послѣдствія. При развитіи цынга во рту, здѣсь пьютъ обыкновенно по два стакана въ день теплой оленьей крови и ѣдятъ сырую рыбу. Это средство самое цѣлебное, не подлежащее почти никакому сомнѣнію.

ЭКСПЕДИЦІЯ III,

Наконецъ, съ наступленіемъ весны сего года, я сталъ поправляться въ здоровьѣ и готовить экспедицію на Уральскія горы, для присканія удобнаго лѣтнаго пути черезъ Уралъ отъ р. Оби къ р. Печорѣ; открытіе это я считалъ послѣднимъ и необходимымъ дѣйствіемъ для окончанія моего предпріятія, т. е. проложенія пути отъ Енисея къ Печорѣ.

Купивъ небольшую лодку, нанявъ рабочихъ, заготовивъ съѣстныхъ припасовъ, я 10 іюня отправился въ путь, вверхъ по Оби, и благополучно достигъ р. Войкара. По дорогѣ

на р. Войкарѣ я дѣлалъ вездѣ промѣры и нашелъ, что отъ устья до юртъ Югангортскихъ глубина $7\frac{1}{2}$ футовъ, а оттуда до р. Милькея, на разстояніи 70 в., отъ 5 до $3\frac{1}{2}$ фут. Дно Войкара песчано-каменное, въ немъ есть и валуны, подѣлавшіе довольно большіе переборы, отъ которыхъ теченіе Войкара усиливается. Между переборами образуются большіе плесы, умѣренного теченія, на $2\frac{1}{2}$ узла. Берега Войкара не высоки, песчаны и покрыты нестроенымъ лѣсомъ. Чтобъ сдѣлать Войкарѣ судоходнымъ, къ чему способствуетъ ширина (60 саж.) и глубина его, необходимо только разобрать восемь переборовъ, а какъ на немъ образовались острова и много руслъ, то оставить одно только русло, которое шире другихъ и глубже, прочія же заградить. Не говоря уже о томъ, что вблизи Войкара есть много озеръ, которыя легко соединить съ нимъ, эта рѣка имѣетъ еще то достоинство, что послѣ каждой ненастной погоды вода въ ней прибываетъ очень быстро, такъ-что при устьѣ Милькея доходитъ въ нѣсколько часовъ до 7 футовъ, сбываетъ же медленно. При рѣчкѣ Милькеѣ дождался меня подрядчикъ съ оленями и вожатые изъ зырянъ. Погода стояла ясная и тихая. Величественный Уралъ казался испещреннымъ черными и бѣлыми пятнами отъ таявшаго снѣга. Цѣпь его, то возвышаясь, то понижаясь, тянулась на необозримое пространство къ сѣверу. Дымящіяся вершины Урала образовали надъ собою сплошной облачный темносѣраго цвѣта покровъ, который безпрестанно волновался вѣтромъ. У подошвы горы разстилалась необозримая долина, каменистой почвы, покрытая разнаго рода мхомъ, ягодникомъ, багульникомъ и вообще очень бѣдной флорой, съ небольшими перелѣсками лиственничнаго и еловаго лѣса. По долинѣ вилась ручейка и, соединяясь между собой вершинами, образовывали небольшія озера, на которыхъ безбоязненно плавали лебеди.—Я долго смотрѣлъ на эту картину и удивлялся сочетанію дикости и красоты природы въ одно пзящное цѣлое.

Однако сколько ни восхищала меня картина Урала, но вскорѣ сухая существенность заставляла обратить все свое вниманіе на другое,—на пріисканіе удобнаго мѣста, съ ко-

тогого можно было бы начать изслѣдованія для предполагаемаго пути. Въ первыя минуты Уралъ казался мнѣ недоступнымъ. Я развернулъ карту Строжевскаго и прочиталъ въ изданномъ имъ Пайхоѣ путешествіе его по Уралу. Уныніе овладѣло мною при чтеніи: вездѣ описывались утесы, кратеры и величайшія препятствія въ путешествіи. Мысль, что я не найду удобнаго мѣста для дороги, ложила въ свинцомъ мнѣ на душу. Такъ какъ это было уже не первое препятствіе, встрѣчаемое мною во время странствованій по сѣверу Сибири, то хладнокровно сѣвъ на нарту, запряженную пятеркой лихихъ оленей, пустился въ путь. Олени, какъ бы сочувствуя моему желанію достигнуть какъ можно скорѣе цѣли, помчали меня во весь духъ и черезъ полчаса я былъ у подошвы Урала. Здѣсь я сталъ осматривать ущелья при рѣчкахъ Милькеѣ, Ларьюганѣ и другихъ, и нашелъ, что одна изъ вершинъ рѣки Войкара, прорѣзавъ Уралъ, у береговъ своихъ образовала ровную долину, довольно возвышенную надъ уровнемъ воды. Слѣдуя этой долиной, заросшей небольшимъ лиственничнымъ лѣсомъ, я выѣхалъ на площадку, по которой вилась рѣчка, названная мною Лирой. Перейдя эту рѣчку и площадку и достигнувъ одной изъ вершинъ Войкара, ѣхалъ я берегомъ этой рѣки до такъ-называемаго большаго Урала, покрытаго въ иныхъ мѣстахъ снѣгомъ. На большомъ Уралѣ не видно было никакихъ слѣдовъ произрастанія. Голыя утесистыя скалы гранита и сеянита то соединялись въ сплошныя массы, то, группируясь отдѣльно, образовывали края съ коническими фигурами, въ родѣ башенъ, возвышающихся одна надъ другою и достигавшими своими вершинами облаковъ. — Дно Войкара усыяно гальками кремнеземной породы и въ особенности кварца, сланцовъ яшмовой породы и обломковъ гранита и сеянита. Слѣдуя прямо на западъ, дошелъ я до двухъ небольшихъ озеръ, изъ которыхъ бѣжали въ противоположныя стороны маленькіе ручьи, одинъ на западъ, а другіе на востокъ. Эти озера показали мнѣ, что я былъ на срединѣ Урала. Желая убѣдиться въ этомъ еще болѣе, я залѣзъ на вершину одного изъ самыхъ высокихъ пиковъ и оттуда разсматривалъ мѣстности пройденнаго мною

и предстоящаго пути. Къ западу увидѣлъ я необозримую площадь, усѣянную небольшими собками, между которыми извивалась рѣчка Кокшыла. Рѣчка эта вытекала изъ вышеупомянутыхъ озеръ и, перерѣзывая, на разстояніи двухъ верстѣ, небольшой краѣжъ, продолжала теченіе по ровной долинѣ и впадала въ р. Тумболову, а сія въ р. Нагангу.— Пагаяга, проходя по этой же долинѣ, впадала въ Ленву, а сія послѣдняя—въ Уссу. Черезъ всю эту мѣстность очень удобно проложить дорогу, которая отъ Милкея до Уссы будетъ имѣть почти незамѣтную покатость на твердой каменистой почвѣ, что мною осязательно дознано при переѣздѣ. На р. Ленвѣ подрядчики приготовили мнѣ лодку, на которой проѣхавъ около 20 верстѣ по теченію, я достигъ до р. Уссы,—главнаго и окончательнаго пункта моихъ изслѣдованій, чѣмъ и окончилъ мѣсячный трудъ для проложенія дороги черезъ Ураль. Рѣка Ленва, отъ устья р. Паяги до своего устья, камениста, имѣетъ отъ 3½ до 5 футовъ глубины и 420 ф. ширины, удобна для судоходства; берега ея покрыты нестройнымъ лѣсомъ. На р. Уссѣ купилъ я большую лодку и отправился по теченію къ р. Печорѣ. Объ Уссѣ, павѣстной уже удобствомъ къ судоходству, я умалчиваю; при рѣкѣ Уссѣ, возлѣ горъ Адакъ, состоящихъ изъ известковыхъ и глинистыхъ сланцевъ и песчанника, найдено мною мѣсторожденіе синей фарфоровой глины, удивительно маслянистаго свойства. Изъ глины этой я выдѣлывалъ тончайшія пластинки, которыя очень легко полируются, и когда высохнутъ, то издаютъ стеклянный звукъ и дѣлаются прозрачными. У этихъ же горъ нашелъ сѣрный ключъ, съ безчисленнымъ множествомъ родниковъ, изъ которыхъ, какъ изъ бутылки шампанскаго, била и пузырилась чистая сѣрная вода. Едва вода эта выходила наружу, какъ тотчасъ же разлагалась, издавая непріятный запахъ гнилыхъ яицъ и обращалась изъ чистой въ мутную, какъ бы мыльную. Около отверстій родниковъ и на разстояніи двухъ аршинъ по теченію ключа образовался чрезвычайно бѣлый, пѣнистый осадокъ изъ сѣрнаго цвѣта (fl. sulphurici). По берегамъ рѣки Печоры, Уссы и Юняги, находилъ разныя окаменѣлости по большей части въ из-

**На Уральских горахъ Войкарская долина, разделяющая системы
рѣкъ Обскихъ и Печерскихъ.**

вестковыхъ массахъ и формациі каменнаго угля и антрацита. Крімъ того, возлѣ горъ Адакъ, по берегамъ Уссы, замѣчено въ валунахъ безчисленное множество такъ-называемаго чортова пальца, что поневолѣ заставляло думать, что въ этомъ мѣстѣ кака будто бы поставлена мишень для ударовъ молніи. Мѣстами, по берегамъ, находили мы кусочки бурой охры и слюдястыя колчеданъ. Магнитная стрѣлка, во все время путешествія моего по Адаку, уклонялась въ разные стороны отъ компаснаго полюса, что было несомнѣннымъ признакомъ присутствія въ этихъ горахъ обильнаго количества металловъ.

На Уралѣ, по случаю упадка оленей, съ величайшимъ трудомъ нашли мы подрядчиковъ и 25 и 26 августа благополучно переѣхали чрезъ него. 29 августа я прибылъ въ Обдорскъ и тамъ засталъ мою шкуну «Тазъ», благополучно прибывшую по вновь открытому пути съ грузомъ 4.100 пудовъ графита. Вообще, могу сказать, что давнишняя мысль о соединеніи Сибири съ Печорскимъ портомъ осуществлена и внѣшняя торговля въ настоящее время дѣлается доступною для Сибири, что можетъ послужить къ быстрому ея развитію во многихъ отношеніяхъ. Мнѣ остается только желать, чтобъ кто-нибудь изъ благомыслящихъ коммерческихъ людей принялъ на себя трудъ лично убѣдиться въ истинѣ сдѣланныхъ мною открытій и, по своимъ соображеніямъ, примѣнить ихъ къ дѣлу. Я же достигъ своей цѣли и по открытымъ мною путямъ графитъ перевозится благополучно.

Въ заключеніе моихъ записокъ о экспедиціяхъ скажу нѣсколько словъ о тѣхъ мѣстностяхъ, въ предѣлахъ которыхъ я производилъ свои изысканія для открытія удобныхъ сообщеній на сѣверѣ Сибири. Уральскія и Саянскія горы между 63° и 73° с. ш., направляясь почти параллельно къ сѣверу, оконечностями своими доходятъ до побережья Ледовитаго моря. Въ этой параллели образуется площадь на 1.500 верстъ, разсѣкаемая вдоль рѣками Обью, Воксаркою, Сугу, Надымомъ, Сандыбеемъ, Ныдою, Пуромъ, Тазомъ, Гыдою, Енисеемъ и многими другими не такъ значительными рѣчками, изобилующими рыбами. Въ нихъ водятся осетры,

стерляди, нельмы, мokusуны, сырки, сельди, пыжьяны, щекуры, ерши, таймени, и другія. Между этими рѣками отъ 63° до 66° и 44' с. ш. почва земли черноземная и индѣ встрѣчается песокъ, глина, тина и напосные голыши. Тутъ растутъ густые непроходимые лѣса: сосна, ель, лиственница, пихта, изрѣдка кедръ и береза и находятся небольшія моховыя тундры, въ которыхъ множество ягодъ (брусника, черника, черная смородина, малина, морошка и княжника) и грибовъ разныхъ сортовъ (грузди, рыжики, обабочки, красноголовки, опенки, мухоморы и проч.). Встрѣчаются и болотныя, луговыя мѣста съ бѣдной вообще флорой, большія озера, изобильныя рыбой, и незначительныя, вытекающія изъ этихъ озеръ, рѣчки. Въ лѣсахъ водятся много звѣрей слѣдующихъ породъ: соболи, горностан, кунницы, лисицы разныхъ родовъ, въ томъ числѣ и черныя, бурундуки, бѣлки, волки, рыси, росомахи, медвѣди, дикіе олени, лоси и песцы. Птица постоянная въ этой мѣстности: тетери, глухари, бѣлыя куропатки, рябчики, вороны и сороки; а прилетныя: галки, синири, лебеди, гуси, утки, булочки, чайки, рыболовы, воробы, синички, ласточки и другія. Отъ 66° 41' до 68° 35' почва земли песчаная съ тиною, глиной, графіемъ, круглыми и гладкими кусочками гранита и голышей. Растительность значительно уменьшается. На необозримыхъ моховыхъ тундрахъ индѣ только видѣются лиственничные и еловые перелѣски, въ особенности при берегахъ рѣкъ и около болотистыхъ мѣстъ. Отъ 68° 35' до Ледовитаго моря почва состоитъ изъ песку и глины, заключающихъ въ себѣ тину и кости допотопныхъ животныхъ (мамонтовъ и друг.) въ глинистыхъ или известковыхъ массахъ. На необозримыхъ тундрахъ видѣются довольно возвышенные волнистые холмы съ заносными камнями гранита, песчаного сланца и раковиннаго известняка. Индѣ встрѣчаются и каменно-угольныя формациі. Однимъ словомъ, въ этой мѣстности можно довольно явственно различать формациі начала и конца нептуническихъ образованій, что очень интересно для любознательнаго геолога. На этомъ обширномъ пространствѣ нѣтъ никакой растительности: вездѣ голыя тундры, покрытыя

мхомъ; только у болотистыхъ мѣстъ и на берегахъ рѣчекъ и безрыбныхъ озеръ растетъ густой, невысокій тальникъ и тоже маленькій искривленный и почти стелющійся по землѣ верескъ. Лѣтомъ залетаютъ сюда лебеди, гуся и утки и въ особенности утка гага *); псець, волкъ и дикій олень—постоянные обитатели этой страны, съ властелиномъ своимъ — самоѣдомъ. Могильная тишина изрѣдка нарушается вѣтрами, особенно западными, усиливающимися здѣсь, на просторѣ необозримыхъ тундръ, до невѣроятности. Лѣтомъ тучи комаровъ и мошекъ разныхъ породъ унылыми пѣснями своимъ какъ бы оплакиваютъ дикость природы. Но ихъ пѣсни здѣсь непродолжительны: стоитъ только подуть сѣверному вѣтру и голодный комаръ затихаетъ, падаетъ на землю и скрывшись за какую-либо былинку, замираетъ отъ холода. Въ этихъ мѣстахъ природа властвуетъ надъ всѣмъ и всѣми и бороться съ нею почти невозможно. Веселья и радости здѣсь, кажется, не существуетъ. Одинокій самоѣдъ влачить молчаливо свою жизнь, таже какъ и неразрывный другъ его—олень. Для него восьмимѣсячная зима, съ ея сорока-градусными морозами, есть какъ бы неотъемлемая принадлежность дѣятельности. Вотъ онъ несется на легкой нартѣ, при свѣтѣ луны или сѣвернаго сіянія, нападаетъ на слѣдъ звѣря, слѣдитъ его, пагоняетъ и, послѣ очень непродолжительной борьбы, побѣждаетъ, какъ бы въ доказательство того, что онъ—единственный властелинъ подполюснаго царства, и все должно ему подчиняться.

Нелишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ объ Уральскихъ горахъ, изслѣдованныхъ мною отъ р. Ляпы до острова Вайгача, т. е. отъ 62° до 71° с. ш. Уралъ, имѣя направленіе отъ юга къ сѣверу, достигаетъ Ледовитаго моря. Потомъ, проходя по дну Югорскаго шара, появляется небольшими возвышенностями на островѣ Вайгачѣ и, прорѣзываясь по дну Матушкина шара, достигаетъ Новой Земли. Уралъ,

*) Гагачій пухъ добывается изъ гнѣздъ утки гаги. Онъ очень дорогъ.

въ описываемой мною с. ш. находится между рѣками: съ правой стороны Обью, а лѣвой р. Лемвой и Уссой. Мѣстности, находящіяся между Ураломъ и означенными рѣками, образуютъ подошвы его. Уралъ съ восточной стороны отъ вершинъ р. Щучей развѣтвляется, по направленію р. Щучей, достигаетъ полуострова Ялмала, гдѣ, постепенно понижаясь, скрывается совсѣмъ съ поверхности земли, давая мѣсто сплошнымъ массамъ нептунической формациі, которыя, кое-гдѣ образовали волнистые холмы. Вообще же полуостровъ Ялмалъ представляетъ изсякшее море, весь покрытъ крупнымъ морскимъ пескомъ, мелкими раковинами, заносными камнями и конгломератами. Въ нѣдрѣ своемъ сохраняетъ кости допотопныхъ животныхъ мамонтовъ. Кое-гдѣ, а въ особенности возлѣ Юробейскихъ озеръ, попадаются на большомъ пространствѣ турфяники и болота съ узкими прожилками твердой почвы и такового же свойства островами, въ родѣ оазисовъ, на которыхъ въ лѣтнее время кочуютъ самоѣды. Таянье земли на Ялмалѣ, въ самое жарчайшее лѣто, не болѣе какъ на 1½ ф. Онъ представляетъ собою пустыню въ полномъ значеніи слова. Изъ царства растительнаго на немъ—оленій мохъ, искривленная, карловатая березка, таковой же чернѣй тальникъ въ 2 фут. вышины, моховики, ягодники и багульничъ. Подъ 72° с. ш. на Ялмалѣ и этой растительности не замѣчается. Одинъ оленій мохъ, а въ логахъ вѣчные снѣга. Островъ Бѣлый, находящійся не вдалекѣ отъ сѣверной оконечности Ялмала, представляетъ тотъ же видъ. Часто проливъ, находящійся между Ялмаломъ и ос. Бѣлымъ, затирается льдами, которые стоятъ по нѣскольку лѣтъ неподвижно, образуя ледяной мостъ. По немъ путешествуютъ во множествѣ табуны дикихъ оленей, а за ними съ лукомъ и винтовкой вѣчный врагъ ихъ—смѣлый самоѣдъ. У сѣверныхъ береговъ Ялмала образуются дюны изъ измельченнаго льда, а со стороны Карскаго моря въ бухты Ялмала нерѣдко заходятъ пловучіе острова полярнаго льда съ неотъемлемыми обитателями своими—бѣлыми мѣдвѣдями и случайно забравшимися на нихъ любопытными песцами. Издали эти острова представляютъ видъ городовъ съ башнями

куполами и на нихъ есть озера съ пресною дождевою водою. Во время сѣверныхъ сіяній, которыя въ описываемой мною странѣ бывають очень часто съ сентября по мартъ мѣсяцъ, путешественникъ за свое любопытство и рѣшимость посмотрѣть эти страны вполнѣ можетъ быть вознагражденъ картиною сѣвернаго сіянія. Нѣтъ генія, умѣвшаго описать его, нѣтъ художника, котораго кисть могла бы изобразить что-нибудь подобное! Сѣверное сіяніе, соединивъ горизонтъ Ледовитаго моря съ небесами и зенитомъ наблюдателя, представляетъ ему освѣщенными: море и плавающіе льды, которые сверкають блестящими разныхъ дорожихъ камней. Отъ дрожанія столбовъ сѣвернаго сіянія и качки моря, упоминаемыя блестящи, соединяясь въ радужныя ленты, опоясываютъ въ разныхъ направленіяхъ льдины, среди которыхъ показывается голова прожорливаго бѣлаго медвѣдя съ выпученными кровавыми глазами, какъ двумя фонарями. Но финалъ картины сѣвернаго сіянія превосходитъ всю прелесть, какою только можетъ создать себѣ воображеніе человѣка. Изъ столбовъ сѣвернаго сіянія, прежде багровыхъ, послѣ золотисто-серебристыхъ цвѣтовъ, формируется корона; она, какъ бы сорвавшись съ небесъ, понижается; отдѣляющееся отъ нея электричество, въ видѣ искръ, сверкаетъ кругомъ нея; потомъ корона изъ рѣзкихъ формъ освѣщенія переходитъ постепенно въ менѣ свѣтлыя, наконецъ исчезаетъ вовсе, образуя на томъ мѣстѣ, гдѣ была, огненную небольшую точку, которая тоже въ одинъ моментъ уничтожается и оставляетъ послѣ себя дымокъ, переходящій отъ тонкой струи въ расширяющуюся, постепенно блѣднѣющую, наконецъ разжижается до нѣтъ и взору зрителя представится то же голубое звѣдное небо, которое онъ видѣлъ за часъ передъ сѣвернымъ сіяніемъ. Тогда-то наблюдатель, придя въ нормальное состояніе, неохотно разстается съ очарованіями едва испытанными, скоро проходящими и оставляющими, для утѣшенія что-то мечтательное и едва уловимое для памяти. Нерѣдко я, сидя на скалѣ Урала, одинокій, восхищался подобными картинами сѣвернаго сіянія, и каждый разъ въ сердце мое врывались неповѣдимыя чувства къ Богу—что тотъ Его можетъ понять, что Онъ есть и Единный, кто можетъ созерцать Его

мірозданіе, всѣмъ правящееся, всѣхъ поражающее и вмѣстѣ съ тѣмъ никому непонятное!....

Отъ вершинъ р. Уссы, отроги Уральскаго хребта двинулись болѣе къ западу и, вдавшись въ Ледовитое море, образовали на немъ много небольшихъ острововъ въ сосѣдствѣ острова Вайгача. Теченіе морской струи въ Югорскомъ шару, отъ з. къ в. очень быстро на 6 узловъ. Въ Матушкиномъ шару *) теченіе обратное, едва замѣтное отъ в. къ з.; этотъ водоворотъ возлѣ острова Вайгача дѣлаетъ то, что Югорскій шаръ часто затрается льдами, образуетъ ледяной мостъ, по которому самоѣды перегоняютъ на лѣтнія кочевья стада своихъ оленей. При моемъ посѣщеніи Вайгача, на немъ кочевала самоѣдская ватага Найны.

Матушкинъ шаръ всегда пронесенный, полярные льды въ немъ не останавливаются. Описанное мною теченіе моря дѣлаетъ еще и то, что южная часть Карскаго моря до Байдаракской губы бываетъ часто покрыта плывучими ледяными островами, въ которыхъ въ 1862 г. затерло шкуну Крузенштерна, предпринявшаго путешествіе изъ устья р. Печоры въ Енисейскую губу. Неудача вся состояла въ томъ, что г. Крузенштернъ не избиралъ пути черезъ Матушкинъ шаръ, — давно извѣстный. По немъ мезенскіе поморы, нерѣдко въ своихъ карбасахъ, достигали Бѣлаго острова и сѣверо-западныхъ береговъ Ялмала, гдѣ промыслили очень счастливо моржей и бѣлаго медвѣдя.

Восточную сторону Урала туземцы, остяки и самоѣды, раздѣляютъ на два Урала: *Малый и Большой*. Первый, поросшій лѣсами, растительность которыхъ, приближаясь къ Ледовитому морю, постепенно скудѣетъ и исчезаетъ вовсе. Большой Ураль, возвышаясь надъ Малымъ въ значительной высотѣ, виднѣется съ дальняго разстоянія въ видѣ тучи облаковъ. Голыя скалы его съ снѣжнымъ покровомъ представляютъ назидательному геогносту старца — свидѣтеля всѣхъ

*) На Матушкиномъ проливѣ я не былъ, а разсказъ объ немъ получаю со словъ самоѣдовъ и мезенскихъ поморовъ.

катастрофѣ мірозданія, прожившаго многіе вѣка и пережившаго многихъ и многое. Эти-то дѣды, истинные благодѣтели міра сего, они-то прикрыли вѣчную огненную пучину расплавленнаго землянаго зерна; они скопили воды въ моря, озера и рѣки, образовали земляную сушь, предоставивъ гостить на ней всѣмъ веществамъ и существамъ; сами же, созерцая съ высоты народъ человѣческой, награждаютъ его своими богатствами и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаютъ ему изучить науку, заключающуюся въ натурѣ,—названную нами естественной исторіей. Что же сдѣлалъ человѣкъ? Съ той минуты, какъ принялся за изученіе природы, находя многое для себя непонятнымъ и блуждая въ сокровенностяхъ, оставляетъ точное разузнаніе всего въ удѣлъ своему потомству. Такъ проходили дни и годы, а дѣды-то не перестаютъ трудиться и незамѣтно, уничтожая одно, созидаютъ другое. Человѣкъ же на все это смотритъ, осязаетъ даже и все-таки не понимаетъ дѣдовскаго труда, а созналъ только ту одну для своей жизни усладу, что начало всему есть Мудрость—Богъ!

Западная сторона Урала не имѣетъ Малаго Урала, отъ Большаго переходитъ къ покатымъ, образующимъ подошвы горъ съ небольшими холмами нештуническаго образованія, среди обширѣйшихъ долинъ, поросшихъ, возлѣ многихъ рѣчекъ и озеръ, нестроевымъ лѣсомъ изъ лиственницы, ели и тальника.

Описываемыя мною Уральскія горы состоятъ изъ слѣдующихъ каменныхъ породъ:

а) *Огненной коры*. Гранитъ; въ немъ очень рѣзко развиты кристаллы полеваго шпата, зеленоваго-блѣднаго цвѣта; но попадаетъ шпатъ блѣдно-краснаго и бѣлаго цвѣтовъ. У подошвы гранитныхъ скалъ, на Большомъ Уралѣ, а именно тамъ, гдѣ берутъ начало рр. Войкаръ, Ларюганъ, Нилкей, Кокшыла, Нижняя и Верхняя Хорови, Щучья и друг., виднѣются щебни изъ разрушеннаго гранита, съ отдѣлившимися кристаллами полеваго шпата, зернами кварца и слюды. Въ гранитныхъ трещинахъ нерѣдко замѣчаются граниты, въ которыхъ кварцы расположены сквозными жилами въ полево-

*

шпатъ въ различныхъ направленіяхъ, въ родѣ іероглифныхъ знаковъ. Самоѣды обожаютъ эти граниты тѣмъ больше, если въ ихъ узорахъ находятъ знаки, похожіе на ихъ тамги, которыми клеймятъ своихъ оленей и татуируютъ себя на рукахъ—подобный гранитъ они называютъ «тамга камень» и онъ составляетъ у нихъ талисманъ. Равнымъ образомъ остяки обожаютъ граниты самые возвышенныя, отдѣлившіеся отъ сплошныхъ массъ, и которые представляютъ собою башни. Возлѣ этихъ башенъ они приносятъ жертвы, ставятъ своихъ идоловъ, стрѣляютъ на вершины изъ луковъ, и котораго стрѣла залетитъ на вершину, тотъ считаетъ себя счастливымъ, ибо, на промыслѣ звѣря, если станетъ стрѣлять, то зарядъ всегда будетъ оставаться въ звѣрѣ, какъ стрѣла на гранитной башнѣ. Гранитные камни, обожаемые остяками, очень легко узнать: возлѣ нихъ лежитъ множество поломанныхъ стрѣлъ и вблизи на кусточкѣ навѣшано много лоскутковъ разноцвѣтнаго сукна, мѣдныхъ колець, мѣдныхъ денегъ, набросанныхъ въ камни.

Въ гранитныхъ горахъ очень часто попадаются погреба, въ которыхъ каменные самоѣды и остяки, ведущіе пастушескую жизнь, прячутъ свои богатства. Въ погребахъ я находилъ топазы, аэвамарины, аметисты и даже хризобериллы; послѣдній мною найденъ величиною въ старую мѣдную копейку, а что важнѣе—безъ трещины. Стѣны погребовъ изрѣдка украшены призмами кристалловъ топаза и блѣднаго аметиста. Венисовъ, малиноваго шерла, которыхъ такъ много на Уралѣ въ широтахъ екатеринбургскихъ, на Сѣверномъ Уралѣ мнѣ не случилось видѣть. Въ вершинахъ же р. Щучей, между гнейсами найденъ мною алмадинъ, цвѣтомъ очень близкій къ рубину, но послѣднимъ рѣжется. Изрѣдка попадаются кристаллы прозрачнаго полеваго шпата и разныя кварцовыя породы некристаллическія: ониксы, агаты, яшмы разноцвѣтныхъ лентъ и полу-опалы и проч.

Сплошныя массы сіенита расположены вездѣ по сѣверу Урала, но ихъ, при тщательномъ разсмотрѣніи, можно только отличить отъ гранита. Роговая обманка вкраплена столь узкими и короткими кристаллами, что едва ее замѣтно.

Слѣдуетъ еще пояснить о сіенитѣ особенность, что въ массахъ его, разположенныхъ ближе къ Ледовитому морю, меньше роговой обманки; въ южныхъ же массахъ роговой обманки кристаллы больше и слѣда вкраплена въ полевой шпатъ серебрястыми тончайшими пластинками.

Вылившіяся мѣстами порфиръ, а въ особенности въ вершинахъ рр. Кары и Щучей, составляетъ единственное украшеніе Урала. Порфиръ въ этихъ мѣстахъ состоитъ изъ зеленой роговой обманки и мелкозернистъ. Тальковаго сланца на восточной сторонѣ Урала—множество; онъ всегда почти находится въ соединеніи съ полевымъ шпатомъ. Въ разрушенныхъ горахъ его попадаетъ колчеданъ сѣрный, мѣдный и желѣзнякъ темно-бураго цвѣта. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ находятся отдѣльными группами хлористые сланцы и отдѣльными глыбами мраморной змѣвикъ и мрароръ.

б) *Водяной коры.* На Маломъ Уралѣ, а преимущественно на западной сторонѣ Урала, находятся известняки, песчаники, глины. По берегамъ р. Уссы пуденги, конгломераты и породы мегаморфическія, которыя часто попадаютъ подъ вылившимся порфирами.

Кто любопытенъ, пусть, путешествуя по рр. Уссъ и Печорѣ, выйдетъ на берега этихъ рѣкъ: онъ найдетъ въ выносахъ много разныхъ окаменѣлостей.

Окисленныхъ рудъ на сѣверномъ Уралѣ очень мало. Изрѣдка попадаетъ магнитный желѣзнякъ, красная желѣзная руда и бурый желѣзнякъ. На отрогѣ Уральскаго хребта, по рѣкѣ Уссъ, съ лѣвой стороны, на такъ-называемыхъ Адакскихъ горахъ, попадаетъ сѣрный колчеданъ и сѣрные родники, образующіе небольшія рѣчки, впадающія въ р. Уссу, посрединѣ которой образовался небольшой островъ изъ сплошнаго кварцита.

Въ заключеніе моего описанія объ Уралѣ, я долженъ еще упомянуть о томъ, что нѣкоторые гг. геогносты, путешествуя по сѣверному Уралу, упоминаютъ о видѣнныхъ ими потухшихъ кратерахъ. При всѣхъ своихъ усиліяхъ, изслѣдуя Уралъ отъ р. Ляны до Вайгача, нигдѣ я не находилъ кратеровъ. Незначительныя же воронко-образныя отверстія, до

12 фут. глубины, видѣнные мною на возвышенностяхъ Урала, если и находятся и во многихъ мѣстахъ, то они произошли, какъ полагаю, не отъ потухшихъ вулкановъ, а отъ слѣдующаго дѣйствія расплавленнаго зерна: въ различныя эпохи существованія земли, плутоническая кора расплавленнымъ зерномъ подымалась, воздымалась, гдѣ вьющимися, а гдѣ складочными грядами. Индѣ, вылившіяся гряды росли въ высоту. При такомъ процессѣ хрупкія горныя породы расщелялись, а дождевыя и снѣговыя воды, разбѣдая трещины горнаго хребта и смывая верхніе пласты коры, надѣлали въ однихъ мѣстахъ углубленія и воронко-образныя отверстія, а въ другихъ—обнажили вершины стержней въ разныхъ видахъ: развалинами, башнями, зубцами, куполами. Отъ этого произошло и то, что верхнія части Урала состоятъ изъ толщъ первороднаго гнейса, гранитовъ, сіенитовъ, грюнштейновъ и порфировъ, т. е. изъ породъ плутоническихъ. Низменныя же части этихъ возвышенностей состоятъ изъ пластовъ разныхъ породъ неплутоническихъ, косвенно къ горизонту поднятыхъ, которые, до поднятія ихъ расплавленнымъ зерномъ, составляли первородную водяную кору и прерывали собою такую же плутоническую. Возлѣ упомянутыхъ воронко-образныхъ отверстій нигдѣ не находилъ я вулканическихъ образований, то есть туфовъ изъ кусковъ трахита, лавъ, пензы, что и доказываетъ отсутствіе кратеровъ, а напротивъ гнейсы, выдвинутые, при воронко-образныхъ отверстіяхъ, въ гребни горъ, по большей части состоятъ изъ одного слюдистаго состава въ вѣвѣтренномъ и разрушенномъ видѣ, что также убѣждаетъ, что эти воронки вовсе не кратеры, ибо гнейсъ лежитъ у самаго расплавленнаго зерна, а потому разъ вылившіеся, образовали гребни горъ плутоническаго свойства, а не вулканическаго, отъ котораго потоковъ бываютъ породы губчатаго вида и тѣмъ отличаются отъ породъ вылившихся горъ.

Нѣкоторые естествоиспытатели, обращая вниманіе свое на климатическія условія сѣверной Сибири, давали вопросъ:—отчего произрастенія на одной и той же с. ш., при разныхъ долготаяхъ, имѣютъ неодинаковую растительность? а именно:

въ западныхъ долготахъ на материкѣ, окружающемъ Карское море, Обскую и Тазовскую губы подѣ 68° с. ш. нѣтъ лѣсовъ, а на восточныхъ долготахъ, на материкѣ возлѣ Енисейской губы даже подѣ 70° с. ш., есть лѣса. Нѣкоторые предполагали, что гольстромъ, обогнувъ восточную сторону Новой Земли, достигъ Енисейской губы и, проходя подѣ землю, согрѣваетъ почву и тѣмъ способствуетъ растительности и существованію лѣсовъ. Эти убѣжденія давали даже мысль—открыть морской путь изъ Печорскаго порта кругомъ восточной стороны Новой Земли въ Енисейскую губу. Доказывать, что это такъ, или нѣтъ—оставляю болѣе компетентнымъ испытателямъ; я же долгомъ поставлю сдѣлать извѣстнымъ о моихъ метеорологическихъ наблюденіяхъ, произведенныхъ мною въ Обдорскомъ отдѣленіи на западной и восточной сторонѣ Урала подѣ 66° с. ш. — Высота Урала, въ упоминаемой с. ш. надѣ площадью страны Азій—до 4.000 ф.; — со стороны Европы—до 4.500 ф. — Средняя высота Европы надѣ моремъ равняется 630 ф., а Азій 1.080 ф. Помѣщая эти вычисленія съ тою цѣлью, чтобы назидательнѣе представить причины появленія, въ зауральской полярной странѣ Азій, западныхъ вѣтровъ столь сильныхъ, часто временныхъ и холодныхъ, во всякое время года, что противъ ихъ устоять невозможно. Вѣтры эти, по повѣностямъ Урала, сдвигаютъ съ мѣста довольно большіе камни и катятъ ихъ къ подножью горъ. Олени, во время сильныхъ западныхъ вѣтровъ на Уралѣ, падаютъ на землю, придерживаясь объ нее рогами, или собираются въ кучи, лежа одианъ возлѣ другаго. Когда эта катастрофа находится въ полномъ дѣйствиіи на восточной сторонѣ Урала, часто съ дождемъ, снѣгомъ даже въ лѣтніе мѣсяцы, на западной сторонѣ его едва подуваетъ теплый вѣтерокъ. Это происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ: теплые западные вѣтры, дойдя до Урала, поднимаются по означенной высотѣ его, къ вершинамъ, гдѣ находятся вѣчные снѣга, тамъ охлаждаются, дѣлаются болѣе упругими, сдавливаются текуче-жидкими слоями воздуха; потомъ выбившись на восточную сторону Урала, какъ зарядъ изъ пушки, съ необыкновеннымъ стремленіемъ, со

свистомъ, шумомъ, грохотомъ, падаютъ съ вершины Урала на долину, находящуюся между рр. Обью и Тазомъ, съ дождемъ и холодомъ. Отъ этихъ-то урагановъ растительное царство полярной страны, во время знойнаго лѣта, едва украситъ себя зеленью, какъ въ то же время желтѣетъ. Долина, находящаяся между Обью и Тазомъ, имѣя пространство до 1.000 верстъ ширины, давая просторъ западнымъ вѣтрамъ, своею широтою вмѣстѣ съ симъ отнимаетъ силу ихъ, такъ-что вѣтры эти, приближаясь къ сѣверной странѣ р. Енисея, дѣлаются обыкновенными, и холоднѣе европейскихъ вѣтровъ на столько, на сколько высота Европы ниже Азии надъ моремъ и сѣверная широта ихъ ближе къ полюсу. А что только подобныя климатическія условія имѣютъ вліяніе на растительность царства Азии, а не гольстремъ, это еще доказывается и тѣмъ, что степень замерзанія и таяніе земли подъ однѣми с. ш., а разными долготами сѣверной Обской и Енисейской страны—одинакова. Не лишнимъ считаю еще пояснить и то, что образовавшійся съ восточной стороны Малый Уралъ, котораго нѣтъ на западной, произошелъ отъ упомянутаго мною выше западнаго вѣтра, способствующаго силою своею разрушенію плутоническихъ породъ Большаго Урала, которыя, стремясь по направленію западнаго вѣтра на востокъ, образовали Малый Уралъ нептуническихъ формаций, что продолжается и въ настоящее время.

Эта-то страна была мѣстомъ моей дѣятельности и для нея-то въ продолженіе шести лѣтъ я потратилъ много силъ и здоровья. Породцы часто спрашивали меня: для чего я ѣзжу по ихъ рѣкамъ, горамъ и тундрамъ и чего я ищу, когда въ ихъ землѣ ничего нѣтъ? На это я отвѣчалъ имъ, что ищу труда для себя и для нихъ. И въ самомъ дѣлѣ на первый взглядъ кажется ничего нѣтъ въ ихъ странѣ, но нельзя сомнѣваться, что лишь только трудолюбивая и мощная рука человѣка коснется ея, то вдругъ обнаружатъ богатства, спрятанныя въ ея вѣдрахъ. Уральскія и Саянскія горы, находящіяся въ означенной здѣсь сѣв. широтѣ, носятъ на себѣ несомнѣнные признаки горъ первозданныхъ и, до настоящаго времени, были предметомъ однихъ описаній,—

Самоѣдъ, удрученный льгами, передаетъ себя въ жертву, при шаманствѣ племени своемъ, для счастливѣйшаго ихъ быта на землѣ.

рука же человѣка не дотрогивалась до нихъ; нынѣ же въ этихъ горахъ найдены благовѣщавыя богатства, тщательно сбереженные въ награду тому, кто не пожалѣлъ труда для извѣданія ихъ. Огромная площадь между означенными горами есть какъ бы преддверіе къ этому богатству, съ путями сообщенія и съ обиліемъ звѣрей и рыбъ, предназначенныхъ Богомъ тому же человѣку, для поддержанія его жизненныхъ потребностей.

Сдѣлавъ краткій обзоръ страны самоѣдовъ, поставляю долгомъ продолжать повѣствованіе свое о ихъ житьѣ-бытьѣ въ частности, съ поясненіемъ развитія теологической и политической ихъ жизни и всего того, что мною лично замѣчено и узнано было въ продолженіе 6-ти лѣтняго пребыванія въ ихъ сѣверной странѣ.

Жителей глубокаго сѣвера, ведущихъ бродячую жизнь по необозримымъ тундрамъ близъ береговъ Ледовитаго и Карскаго морей, называютъ самоѣдами. Въ бесѣдахъ съ самоѣдами, я спрашивалъ ихъ: отчего имъ дали такое названіе? Единогласно почти всё отозвались, что это не названіе ихъ, ибо ихъ зовутъ хозово (человѣкъ), а что самоѣдинъ—слово бранное, которымъ ихъ предковъ покосили русскіе! Остяки называютъ самоѣдовъ орхой (дикій человѣкъ). Въ преданіяхъ самоѣдовъ и остяковъ еще, по настоящее время, сохранилось въ памяти слѣдующее обыкновеніе самоѣдскихъ предковъ: «Удрученный лѣтами самоѣдинъ, когда чувствовалъ себя неспособнымъ къ промысламъ и ѣздѣ на оленяхъ, тогда жизнь свою считалъ въ тягость себѣ и своему потомству. Вслѣдствіе этого и вслѣдствіе убѣжденія, что въ загробной жизни онъ можетъ быть купцомъ, приказывалъ себя убить въ честь счастливой жизни своего потомства, а тѣло свое сѣсть.» Этотъ обрядъ стцеубійства исполняли дѣти при шаманствѣ съ особеннымъ благоговѣніемъ и тѣло сѣдали. Остяки, видя такое ихъ варварское обыкновеніе, называли самоѣдовъ орхой, дикимъ человѣкомъ, и во время оно, когда остяки вѣзжали къ нимъ въ тундру для торговли, то приказывали самоѣдамъ, при встрѣчѣ съ собою, падать на колѣни, кланяться въ землю и не смотреть на себя до тѣхъ поръ, пока не позволятъ. Входя въ самоѣдскіе чумы, приказывали постлать себѣ подъ ноги оленьи кожи и по нимъ входили. Не дотрогивались къ самоѣдской одеждѣ и къ вещамъ ихъ, а если которыя брали изъ рукъ ихъ, то чрезъ огонь. Обкуривали вещи бобровою струею, которая, по понятію остяковъ, очищаетъ все, отъ всёхъ нечистотъ.

Въ преданіяхъ остяковъ сохранилась еще была, какъ одного казачьяго сотника Какаулина, пріѣхавшаго къ самоѣдамъ за сборомъ ясака, самоѣдскій старшина, желая угостить прилично, позвалъ къ себѣ въ чумъ и при Какаулинѣ приказала своей младшей дочери раздѣться, показала ему тѣло ея, которое было жирное и бѣлое. Послѣ этого тотчасъ убилъ дочь свою и, отрѣзавъ у нея груди, вынувъ сердце, положилъ то и другое въ котелъ и сталъ варить на тотъ предметъ, чтобы этимъ лакомствомъ поподчивать Какаулина, но тотъ, испугавшись, убѣжалъ изъ чума и болѣе къ самоѣдамъ за сборомъ ясака не пріѣзжалъ, а поручилъ таковой производить остяцкому князю.

Изъ этихъ преданій можно заключать, что самоѣды получили названіе свое отъ русскихъ казаковъ собственно потому, что сами себя ѣли, и неудивительно, что они считаютъ это слово браннымъ. Еще недавно былъ случай: лѣтъ 15-тъ тому назадъ, самоѣдъ, руководясь убѣжденіемъ своихъ предковъ, съѣлъ свою мать, старую и неспособную къ трудамъ, за что судился и въ наказаніе содержался въ тобольскихъ арестантскихъ ротахъ. Преслѣдованія начальства давно искоренили между ними это варварство, и въ настоящее время самоѣды стали опасаться самоубійствъ, которыя для нихъ прежде были нипочемъ; задавить же себя, въ случаяхъ неблагопріятныхъ, они и нынѣ не считаютъ порокомъ, или, поймавъ вора, изувѣчить его до полусмерти считаютъ даже необходимымъ. Такъ недавно старшина Пячи, поймавъ съ родовичами своими отъявленнаго разбойника Пани, выломали ему ноги и руки и такимъ представили его начальству въ Обдорскѣ. Когда же спрашивали ихъ, для чего они безчеловѣчно поступили съ Пани? то объяснились тѣмъ, что это сдѣлали потому, что Пани ниѣтъ связи съ дьяволомъ и ни одна веревка, какой бы толщины она ни была, не удержитъ Пани связаннымъ, а потому онъ могъ бы всегда убѣжать и отомстить имъ за повмку; чтобы не случилось этого, они выломали у Пани руки и ноги, и были спокойны, везя его чрезъ тундру къ начальству въ Обдорскѣ. Было нѣсколько примѣровъ, что самоѣды, будучи взяты за преступленія

*

подъ арестъ, отъ страха давились, рассказывая объ этомъ своемъ намѣреніи роднымъ раньше, убѣждая ихъ только тѣло по смерти увезти въ тундру и тамъ похоронить. Родные, зная намѣренія преступника, никогда никому объ этомъ не скажутъ, и признаютъ въ несчастныхъ случаяхъ самоубійство необходимымъ, лишь бы только оно было исполнено чрезъ давленіе, ибо жертва давленная, по ихъ понятію, Богу пріятна, и послѣ подобной смерти въ загробной жизни самоубѣе будетъ счастливѣе. Молодая дѣвица, если по принужденію родныхъ выходить за мужъ за старика, то непременно до з. мужества себя задавить, надѣясь, что, послѣ подобной смерти, получить такого жениха, о какомъ мечтала. Были еще недавно случаи, что самоубійца, убѣдившись, что жена родила ему дитя не имъ прижитое, убивалъ его и выбрасывалъ на сѣденіе собакамъ.

Наконецъ не лишнимъ считаю рассказать объ одномъ случаѣ, доказывающемъ, что самоубѣе дѣйствительно сами себя сѣдали и что поэтому и названіе имъ дано русскими казаками «самоубѣе»—правильно. Остяки и самоубѣе долго между собою враждовали и ходили другъ на друга войною. Но когда самоубѣе убѣдились, что остяковъ не въ состояніи были пр. гнать изъ своего отечества, то смирились предъ ними и въ клятву вѣчнаго мира и признанія надъ собою владычества остяковъ, исполнили слѣдующій обрядъ: изъ среды своей, по жребію, избрали одного самоубѣе, убили его, сварили и сѣли. Послѣ срубили у листовницы вершину и на оставшемся отрубѣе поставили то корыто, изъ котораго ѣли человѣческое мясо. Этотъ обрядъ былъ вѣрнымъ ручательствомъ вѣчнаго между ними согласія, и эта листовница еще по настоящее время существуетъ недалеко отъ Пашерцовыхъ юртъ и с. Обдорска.

Самоубѣе не имѣютъ рѣшительно никакихъ до-историческихъ легендъ о нашествіи предковъ своихъ на сѣверную, занимаемую ими страну. По теологическому преданію доказываютъ, что предокъ ихъ хозово (человѣкъ) сотворенъ былъ нумомъ (Богомъ) на сѣверѣ и для того они считаютъ себя коренными жителями сѣвера. Нѣтъ былинъ у нихъ, какъ

Угощені Сопника Какаула самодіями, родоначальником

они до-историческихъ времянь, отъ разбойничьей охотничьей жизни перешли къ пастушеской оленьей жизни. Въ сказкахъ ихъ упоминается только о людоедахъ съ прибавленіемъ разныхъ мническихъ приключеній. Но что они издревле, до-историческихъ времянь, были раздѣлены на роды и образовали изъ себя ватаги, то это сохранилось у нихъ въ потомствѣ, въ преданіяхъ, и этимъ догазывается то, что, для защиты своихъ личностей во время междуусобныхъ распрей, принуждены были самоѣды группироваться въ отдѣльные общества, чтобы поставить этимъ сильный оплотъ противъ нападающихъ, или самимъ торжествовать въ грабежахъ и разбояхъ. Далѣе преданія ихъ гласятъ: когда же къ ихъ родственной враждѣ присоединилась борьба съ племенемъ остяцкимъ, которое сдѣлало на нихъ нашествіе изъ вершинъ рѣки Оби, тогда самоѣды принуждены были бросить междуусобія свои и сплотиться противъ враговъ своихъ—остяковъ, грабившихъ ихъ вездѣ. Много пролито было крови съ обихъ сторонъ. Много остяками было заграблено у нихъ рыбныхъ и звѣриныхъ промысленныхъ мѣстъ, стада, захвачено женъ и дѣтей. Не видя спасенія, самоѣды стали собирать все роды свои въ одно ополченіе и избрали себѣ радона начальника (князца) надъ всемъ самоѣдскимъ племенемъ, и общими силами стали прогонять остяковъ изъ своихъ тундръ. Война съ того времени для самоѣдовъ была удачнѣе. Остяки были отогнаны за устье р. Иртыша, но, къ несчастію самоѣдовъ, на нихъ изъ-за Урала начали нападать вагулы и пустьеры, а впоследствии и зыряне. Много перетерпѣли самоѣды отъ этихъ нападений: стада оленей были распущены, бродячая жизнь, разобщая ихъ даже семейно, не давала возможности держаться въ одной массѣ и противостоять врагамъ; принуждены были смириться предъ остяками, признать надъ собою ихъ власть и платить имъ ясакъ. Съ кочевьями же своими подвинулись къ сѣверу къ р. Сосвѣ и Козыму. Наконецъ наступило новое нашествіе—монголы, вытѣснивъ остяковъ изъ вершинъ р. Оби, Ыи и Катунн, преслѣдовали ихъ до р. Томи. Остяки, удалившись къ устью р. Иртыша, думали, что спасли себя отъ лютѣйшаго врага,

но не тутъ-то было. Преслѣдованія татаръ, послѣ непродолжительнаго времени, застигли остяковъ и на устьѣ Иртыша. Остяки не могли съ ними справиться, признали надъ собою владычество монголовъ, вообще съ самоѣдами, и за-одно платили имъ ясакъ оленьими шкурами и соболями. Пораженіе остяковъ сдѣлало то, что они разсѣялись по вѣтвѣмъ рѣчкамъ, впадающимъ въ р. Обь до Обдорска, а самоѣды распространили свои кочевья вдоль береговъ Ледовитаго моря, отъ устья Печоры до устья р. Енисея. Нападенія пустозеровъ сдѣлали то, что самоѣды перенесли свои кочевья къ р. Карѣ, гдѣ довольно удачно защищались противъ непріятеля. Вогульское племя, будучи подавлено остяками, приняло надъ собою ихъ владычество и поселилось своими кочевьями на рѣчкахъ, впадающихъ въ р. Обь изъ уральской стороны.

Въ такомъ-то положеніи существовали дѣла сѣверныхъ инородцевъ, когда Ермакъ Тимофеевичъ, разгромивъ монголовъ, покорилъ Сибирь. Вслѣдъ за симъ наступило примиреніе пустозеровъ и зырянъ съ самоѣдами, появились взаимныя торговыя отношенія. По тундрамъ стали ѣздить разные торговцы отъ блага царя (новгородскіе купцы), и на сѣверѣ появились два торговые пункта—с. Пустозерское и с. Тазовское, куда стекались купцы разныхъ націй для торговли съ инородцами. Вышеозначенныя селенія скоро заселились русскими торговцами; даже Ледовитымъ моремъ чрезъ Карское море по р. Мутной, Обской губѣ и р. Еловой новгородскіе купцы доѣзжали до устья Пура, а оттуда по р. Тазу до с. Тазовскаго. Съ этого промышленнаго переворота въ самоѣдахъ стали смягчаться ихъ нравы, искоренялись людодобы, пастушеская жизнь пришла къ полному своему развитію, оленей размножилось безчетное количество. Безропотно самоѣды повиновались русскому начальству, добровольно, чрезъ остяцкаго князя, вносили ясакъ оленьими шкурами и песцами. Но корыстолюбивые виды остяковъ становились для самоѣдовъ годъ отъ году тяжелѣе, и они, желая себя освободить отъ этого ига, ополчились противъ остяковъ. Война продолжалась очень долго; тогда русское войско, казаки, были

Миръ заключенный между Самофдами и Остиками, послѣ продолжительной войны.

посланы въ помощь остягамъ, какъ племени, способствующему русскому правительству для введенія въ сѣверной странѣ административнаго порядка, а въ особенности для защиты русскихъ промышленниковъ. Въ этому времени, т. е. къ XVI вѣку слѣдуетъ отнести основаніе крѣпости Обдорска. Самоѣды были покорены, признали надъ собою власть русскаго правительства и остались въ подчиненіи остяцкаго князя Тайшана. Въ началѣ этихъ междуусобій пало жертвою лютоги самоѣдовъ с. Тазовское: оно было сожжено и жители его перебиты. Самоѣды по настоящее время въ сказкахъ своихъ о разграбленіи с. Тазовскаго упоминаютъ о томъ страхѣ, какой они носятъ въ своемъ сердцѣ чрезъ выжиданіе наказанія отъ русскаго правительства за свое своеволие, и повторяютъ, что рано или поздно, а пасть набажутъ.

До 1864 года остяцкіе князя постоянно держали самоѣдовъ въ своемъ подчиненіи; но правительство, убѣдившись во вредномъ вліяніи остяцкаго князя на самоѣдовъ, по просьбѣ сихъ послѣднихъ, лишило потомка Тайшаныхъ этой власти и разрѣшило имъ избрать своего родоначальника, чѣмъ и положило прочне основаніе избирательному управленію и угодило самоѣдамъ до восторга въ защиту ихъ личной свободы и имущественной собственности.

Племя самоѣдское было очень многочисленное: они считаютъ, что ихъ предковъ было тысячу тысячей, раздѣленныхъ на 100 родовъ; но бродячая жизнь ихъ въ полярной странѣ, которая обуславливаетъ только холодъ, голодъ и движеніе, какъ выразился одинъ ученый, есть трата силъ въ борьбѣ за существованіе до вымиранія. И дѣйствительно, самоѣды, испытывая отъ падежей скота, голода и свирѣпствующихъ болѣзней: оспы, гнилой горячки и подарковъ, занесенныхъ къ нимъ русскими—сифилиса, упадка нравственныхъ и физическихъ силъ, скоро разстался съ своимъ многочисленнымъ племенемъ. Въ настоящее время считается ихъ по Обдорскому отдѣленію только до 2.000 семействъ, и то на половину пораженныхъ сѣверной проказой, баростой и сифилитическимъ худосочиемъ.

Торговля отношенія самоѣдовъ съ русскими имѣли въ

ихъ политическомъ развитіи большое вліяніе. Они въ настоящее время очень хорошо понимаютъ, что кромѣ пастушеской жизни, рыболовства и звѣроловства, они могутъ поддерживать себя и другими средствами, и многіе изъ самоѣдовъ занимаются уже торговлею вина и разныхъ мелочныхъ товаровъ, необходимыхъ для ихъ жизни въ своихъ тундрахъ, не отставая отъ бродячей жизни.

Самоѣды ередняго роста, тѣлосложенія мускулистаго, станѣ довольно стройный, круглая голова, скулистое круглое лице, приплюснутый носъ, широкія и толстыя губы, бѣлыя зубы, узкіе черныя глаза, вдавленный узкій лобъ, черныя брови и ресницы, но малыя; черныя волосы, небольшія уши, отдѣляющіяся отъ головы, походка качающаяся, но легкая, ноги выгнутыя, тонкія, маленькія руки и стопы, вообще тѣлодвиженіе проворное и смѣлое, голосъ сильный, пронзительный и негармоническій, разговоръ быстрый—въ пось. Сила умѣренная, терпѣливыя, скрытныя къ стороннимъ, молчаливыя, постоянныя въ словѣ; неопрятныя, лѣнныя, обжорливыя, невоздержныя, способности не развиты, но не лишены здраваго смысла, довольно сострадательны къ нуждамъ ближняго, но расчетливыя, корыстолюбивыя, завистливыя, властолюбивыя и мстительныя; въ женщинахъ замѣтна наружная скромность, на словахъ же и въ обращеніи онѣ довольно нескромны. Мужины нравственнѣе ихъ. Привязанность къ дѣтямъ велика; но взрослые дѣти очень мало почитаютъ своихъ родителей; жены въ отношеніи мужей своихъ—рабы; братья съ своими сестрами обходятся такъ же и смотрятъ на нихъ какъ на вещь, которая можетъ быть продана, тѣмъ больше. Если нѣтъ въ живыхъ родителей и сестры остались подъ покровительствомъ братьевъ.

Одежда у самоѣдовъ дѣлается изъ кожъ оленьихъ, песцовыхъ, бобровыхъ и собачьихъ, и шьется нитками, приготовленными изъ оленьихъ жилъ. Изъ оленьихъ полугодовыхъ телятъ, называемыхъ неплюями, шьютъ малицы въ родѣ мѣшка съ отверстіемъ вверху, какъ пролѣзть головѣ съ рукавами и пришитыми къ нимъ рукавицами съ однимъ пальцомъ. Къ отверстию пришиваютъ тришокъ, который дѣлается изъ пѣшки (выпорки изъ выкидышей оленьихъ). Малица надѣвается шерстью къ тѣлу, и обшивается кругомъ подола кундой (собачьей кожей), бѣлой, длинношерстной, въ родѣ бахрамы. Тамъ, гдѣ кунда пришивается къ подолу, проводятъ красную полосу сурникомъ. Надѣвъ малицу, оная

сываются широкимъ ремнемъ, украшеннымъ разными пуговицами. Къ поясу привѣшиваются съ лѣвой стороны ножны съ ножомъ, украшенныя мѣдными полосками, а съ правой ножны съ оселкой; сзади, по срединѣ пояса, прицѣпляютъ въ родѣ портмоне, мѣшочекъ, украшенный пуговицами: въ немъ прячутъ труть, огниво, кремь, нитки, иголки и волчій зубъ. Надѣвъ малицу и опоясавшись, самоѣды надѣваютъ на себя послѣ парку, которая отличается отъ малицы тѣмъ, что дѣлается безъ рукавицъ и изъ темныхъ одношерстныхъ неплюевъ, а у богатыхъ изъ пестрыхъ; ниже къ подолу пришиваются узорчатая каймы, сдѣланныя изъ кусочковъ разношерстныхъ оленьихъ кожъ и разноцвѣтнаго сукна, а самыя кунды вверху обшиваютъ бобровыми полосками; трипогѣ дѣлается изъ тѣхъ же кожъ, что и парка, и принаравливается такъ, чтобы кожа головы оленя съ ушами приходилась на головѣ самоѣда. Парка надѣвается шерстью вверхъ. Гусь—та же парка, дѣлается изъ толстыхъ неплюевъ безъ кунды и бобра, надѣвается шерстью вверхъ, и то во время сильныхъ морозовъ. На ноги надѣваютъ замшевые штаны; чулки (чужи) дѣлаются изъ толстаго неплюя, а на нихъ пимы (самоѣдскіе пестрые сапоги, которые дѣлаются изъ кожи оленьихъ ногъ съ длинными голяшками за колѣни, голяшки привязываются ремешками къ штанамъ, а ниже колѣна обвязываются шерстянымъ цвѣтнымъ пояскомъ. На ночь надѣваютъ длинныя ягушки, въ родѣ халата, сдѣланныя изъ тонкихъ неплюевъ, на подкладѣ изъ песчоваго и бѣличьяго мѣха. Женская одежда у самоѣдовъ состоитъ изъ ягушки, сдѣланной изъ полосокъ неплюевъ, собачьей бѣлой и черной шкуры, бобра и разноцвѣтнаго сукна; къ рукавамъ прицѣпляютъ разныя мѣдныя побрякушки, бубенчики, колокольчики и длинныя кусочки разноцвѣтнаго сукна. На голову надѣваютъ шапку съ бобровымъ околomъ, или же съ околomъ изъ песчовыхъ и лисьихъ хвостовъ; тулейка у нея дѣлается изъ полосокъ разноцвѣтнаго сукна. Къ шапкѣ сзади прицѣпляютъ двѣ косы, оплетенныя разъ возлѣ разу шерстяными тоненькими поясками; къ этимъ косамъ прицѣпляютъ разныя мѣдныя кружечки, колокольцы. Опоясываются шерстянымъ пояскомъ, къ

которому вмѣсто пряжки прикрѣпляется большой мѣдный кругъ, раздѣленный двумя хордами. Къ ушамъ привѣшиваютъ мѣдныя серьги въ родѣ пуговокъ. На пальцахъ носятъ множество мѣдныхъ колецъ. Волосы заплетаютъ въ двѣ косы, какъ мужчины, такъ и женщины, и оплетаютъ ихъ шерстяными малиновыми поясками. Женщины, чтобы рѣзче выказывать на лбу проборъ, выдергиваютъ на немъ волосы. Нѣкоторые мужчины стригутъ волосы и голову подбриваютъ кругомъ. Штаны, какъ мужчины, такъ и женщины дѣлаютъ изъ оленьей замши. Одежда ими надѣвается всегда на голое тѣло; рубашекъ и подштанниковъ не носятъ. Имущественныя самоѣдскія принадлежности очень нероскошны; онѣ бываютъ слѣдующія: чумъ, передвижной домъ; онъ имѣетъ коническую фигуру, дѣлается изъ 25 и болѣе жердей въ 3 сажени длины; вверху эти жерди смыкаются все въ кучу, а нижніе концы разставляются кругообразно по землѣ и образуютъ кругъ на 2 сажени и болѣе въ діаметрѣ. Поставивши жерди снаружи, прикрываютъ ихъ ногами, т. е. покрывалами, спитыми изъ оленьей кожи. Одну кожу кладутъ шерстью внутрь, а другую—шерстью вверху, оставляя вверху чума отверстіе для выхода дыма; а чтобы ноги не могъ сдернуть вѣтеръ, обвязываютъ чумъ кругомъ веревками, а внизу обсыпаютъ на аршинъ снѣгомъ и утаптываютъ его. Одинъ конецъ ноги изъ подвѣтренной стороны не привязываютъ и онъ свободно откидывается и закидывается, и это отверстіе служитъ имъ входомъ въ чумъ; противъ этого отверстія внутри, по срединѣ чума кладутъ на полѣнахъ жестяной листъ, на которомъ разводять огонь, и это служитъ имъ очагомъ; надъ очагомъ на $1\frac{1}{2}$ аршина въ верху къ чумовымъ жердямъ противъ входа привязываютъ къ обѣимъ сторонамъ входа по концу двухъ длинныхъ палокъ такой величины, которыя хватили бы чрезъ весь чумъ; противоположные концы этихъ палокъ сводятъ вмѣстѣ и, завѣшивая въ параллель, къ очагу привязываютъ тоже къ чумовой палкѣ противоположной входу. На этихъ перекладинахъ завѣшиваютъ передъ огнемъ котлы, сушатъ свою одежду, коптятъ мясо и проч. По обѣимъ сторонамъ очага кладутъ на землѣ въ длину чума по двѣ ши-

рокія доски, которыя и служатъ имъ столомъ; за этими досками устраиваютъ себѣ логовище такимъ образомъ: на землю кладутъ ковры, связанные изъ тальничныхъ прутьевъ, на нихъ постилаютъ ковры, связанные изъ пучковъ длинной высушенной травы, и все это сверху прикрываютъ невидѣланными оленьими кожами. Подъ голову кладутъ лишнюю одежду и прикрываютъ ее мехами. У входа передъ очагомъ складываютъ дрова, а на другой сторонѣ очага ставятъ котлы съ водою, ведра, разные корытца, мясо и проч. свою хозяйственную утварь. Чумъ складываютъ и разбираютъ въ четверть часа: онъ очень удобенъ для бродячей ихъ жизни, и когда поддерживается умѣренный изъ сухихъ дровъ огонь, тогда въ немъ очень тепло въ сильнѣйшіе морозы.

Нарты (сани). Они дѣлаются для обоза на высокихъ конькахъ и больше, чѣмъ для легкихъ разбѣздовъ; полозья у нихъ широкія, не толстыя, чтобы свободно могли держаться на снѣгу; сѣдалище устраивается на задней части полозьевъ; полозья спереди круто заггибаются, почти шарообразно, и къ концамъ ихъ прикрѣпляются блоки (ендели), въ которые вдергиваютъ ремни отъ упряжи; одною рукою очень свободно можно нарту поднимать и въ снѣгу онѣ не вязнуть.

Куромы (въ родѣ дровень); ихъ устраиваютъ для привоза дровъ и перевозки чума. Оленья сбруя очень несложна: она состоитъ изъ уздечекъ и лямокъ; къ лямкамъ привязывается длинный ремень, который пропускается чрезъ блоки, привязанные къ носу полозьевъ нарты, и служитъ въ родѣ оглобель; этотъ ремень пропускается между ногъ оленя. Одна возжечка привязывается къ уздечкѣ къ переднему оленю, которой правятъ; опоясывается олень выше брюха воздѣ переднихъ лопатокъ подпругой, и къ этой подпругѣ привязывается поводъ уздечки другого оленя. Понуждаютъ оленей длиннымъ шестомъ въ 3 сажени, который дѣлается въ коническомъ видѣ; на тонкомъ концѣ этого шеста прикрѣпляютъ плоскую круглую косточку, а на толстомъ—жельзное копые, тонкимъ концомъ колютъ оленей въ задъ, а копыемъ убиваютъ звѣрей и придерживаются о землю во время бѣды, когда нарты закатываются при поворотахъ. Винтовка, лукъ

Внутренний бытъ Самоэдовъ въ чуму.

со стрѣлами, пороховница, топоръ, широкій и узкій ножъ въ родѣ толстаго шила, которымъ колютъ оленей и долбятъ въ деревѣ дырки, сверло, трубка изъ мамонтовой кости съ крошечнымъ чубучкомъ, рожокъ для нюхательнаго табаку и тынзянъ (арканъ), которымъ ловятъ оленей (см. 71 стр.) Вотъ и все имущество самоѣда, которымъ онъ довольствуется; богатство и довольство жизни его заключаются въ оленяхъ и кожахъ пушнаго звѣря.

Обдорскіе самоѣды по настоящее время ведутъ жизнь бродячую, занимаютъ своими кочевьями весь сѣверный берегъ Ледовитаго и Карскаго Моря, отъ р. Кары до р. Енисея. Во время кочевьявъ распредѣляютъ временемъ такъ: лѣтомъ бродятъ вблизи моря, на возвышенностяхъ Уральскихъ горъ и ихъ покатостяхъ, называемыхъ Пайхой, на полуостровѣ Ялмалѣ, между Карскимъ моремъ, Байдарацкою губою и Обскою губою, на полуостровѣ между Обскою и Тазовскою губою отъ устья р. Еловой и р. Пура, и на полуостровѣ между Обскою и Тазовскою губою отъ устья р. Мяцо къ вершинамъ ея и р. Енисея и Енисейскою губою. Съ приближеніемъ осени, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, самоѣды подходятъ со своими стадами къ южнымъ частямъ Обской, Тазовской губы и р. Оби. Тутъ у береговъ этихъ водъ дожидаются замерзанія ихъ и, какъ только станетъ ледъ въ сентябрѣ, тотчасъ переходятъ на противоположный берегъ, гдѣ уже находятся небольшіе перелѣски, и чѣмъ сильнѣе дѣлается морозъ, тѣмъ скорѣе стараются попасть въ густые лѣса и среди ихъ и находящихся между ними тундръ распространяютъ свои кочевья все южнѣе и южнѣе отъ вершинъ рр. Табьюгана, Ныды, Полуя, Казыма, до предѣловъ Сургутскаго участка. При перекочевкѣ изъ пустыхъ тундръ въ лѣсныя мѣста самоѣды отдѣляютъ отъ своихъ большихъ стадъ часть оленей, почти самыхъ быковъ. Изъ нихъ формируютъ небольшое стадо и съ легкимъ чумомъ (безъ обоза) подкочевываютъ въ декабрѣ къ с. Обдорску для положенія ясака, для продажи своего товара и покупки хлѣба, муки и разныхъ принадлежностей на обдорской ярмаркѣ. По окончаніи ярмарки, въ январѣ возвращаются къ большимъ своимъ стадамъ, гдѣ остаются всю зиму до приближенія весны къ апрѣлю мѣсяцу. Во время зимнихъ мѣсяцевъ занимаются въ лѣсахъ охотой на дикихъ оленей, лисицъ, бѣлокъ, заготавливаютъ себѣ всѣ деревянныя принадлежности, а особенно приготавливаютъ большой запасъ нартъ, куромъ и полозьевъ, чтобы достало для кочевки на цѣлое лѣто; ибо самоѣды дѣлаютъ лѣтомъ свои разъѣзды

Обдорская Ярмарка.

тоже на нартахъ, а о камни и песокъ очень скоро стираются полозья; въ мѣстахъ же лѣтнихъ ихъ кочевьевъ лѣсовъ нигдѣ нѣтъ. Съ наступленіемъ весны самоѣды возвращаются опять въ свои лѣтнія кочевья и по этому, разъ заведенному, порядку бродятъ отъ незанятыхъ временъ до настоящаго времени. Самоѣды раздѣляются на роды и каждый родъ имѣетъ свой путь кочевой жизни. Отъ передвиженій этихъ образовались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по тундрамъ, переходныя, тертыя дороги, очень замѣтныя, которыя называются анасными дорогами. Дѣйствіе передвиженія ихъ чумовъ называется басланіемъ, всю же двигающую массу касланія называютъ анасомъ. Обозъ съ жожакомъ на передней легкой нартѣ бываетъ безъ кладя, а изъ послѣдующихъ 6-ти нартъ съ еладью, запряженныхъ въ нарту по два оленя, привязанныхъ арканами съди предъидущей нарты, называютъ аркишемъ. Мѣсто, гдѣ самоѣдъ стоитъ чумомъ, называютъ чугоромъ. Разѣзжая по самоѣдскимъ тундрамъ, часто слышимъ отъ жожаковъ, какъ они говорятъ, что вотъ анасная дорога такого-то и до такой-то считается столько-то анасовъ, а недалеко долженъ быть чугоръ, или вотъ уже онъ скаслалъ, вотъ далеко-далеко виднѣется паръ *) отъ аркишевъ и на пригорокъ въѣхалъ первый аркишь. Когда случаются мятели и заносятъ анасныя дороги, то самоѣды разыскиваютъ кочевья другъ друга по чугорамъ, которые какъ бы ни были занесены снѣгомъ, все же въ какомъ-нибудь мѣстѣ оставляютъ признакъ своего существованія, какъ-то: оленій калъ, поломанныя нарты. Найдя этотъ признакъ, самоѣды ощушь разыскиваютъ—въ которомъ именно мѣстѣ стоялъ чумъ и обозъ, собственно для того, чтобы узнать, въ которую сторону тронулся чумъ съ обозомъ, съ мѣста: по этому-то направленію они и ѣдутъ и находятъ разыскиваемого; а чтобы узнать, какъ давно изъ чугора скаслалъ, то самоѣды ножомъ разрѣзываютъ снѣгъ до земли и по напластованію снѣга и находящагося въ немъ

*) Во время зямы надъ стадомъ оленей, гдѣ они пасутся, отъ ихъ дыханія, образуется облако, замѣтное издали. Это замѣчается еще рѣзче при касланіи.

оленьяго сала опредѣляютъ это время, а именно: чѣмъ далье ближе находится верхняго напластованія снѣга, тѣмъ время недавнѣе скасланія, и чѣмъ глубже, тѣмъ долше. Сверхъ того нѣкоторые самоѣды оставляютъ на чугорахъ нѣсколько палокъ, воткнутыхъ въ снѣгъ наклоненными къ тому направленію, гдѣ должны быть ихъ новый чугоръ, и на этихъ палкахъ они вырѣзываютъ свои тамги (знаки), по которымъ и узнаютъ, чей анась стоялъ на чугорѣ. Эти тамги находятся у нихъ на каждомъ оленѣ и у самихъ самоѣдовъ татуированы на рукахъ; они бываютъ слѣдующаго вида:

и проч.; у нихъ есть еще также слѣдующее тавро (клеймо дьявольское) ⊙: его кладутъ на оленей, обреченныхъ въ жертву. Тавры дѣлаютъ каждый годъ на бокахъ оленя у передней лопатки, выщипывая шерсть или просто вырѣзывая ее ножомъ. Во время моего путешествія по самоѣдскимъ тундрамъ, дѣлаемаго на собственныхъ оленяхъ, а ихъ было до 400 ш., я, чтобы можно было узнать, что эти олени принадлежали мнѣ, приказалъ на каждомъ оленѣ вырѣзать дьявольское самоѣдское и остяцкое тавро въ томъ видѣ, какъ оно показано выше. Рабочіе самоѣды и остяки совѣтовали мнѣ этого не дѣлать собственно потому, что на такихъ оленяхъ, по ихъ мнѣнію, нельзя ѣздить, и что будемъ постоянно блудиться, кружить по тундрамъ, но я на это замѣчаніе не обращалъ вниманія, и, сдѣлавши эти тавры на оленяхъ, имѣлъ ту выгоду, что если мой олень убѣжитъ и попадется въ чужое стадо, то его сейчасъ же доставляли ко мнѣ и чрезъ это сохранилось мое стадо цѣлымъ; убить же оленя съ подобнымъ тавромъ или держать его у себя въ стадѣ самоѣды не рѣшались по той причинѣ, что дьявольскіе тавры кладутся ими на оленей во время своихъ болѣзней и разныхъ несчастій, и олени носятъ ихъ до того времени, пока не выздоровѣетъ больной самоѣдинъ и лишь по выздоровленіи его убиваютъ въ жертву и съѣдаютъ; если бы это раньше убилъ оленя съ подобнымъ тавромъ, такъ самъ захвора-

еть тою же болѣзною, которой затаврень былъ олень. Нѣкоторые самоѣды нарочно подпускають подобныхъ оленей въ чужія стада, думая, что олень унесетъ на себѣ всѣ ихъ несчастія и, войдя въ чужое стадо, оставитъ несчастіе тому, кому принадлежитъ стадо; это дѣлается ими изъ зависти, и за подобныя продѣлки они вступаютъ въ тяжбы и жестоко враждуютъ другъ противъ друга.

Бродячая жизнь самоѣдовъ вызвана необходимостью, вслѣдствіе климатическихъ условій самой природы, и не можетъ быть измѣнена безъ потери настоящаго матеріальнаго ихъ пастушескаго быта. Холодная зима заставляеть самоѣда для изобилія дровъ находиться въ лѣсахъ, ибо въ ихъ чумахъ зимою, въ сильныя морозы, огонь поддерживается почти постоянно; кромѣ того въ лѣсахъ есть небольшія моховыя тундры, въ которыхъ олень можетъ быть защищенъ отъ выюговъ и непогодъ. Только въ зимнее время шкуры звѣрей имѣютъ настоящее достоинство, и дорогой звѣрь водится болѣе въ лѣсахъ. Пищу же для самоѣда въ зимнее время преимущественно составляетъ оленья мясo, которое тогда бываетъ жирное, сочное и несвищеватое. Съ приближеніемъ весны олени начинаютъ телиться; въ лѣсахъ оленоводы не могутъ имѣть бдительнаго надзора за телящимися оленями: въ лѣсахъ родившихся телятъ часто убиваютъ вороны, а новотельныя самки часто бросаютъ телятъ отъ торопливости, чтобы не отстать отъ стада во время калланія. Притомъ родовыя потуги новотельныхъ самокъ бываютъ часто столь трудны, что самка, отелившись, отъ боли бросаетъ своего теленка; тогда ее ловятъ, привязываютъ и заставляють привыкать къ своему теленку. Для наблюденія за всѣмъ этимъ, для тѣхъ, у которыхъ есть большія стада, необходимы открытыя мѣста. Съ приближеніемъ лѣта, тучи комаровъ, мошекъ и паутовъ (слѣпни) не позволяютъ уже оленямъ оставаться въ лѣсахъ. Отъ нападенія насѣкомыхъ они худѣютъ, свищи одолаваютъ ихъ до изнуренія, такъ-что нѣкоторые подыхаютъ. Тогда самоѣдъ не ѣстъ оленьяго мясa и принужденъ для себя искать другой пищи, и для того онъ съ оленемъ бѣжитъ изъ лѣсовъ на голыя тундры, которыя чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ открытѣе, а на

высокихъ мѣстахъ холоднѣе. Кромѣ мху и разныхъ травъ и карликоватаго тальника и березки, тамъ нѣтъ никакихъ древесныхъ растений. На такихъ-то тундрахъ олень, свободный отъ комара, нѣжится, поправляетъ свою худобу и къ осени разжирѣетъ до того, что на спинѣ и груди у него бываетъ на вершокъ сала. Самоѣду тоже предстоятъ новыя занятія: онъ добываетъ по озерамъ, рѣкамъ и возлѣ моря весеннюю птицу, рыбу, морскаго звѣря, заготавливаетъ къ зимѣ сушеную рыбу, известную подъ названіемъ юрока и поземовъ, приготовляютъ варку изъ ожирѣлыхъ частей рыбы, которая жаритъ въ котлахъ и вмѣстѣ съ жиромъ вышкварки складываетъ въ олени брющины и кожи, сорванныя съ гусей, утокъ и лебедей. А чтобы жиръ не загорѣлъ во время лѣтнихъ жаровъ, то самоѣды вырываютъ въ землѣ ямки, и складываютъ варку туда до зимы. Варка сохраняется очень хорошо и составляетъ лакомую пищу съ русскимъ хлѣбомъ или ржаной мукою, разболтанной въ кипяткѣ; это блюдо называется саламатюю. Кромѣ того большую рыбу — осетровъ, нельмъ они пускаютъ въ озера и, съ наступленіемъ уже морозовъ, выловивъ ихъ оттуда, привозятъ на продажу русскимъ во время ярмарки, и лакомятся сами, зимою съѣдая ее мерзлою. Это кушанье русскіе называютъ строганиной; съ солью и перцемъ она очень вкусна и заключаетъ въ себѣ испытанное гигиеническое средство противъ цыгги. Оленья свѣжая кровь имѣетъ то же свойство, а потому русскіе, посѣщая сѣверное самоѣдское царство, за обязанность считаютъ привыкать къ употребленію въ пищу строганины, и тѣмъ спасаются отъ цыгги.

Вникнувъ въ обстоятельства, заставляющія самоѣда вести бродячую жизнь, каждый изъ благомыслящихъ людей пожелаетъ ему, какъ человѣку, улучшенія его матеріальнаго быта, захочетъ сдѣлать его сѣдлымъ, или, по крайней мѣрѣ, кочующимъ; но тогда нужно было бы разлучить его съ большими стадами оленей, между тѣмъ какъ существованіе въ необозримыхъ тундрахъ безъ оленя даже невысказуемо. Изъ многочисленныхъ примѣровъ замѣчено, что самоѣдъ, когда лишится своего стада, что бываетъ съ нимъ нерѣдко отъ падежа

олений, тогда онъ дѣлается вочевымъ или осѣдлымъ, но въ это время онъ испытываетъ нужду во всемъ. Въ непродолжительное лѣто пропитываетъ себя заработками у русскихъ, съ наступленіемъ 8-ми-мѣсячной зимы голодаетъ съ своимъ семействомъ, и нерѣдко умираетъ съ голоду. Но едва пріобрѣтетъ немного оленей, тотчасъ начнетъ вести свою бродячую жизнь, и обстоятельства его улучшаются. Съ оленями онъ имѣетъ вездѣ доступъ къ промысламъ, богатѣетъ и считаетъ себя счастливѣйшимъ человекомъ въ мірѣ. Разъѣзжая по самоѣдскимъ тундрамъ, часто случалось мнѣ встрѣчать касяющихъ самоѣдовъ, имѣющихъ по нѣсколько оленей. Телятъ запрягаютъ въ нарты, сами имъ помогаютъ тащить ихъ, лишь бы не сидѣть на одномъ мѣстѣ. Правда, привычка къ бродячей жизни много дѣйствуетъ на самоѣда, но сама природа его страны заставила его быть такимъ, ибо она у себя такъ все распредѣлила, что въ одномъ мѣстѣ много птицы, въ другомъ рыбы и звѣря: въ одномъ мѣстѣ возможно только жить лѣтомъ, а въ другомъ—зимою, и всѣ эти мѣста находятся на дальнемъ разстояніи другъ отъ друга. Въ лѣтнее время передвиженія еще возможны водою на лодкахъ, но все же не ко всѣмъ мѣстамъ; зимою же безъ оленя они невозможны, и потому олень есть единственная для самоѣда необходимость, спокойствіе, богатство, утѣшеніе и самая жизнь. Справедливость моихъ убѣжденій можно еще доказать и тѣмъ, что зыряне и пустозеры, сосѣди самоѣдовъ, ведя жизнь осѣдлую по р. Печорѣ и притокамъ ея, были въ нищетѣ, и когда замѣтили, что оленоводство ихъ обогащаетъ и служитъ имъ средствомъ, весьма важнымъ къ поддержанію жизни, то стали разводить стада и вести жизнь бродячую, и скоро разбогатѣли, стали улучшать свои морекіе промыслы. Когда же пустозеры лишились отъ сибирской язвы стада оленьихъ и размноженныя стада зырянъ истребили пищу оленямъ на ихъ тундрахъ, то обѣднѣли и ведутъ одну осѣдлую уже жизнь, довольно бѣдную.

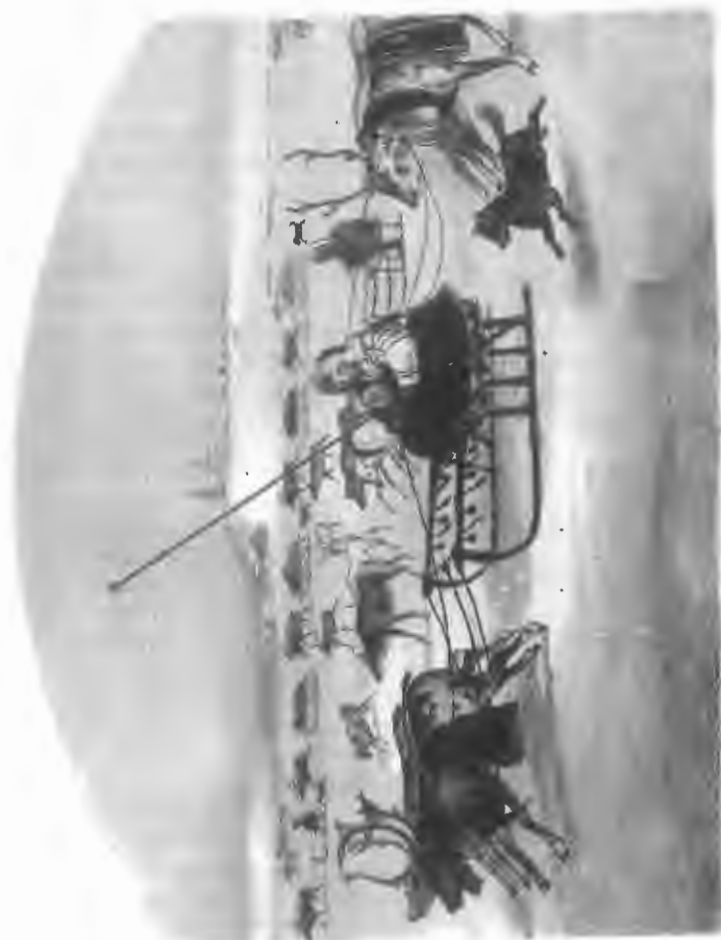
Самоёды, когда собираются каслать, то съ самаго начала пастухи объѣдутъ на легкихъ нартахъ въ два оленя весь чугоръ и сгоняютъ оленей поближе къ чуму; въ этомъ имъ помогаютъ небольшія долгошерстныя собаки, которыя такъ отлично приучены сгонять оленей, что куда бы они ни отлучились—разыщутъ и пригоняютъ къ чуму. Собака, гоняясь за оленями, изнуряется до того, что въ изнеможеніи, прибѣжавъ въ чумъ, падаетъ въ непробудный сонъ, и ее какъ дохлую бросаютъ съ мѣста на мѣсто. Олени приучаются къ лаю собакъ: едва слышатъ его, тотчасъ сами бѣгутъ опромѣтью къ чуму. Созываютъ оленей еще и голосомъ, повторяя протяжно слова: «ого, го, ого, го»! Къ голосу они привываютъ еще и потому, что всегда слышатъ таковой во время нападенія на нихъ волковъ. Бывали довольно частые случаи, что волкъ, подпалзывая къ оленю, вдругъ перепугаетъ все стадо, которое, не видя волка, свѣтритъ его приближеніе. Самоёды, замѣтивъ этотъ испугъ оленей, тотчасъ начнутъ созывать ихъ къ чуму; олени, собираясь со всѣхъ сторонъ, обружаютъ волка, а отъ испуга станутъ бѣгать вокругъ него одинъ за другимъ, тѣсниться, и тогда затопчутъ волка до смерти. Самоёды, когда лишатся собаки-загоняйки, то сами, объѣзжая кругомъ стадо, авгаютъ наподобіе собакъ.

Когда олени соберутся къ чуму, тогда изъ него выйдутъ всѣ: женщины, дѣти и гости—ловить оленей, подгоняютъ ихъ къ нартамъ, поставленнымъ цѣпью одна возлѣ другой въ родѣ забора; къ обоимъ концамъ этого забора привязываютъ веревки, и ими обводятъ кругомъ стада; веревку эту всѣ присутствующіе поддерживаютъ на рукахъ, и когда къ ней приблизится олень и захочетъ выпрыгнуть, то страхиваютъ веревкою и этимъ отгоняютъ оленя въ средину круга, который постепенно уменьшаютъ, и до того сожмутъ оленей въ одну кучу, что имъ негдѣ пошевелиться. Тогда самоёды входятъ въ средину оленей и изъ нихъ выбираютъ кавихъ имъ нужно къ упряжи и привязываютъ ихъ за шею

къ той веревкѣ, которой они обведены. Такимъ образомъ, навязавъ столько оленей, сколько имъ нужно, остальныхъ распускаютъ. Этотъ способъ ловить оленей называется неводнымъ. Еще ловятъ оленей тынзянами, въ особенности для жертвы, которые дѣлаютъ изъ коровьей сырой кожи; изъ нея плетутъ длинную круглую бечевку въ 20 и 25 сажень длины: на одномъ концѣ ея прикрѣпляютъ небольшую продолговатую косточку съ дырочкой, гладко очищенной такъ, чтобы вдернутый въ нее тынзянъ легко скользилъ по ней; съ помощью этой косточки дѣлаютъ петлю, берутъ ее въ одну руку и съ нею набираютъ еще нѣсколько круговъ тынзяна, въ другую руку набираютъ остальную часть его, и съ набраннымъ такимъ образомъ тынзяномъ подходятъ къ оленю и бросаютъ его на него. Петля зацѣпится за рога или ногу оленя, и такимъ образомъ его поймаютъ.

Приготовивъ, какъ сказано выше, оленей для упряжи, самоѣдскія жены складываютъ разныя вещи въ нарты и обвязываютъ ихъ. Послѣ снимаютъ чумъ и его увлаживаютъ на куромы. Окончивъ укладку, запрягаютъ въ обозныя нарты по два оленя, а въ ту, на которой сидитъ сама хозяйка—четыре, и такимъ образомъ устраиваютъ аркишъ. Первый аркишъ всегда ведетъ сама хозяйка; какъ въ ея нарту такъ и въ обозныя запрягаются одношерстные олени. Сбруя на оленяхъ, запряженныхъ въ нарту хозяйки, бываетъ самая изящнѣйшая,—шлеи на шею дѣлаютъ изъ черной медвѣжьины, подпруги пестрыя, шитыя изъ разноцвѣтнаго сукна, уздечки выкрашенныя въ красный цвѣтъ; къ нартѣ прицѣпляютъ нѣсколько колокольчиковъ разной величины. Женская нарта дѣлается шире и выше мужской, такъ, чтобы удобно было въ ней помѣститься маленькимъ дѣтямъ и сѣсть самой хозяйкѣ. Эта нарта прикрывается покрываломъ изъ красного или другаго цвѣтнаго сукна, съ разноузорчатыми ваймами, сдѣланными изъ лоскутковъ разноцвѣтнаго сукна, и сверхъ того еще прицѣпляютъ къ нартѣ кругомъ лоскутки разноцвѣтнаго сукна, тонко нарѣзанные въ родѣ бахрамы. Однимъ словомъ, чѣмъ богаче самоѣдъ, тѣмъ изящнѣе формируется аркишъ его хозяйки; оленей подбираютъ

бѣлыхъ или пестрыхъ. За аркишемъ хозяйки слѣдуютъ аркиши взрослыхъ дочерей, неуступающіе щегольствомъ, за ними аркиши женъ рабочихъ. Мальчики 7, 8 лѣтъ уже каслуютъ сами на маленькихъ, нарочно сдѣланныхъ нартахъ, и имъ запрягаютъ по два смирные оленя. Взрослые же сыновья, хозяева и рабочіе запрягаютъ для себя по тройкѣ оленей, и обыкновенно впрягаютъ малоѣзжалыхъ. Когда такимъ образомъ все приготовится, то трогаются съ мѣста и дѣлаютъ послѣдній разъ зовъ оленей, которые едва завидятъ, что аркиши двинулись съ мѣста, тотчасъ слѣдуютъ за ними тихонько. День переѣзда самоѣды считаютъ для себя какимъ-то празднествомъ. Весь этотъ день во время касланія проходитъ въ оживленномъ разговорѣ, въ смѣхѣ и составляетъ имъ единственное утѣшеніе. Послѣ оставленія чугора, пастухи съ собаками еще разъ объѣдутъ его кругомъ и, убѣдившись, что оленей нигдѣ оставшихся нѣтъ—догоняютъ анасы и слѣдуютъ цѣлый день вмѣстѣ. Аркиши у богатыхъ самоѣдовъ и стада ихъ оленей бывають во время касланія растянуты на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, и чрезъ которое мѣсто они пройдутъ, то накатають дорогу до того, что она дѣлается скользкой какъ ледъ—въ ширину болѣе 10 саж., каслають съ утра до вечера и весь день ничего не ѣдятъ. Мѣсто, гдѣ нужно остановиться, размыскивають ѣдущіе впередъ анаса пастухи или самъ хозяинъ, и приискивають такое, чтобы оно было на ровномъ мѣстѣ, чтобы удобно было на немъ поставить чумъ, нарты, сгонять оленей, чтобы кругомъ чума вездѣ хотя на 2 версты былъ хорошій мохъ и въ изобиліи, чтобы былъ лѣсъ для топлива и вода. Приѣхавши на избранное мѣсто, женщины тотчасъ принимаются за свое хозяйство и въ четверть часа поставятъ чумъ, устроятъ въ немъ весь порядокъ, разведутъ огонь, принесутъ воды, а если ея нѣтъ, то изъ снѣгу натають, навѣсивъ надъ огнемъ котлы. Мужчины, между тѣмъ, поймавъ оленя, задавятъ его, сами поѣдятъ сыраго мяса, а ноги бросятъ для ѣды въ чумъ женщинамъ. Послѣ этого женщины сварятъ мяса и подчуютъ имъ мужчинъ, когда же ихъ накормятъ, то послѣ и сами наѣдятся. Мужчины, наѣвшись, сейчасъ же раздѣваются, надѣва-

Видъ Обдорска и перекочева Самофловъ.

ютъ ночную одежду и ложатся спать, а женщины сушатъ ихъ обувь, починяють ее и когда все кончатъ, тогда и сами ложатся спать. Въ чумѣ работъ мужчинъ вовсе не видно: все лежитъ на обязанности женъ. Онѣ и дровъ привезутъ и нарубить, воды принесутъ, огонь разведутъ и его поддерживаютъ. Въ то время, когда мужчины ѣдятъ вареное мясо, женщины, взявъ каждая по одной оленьей ляжке, вырѣзываютъ изъ нихъ жилки, изъ которыхъ дѣлаютъ нитки, вытягиваютъ ихъ зубами, а обрѣзанное мясо съѣдаютъ сами сырымъ. Очищенные мозговые кости составляютъ у нихъ особенное лакомство: жены очень наивно разбивъ кость, мозгомъ изъ этой кости подчуютъ своихъ мужей, по кусочку даютъ его и дѣтямъ; если случится гость, то и ему подносятъ тоже косточку съ мозгомъ — полакомиться. Если ночуетъ у нихъ гость, то женщины за гостемъ ухаживаютъ какъ за своимъ роднымъ, а въ знакъ гостепріимства постелятъ чистую новую оленью кожу, на ноги принесутъ надѣтъ новые пимы, новую ягушку, навормятъ самыми лакомыми кусочками: оленьимъ языкомъ, сердцемъ, грудиной, саломъ; если есть свѣжая рыба, то и ее нарѣжутъ сырой и подчуютъ; также подчуютъ варкой, русскимъ хлѣбомъ, однимъ словомъ, что у нихъ есть лучшаго, все предлагаютъ гостю. Когда же онъ уснетъ, то чтобы ему было теплѣе спать, хозяйка чума снимаетъ съ себя ягушку и прикроетъ ею гостя. Эта послѣдняя услуга очень мнѣ не нравилась, ибо изъ подобной ягушки всегда выползетъ безчисленное множество вшей, и свѣжаго человѣка искусаютъ до нестерпимости. Самоѣдскія жены хотя и вылавливаютъ ихъ изъ одежды своей и этой охотой не женируясь занимаютъ при всѣхъ, кто бы въ ихъ чумахъ ни былъ, но у нихъ разводится ихъ такое множество, что онѣ не успѣваютъ всѣхъ истреблять; пойманнаго вша онѣ давятъ зубами и съѣдаютъ. Когда я спросилъ, какой вкусъ имѣетъ вошь? то на это женщины отвѣчали мнѣ, что длинные вши сладки и противнаго вкуса къ нимъ не испытываютъ. Противно смотрѣтъ, какъ женщины, выждавъ время, когда улягутся мужчины спать, обступятъ очагъ и при очагѣ распахнувъ свою ягушку и набросивъ ее на себя внакидку, охотятся

на вшей нагими. Самоѣдки не носятъ рубахъ, а только замшевые штаны, которые, разъ надѣвши, не снимаютъ до тѣхъ поръ, пока они сами не свалятся съ тѣла; отъ подобной продолжительной носки онѣ бывають не совсѣмъ чистоплотны, да сверхъ того штаны заступаютъ у нихъ мѣсто носоваго платка, салфетки; женщины всегда вытирають о штаны руки, ножъ, которымъ рѣжутъ мясо, рыбу и проч. Женщины тщательно осматривають въ своихъ штанахъ приплѣтъ. Операцию эту онѣ дѣлають согнувшись къ огню, и неприятный видъ еще усиливается отъ повисшихъ грудей ихъ, которыя похожи на длинные мѣшечки; тѣло у нихъ прегрязное-грязное и издаетъ противный горькій запахъ; онѣ кромѣ лица никогда не моютъ своего тѣла, но считаютъ себя чистѣйшими, по тому только убѣжденію, что носятъ много колець на пальцахъ, пришиваютъ къ штанамъ также большія мѣдныя кольца, а металлъ, въ особенности желтая мѣдь, по ихъ понятію, очищаетъ всѣ нечистоты, какія бы ни были на человѣкѣ. Во время стоянки на чугорѣ женщины занимаются выдѣлкою кожь и шитьемъ одежды какъ для себя, такъ и для своего семейства. Мужчины занимаются охотой на звѣря и птицу, ставятъ разныя ловушки на песцовъ, лисицъ, въ озерахъ сѣтями ловятъ рыбу; если же заслышать, что гдѣ-нибудь изъ сосѣдняго чума послали за виномъ, то сейчасъ же отправляются туда въ гости и дожидаются покуда не привезутъ его. Во что бы оно ни обошлось имъ купать и какъ бы много его ни купили—выпьютъ за одинъ разъ; если же случится, что привезутъ вина къ себѣ въ чумъ, то они напивають имъ своихъ женъ и дѣтей, даже грудныхъ. На сколько они падки къ вину, на столько табакъ считаютъ для себя необходимымъ. Мужчины и женщины употребляютъ его въ носъ, кладутъ за губы. Курятъ изъ особенныхъ трубокъ, сдѣланныхъ изъ мамонтовой кости. Трубка эта имѣетъ видъ ложки съ небольшимъ отверстіемъ по срединѣ, облитымъ свинцомъ, куда кладутъ немного табаку и закуривають; одной трубки въ семействѣ достаточно, чтобы всѣ накурились досыта, притомъ они не курятъ изъ трубки, а сосутъ и глотають дымъ; набравши же въ ротъ дыму столько, сколько возмож-

но, трубку передаютъ товарищу, сами же потихоньку выпускаютъ дымъ черезъ носъ. Для экономіи въ табакъ они кладутъ немного тальничьяго дерева или мху. Когда самоѣдъ положить въ носъ порядочный зарядъ нюхательнаго табаку, то тотчасъ дыры въ носу заткнетъ вотлепомъ и дѣлаетъ это собственно потому, чтобы во время чиханія изъ носа не вылетѣлъ табакъ. Вотлепъ приготовляютъ они изъ березоваго или тальничьяго сыраго дерева: по снятіи съ дерева коры скоблятъ его ножикомъ въ длинныя стружки, послѣ эти стружки сушатъ и прячутъ въ запасъ. Вотлепъ употребляется у нихъ вмѣсто утиральника и его приготовляютъ женщины. Случалось мнѣ еще видѣть, что когда у самоѣда потечетъ изъ носа кровь, то онъ дыры въ носу затыкаетъ вотлепомъ, а кровь изъ носа, попадающую ему въ горло, глотаетъ. Когда же я спросилъ ихъ, для чего они это дѣлаютъ? то получилъ въ отвѣтъ, что жалко крови, если она течетъ изъ носа, а еще болѣе жаль было бы, еслибъ она капала на землю и пропадала. Случается, что если кто изъ нихъ обрѣжется ножомъ, то рану высасываетъ до тѣхъ поръ, пока не перестанетъ бѣжать кровь. Послѣ этого завязетъ рану тоненькой замшей. Между ними очень свирѣпствуетъ короста и они лечатся отъ нея рыбьимъ жиромъ, намазывая имъ пораженныя мѣста на тѣлѣ.

Гостепрѣимство у самоѣдовъ заслуживаетъ полнаго уваженія. Они не разбираютъ кто у нихъ въ гостяхъ, богатый или бѣдный: каждый изъ нихъ требуетъ себѣ угощенія и хозяева не отказываютъ въ немъ. Встрѣтившись другъ съ другомъ въ чуму, или въ дорогѣ, тотчасъ же поздороваются, протянутъ другъ другу руку и произнесутъ слово: «здорово, здорово». Богатые самоѣды держатъ возлѣ своего чума по нѣсколько чумовъ бѣдныхъ самоѣдовъ, даютъ имъ оленей для ѣзды, для жертвъ, и хотя требуютъ отъ нихъ вознагражденія, какъ узнаютъ, что они промышляли счастливо за звѣремъ, но бѣдные никогда не въ состояніи вознаградить богатыхъ за сдѣланныя благодѣянія, и для того, находясь при богатыхъ, охотно принимаютъ на себя общіе труды; но какъ только бѣдняки разведутъ у себя немного оленей, то сейчасъ отдѣляются отъ чумовъ богатыхъ и начинаютъ бродить отдѣльно.

Нѣкоторые оленоводы, т. е. верховскіе остяки, кочующіе по берегамъ р. Оби и ея притокамъ, возлѣ Березова, имѣя небольшія стада оленей, на лѣто оставляютъ ихъ въ лѣсахъ.

Для спасенія ихъ отъ комаровъ и вообще насѣкомыхъ, строятъ большіе шалаши, въ которыхъ разводятъ постоянное курево и, загоня туда оленей, этимъ защищаютъ ихъ отъ комаровъ. Олени выходятъ для корму изъ этихъ шалашей, когда бываютъ холодные утренники или сѣверные холодные вѣтры. Но когда стадо увеличится, то остяки тоже переходятъ въ бродячую жизнь, или отдаютъ своихъ оленей для пастбы въ стадо знакомыхъ остяковъ. Какъ въ лѣсахъ больше пшци, а особенно есть грибы, къ которымъ олени очень лакомы, то и откармливаются они лучше и ростъ ихъ бываетъ больше и олень дѣлается сильнѣе; но за-то верховскіе олени на ѣздѣ не такъ терпѣливы, какъ самоѣдскіе, и не имѣютъ такой быстрой побѣжки. Въ самоѣдскихъ стадахъ и у остяковъ, которые ведутъ бродячую жизнь на подобіе самоѣдамъ, попадаются олени рысаки и иноходцы съ удивительно-быстрой побѣжкой: ни одна лошадь не устоитъ въ соперничествѣ съ ними. Еще есть и то преимущество у оленей противъ лошадей, что на нихъ можно ѣздить на большое разстояніе безъ корму, напр. 200 верстъ, останавливаясь только, во время ѣзды, каждыя десять или пятнадцать верстъ, на нѣсколько минутъ, чтобы немного провели духъ. — На такомъ дальнемъ разстояніи побѣжка у нихъ не уменьшается. Усталость оленя замѣчается по хвосту; пока на хвостѣ, у самаго задняго прохода, есть ожирѣлость, тогда онъ еще силенъ и терпѣливъ, когда же ее потеряетъ, то начнетъ на побѣжкѣ ложиться. Въ такомъ состояніи оленя необходимо пустить въ стадо для отдохновенія на нѣсколько недѣль. Крѣпкихъ оленей, терпѣливыхъ и сильныхъ, остяки называютъ юркомбой. Еще между оленями вырождаются скакуны. Они бываютъ изъ нетелящихся самоѣв и называются хаштерки. Ихъ въ особенности употребляютъ для зимней легкой и недалекой ѣзды, для гоньбы за звѣремъ—волкомъ, лисицей,

песцомъ и для охоты на бѣлыхъ медвѣдей. Хаптерги имѣютъ то уклоненіе отъ правилъ природы, что каждамѣсячно совокупляются по разу, и иногда, когда разгорачатся при быстрой ѣздѣ, то вдругъ нападаетъ на нихъ похоть къ соитію и она до такой степени усиливается, что хаптерги останавливаются на ѣздѣ и падаютъ на землю за-мертво. Между оленями вырождаются еще и гермофродиты, но ихъ убиваютъ собственнотому, что они, выросши, бываютъ очень похотливы во всякое время года, портятъ стельныхъ самокъ и постоянно дерутся съ самцами. — Минеруями называютъ неѣзжалыхъ, кладеныхъ быковъ, которые держатся для украшенія стада до глубокой старости, до 20 лѣтъ и болѣе. Видъ минеруевъ очень красивъ—огромный ростъ, длинная борода, огромнѣйшіе, вѣтвистые рога придаютъ своему величиною ему громадный видъ. Хари, самцы—ихъ держатъ для приплода, выбираютъ по шерсти: бѣлыхъ, черныхъ и пестрыхъ. Хари, во время осенней игры, обезсиливаютъ себя до того, что едва ходятъ и издаютъ неприятный запахъ, ѣдятъ землю и въ ней отыскиваютъ небольшіе бѣлые корешки, которые усиливаютъ ихъ энергію къ соитію, но когда придуть въ совершенное изнеможеніе, тогда отпиливаютъ имъ рога. Безъ роговъ противники не допускаютъ его къ самкѣ, и чрезъ то укрѣпляется онъ въ силахъ. Часто въ стадо домашнихъ оленей, во время игры, набѣгаютъ дикіе самцы: оленоводы стараются тотчасъ ихъ убивать или прогонять изъ стада, ибо дознано, что отъ дикихъ оленей рождается потомство съ норовомъ, слабосилое и не такъ способное къ ѣздѣ.

Лѣта оленей узнаютъ по рогамъ: чѣмъ старѣе олень, тѣмъ больше у него вѣтвей на рогахъ; у безрогихъ же узнаютъ лѣта по рылу—отъ глазъ до ноздрей: чѣмъ оно дугообразнѣе, тѣмъ олень старѣе. Выгибаться начинаетъ рыло съ 7-ми лѣтняго возраста. Для ѣзды употребляютъ годовалыхъ и отъ 2-хъ лѣтъ; до 7-ми олень считается въ полной силѣ.

Есть самоѣды, которые имѣютъ такіа большія стада оленей, что они не знаютъ имъ счета; тогда бѣдные у нихъ воруютъ оленей, и подобнымъ образомъ разводятъ у себя небольшія стада. Хотя пастухи, объѣзжая стада, всегда узнаютъ: всѣ ли

у них олени, или потеряны, и охотно разыскиваютъ отдѣлившихся оленей отъ стада, зашедшихъ во время касланія куда-нибудь въ перелѣсокъ, или отъ разгона ихъ волками на нѣсколько десятковъ верстъ,—но не всегда ихъ поиски бывають успѣшны; въ этихъ случаяхъ бѣдные самоѣды принимаютъ поиски на себя и всегда найдутъ заблудившихся оленей и часть ихъ перебьютъ, съѣдятъ. Если попадутся олени неклеименые, то оставляютъ часть у себя, а замѣтныхъ возвращаютъ хозяину. Въ большихъ стадахъ пастухи обращаютъ вниманіе на старыхъ самоѣвъ, которыя всегда бывають при пастьбѣ впереди своего рода, и весь ихъ родъ держится въ одной кучкѣ и слѣдуетъ всегда за своей прабабушкой, а потому, сколько есть старыхъ самоѣвъ, столько въ стадѣ формируется отдѣльныхъ кучекъ. Подобныхъ самоѣвъ не истребляютъ до глубокой старости, хотя онѣ перестанутъ телиться, но держать ихъ, какъ матерей, для повѣрки стада; если ея не окажется въ стадѣ, то съ нею не окажется цѣлаго ея рода, который состоитъ нерѣдко изъ 150 оленей, по большей части изъ самоѣвъ и неѣзжалыхъ быковъ.

Добыча звѣря составляетъ для самоѣда его богатство. Какъ у насъ богачи складываютъ въ шкатулки деньги, такъ самоѣды въ мѣшки изъ рыбѣй кожи складываютъ шкуры пушнаго звѣря, прячутъ ихъ по нѣсколько годовъ и передаютъ въ наслѣдство дѣтямъ. Изъ дорогихъ звѣрей они добываютъ лисицъ: черную, чернобурую, крестоватую, сиводушку и бѣлодушку; первыя находятся въ дремучихъ, дѣвственныхъ лѣсахъ, а послѣднія вездѣ, по тундрамъ, гдѣ есть перелѣси. Самоѣды доказываютъ: чѣмъ драгоценнѣе шкура лисицы, тѣмъ ее хитрѣе добыть и мясо таковой вкуснѣе. Слѣдовательно, черная и чернобурая лисица составляютъ самоѣдскую драгоценность и лакомство, и онъ изощряетъ всю хитрость свою, чтобъ уловить ее; преслѣдованія же свои длить нѣсколько недѣль, пока побѣдитъ инстинктивную осторожность лисы. На подобныхъ лисицъ вдругъ не ставятъ ловушекъ, капкановъ и самострѣловъ. Если по слѣдамъ разубнаютъ, что черная лисица появилась въ ихъ лѣсахъ, то прежде прикармливаютъ ее въ одному мѣсту — кусочками рыбы, набрасываемой по слѣдамъ лисицы; когда самоѣдинъ убѣдится, что лисица каждый день подбираетъ рыбу, тогда онъ подобной приманкой завлекаетъ ее посѣщать такое мѣсто въ лѣсу, гдѣ удобно поставить самострѣлъ, которымъ ее впоследствии и промислитъ. Преслѣдованія эти самоѣды дѣлаютъ тайно другъ отъ друга, даже скрываютъ передъ родными, ибо коль скоро противникъ узнаетъ, что уже есть лисица на приманкѣ, — тогда онъ съ своей стороны начнетъ приманивать ее къ своему самострѣлу, набрасывая вездѣ по пути кусочки мерзлой и сушеной рыбы, и такимъ образомъ уведатъ лисицу за нѣсколько верстъ. Вслѣдствіе сего самоѣдинъ очень рачительно осматриваетъ каждый день — съѣдается ли лисицей бросаемая приманка или нѣтъ? Если остается цѣлой, такъ онъ положительно убѣждается, что у него есть противникъ, и тогда обходитъ кругомъ лѣсъ и разбрасываетъ по слѣдамъ лисицы мѣсто для ея приманки своего противника; нашедши слѣдъ, ставитъ на немъ свой значекъ и отправляется сутязиться съ

противникомъ. Хотя лисица еще не поймана, но по разбира-тельству старшинъ опредѣляется, кому лисица должна по-пасть на самострѣль и тотъ на нее ставить. Если же слу-чится такъ, что противникъ такъ ловко подойдетъ, что не-замѣтно промыслить привармливаемую лисицу другими, и этотъ подлогъ обнаружится, тогда отбираютъ отъ него ли-сицу, да сверхъ того, онъ еще обязанъ заплатить за рыбу, употребленную на приманку лисицы, и за потерянное время. По случаю добычи каждой черной или чернобурой лисицы бывають жертвоприношенія тому фетишу, у котораго про-шено помощи добыть ее, и вслѣдствіе сего самоѣдинъ состав-ляетъ какой-нибудь особенный мнѣзъ заклинанія или вѣро-ванія и на досугѣ воспѣваетъ свое терпѣніе и умъ и всѣ хит-рости добытой имъ лисицы. При продажѣ подобной лисицы купцу, самоѣдинъ торгуется ею нѣсколько дней, и всякій разъ пьетъ у покупателя вино, которое и доводитъ его до продажи. Если продажа сдѣлана будетъ имъ удачно, и въ особенности если онъ много дней пилъ у покупателя вино, то къ своей пѣсни, о добытой лисицѣ, прибавляетъ еще о продажѣ ея съ поясненіемъ выпитаго вина. Способность же свою выманить у покупателя лишнюю рюмку вина призна-етъ своею ловкостью и пѣснь свою оканчиваетъ тѣмъ, что онъ обманулъ лисицу, тѣмъ что ее убилъ, и русскаго поку-пателя, что выпилъ даромъ много вина. Между тѣмъ на по-вѣрку выходитъ, что его обманулъ покупатель, ибо лисица можетъ быть стоила до 100 руб., а онъ ему товаровъ, пече-наго хлѣба и вина выдавалъ не болѣе какъ на какіе-нибудь 10 или 20 рублей.

Прочіе сорта лисицъ добываются безъ всякихъ особен-ныхъ затѣй и составляютъ второстепенную важность. Затѣмъ слѣдуетъ добыча голубаго песка и розсомахи, волка, песка, горносталя, бѣлки. Добыча черныхъ медвѣдей составляетъ ихъ вѣрованіе и ихъ шкуру въ продажу русскимъ не пу-скають, а употребляютъ на лямеи для упряжи оленей, что составляетъ у нихъ щегольство. Шкура бѣлаго медвѣдя хотя употребляется на тотъ же предметъ, но она въ глазахъ са-моѣда маловажнѣе. Съ промысломъ бѣлаго медвѣдя онъ не

соединяетъ своего вѣрованія и шкуру продаетъ русскимъ охотно.

Для промысла звѣря самоѣды употребляютъ: винтовку и желѣзные капканы, привозимые имъ для продажи зырянскими и русскими, лукъ съ стрѣлами, двухъ-конечными желѣзными и тупо-стрѣлами собственно для бѣлки, лукъ, само-стрѣлъ курунецъ (слопецъ) и гонбу звѣрей на оленяхъ.

Обратимъ вниманіе на сѣверныхъ тундринныхъ мышей: онѣ гораздо больше обыкновенныхъ и не всегда находятся въ тундрахъ, дѣлаютъ нашествіе отъ востока къ западу, переходятъ Уралъ, достигаютъ р. Печоры и обратно. Никакая рѣка не удерживаетъ ихъ; шествіе свое онѣ дѣлаютъ огромнѣйшими табунами на пространствѣ 200 верстъ между 67 и 68° с. ш. Переплывая рѣчки табунами одна другую въ водѣ поддерживаютъ, хватаясь зубами за хвостъ передней. За ними вслѣдъ появляются враги и истребители ихъ во множествѣ—песцы. Изъ сего выходитъ, что изобиліе мышей предзнаменуетъ хорошей промыселъ на песцовъ. Мыши начинаютъ свое передвиженіе съ начала весны до осени, постоянно стремятся впередъ да впередъ, на пути шелятся; если благополучно лѣто, т. е. теплое, то онѣ вскармливаютъ свое потомство, въ противномъ случаѣ—самцы съѣдаютъ дѣтенышей; этотъ признакъ не слишкомъ приятенъ самоѣдину: по немъ онъ предугадываетъ появленіе песца; чѣмъ скорѣе мыши совершаютъ свой переходъ, тѣмъ промыселъ на песцовъ меньше, а увеличивается въ томъ мѣстѣ, гдѣ мыши шелятся, отъ чего замедляется ихъ путешествіе, а нерѣдко остаются на томъ же мѣстѣ и на зимовку. Переходъ мышей въ Обдорскія тундры замѣчается черезъ два года на третій, когда идутъ съ востока на западъ—и черезъ годъ, когда возвращаются съ запада на востокъ. Восточная мышь темна на спинѣ, съ черными полосками, и когда возвращается съ запада, то дѣлается свѣтлѣе. Случается, что табуны восточной мыши попадаютъ на встрѣчу западнымъ: тогда между ними начинается борьба и много мышей по тундрамъ находятъ дохлыхъ. Эти мыши войны встрѣчаются очень рѣдко. Самоѣдинъ Озухо, вожакъ мой, отъ роду лѣтъ до 60, насчитываетъ на вѣку своемъ три

случая мышачьихъ войнъ—въ это время и песцы голодуютъ и себя съѣдаютъ. Подобное мыше-песцовое самоистребленіе предзнаменуетъ самоѣдамъ болѣзнь—оспу, а каждое возвращеніе мышей съ запада — болѣзнь на оленей (язву). Близъ береговъ Ледовитаго моря отъ 69 и до 72° с. ш. появляется сѣрая лѣтомъ, а бѣлая зимою мышь, и тамъ, гдѣ она водится, олени никогда язвой не поражаются. Причемъ нужно имѣть въ виду, что нѣкоторые олени мышей ѣдятъ.

Такое же шествіе имѣютъ и бѣлки; онѣ свой путь держатъ между 62 и 65° с. ш., время перехода и возврата отъ востока къ западу и обратно у нихъ неперіодическое. Съ востока бѣлка темная съ чернымъ хвостомъ, чѣмъ ближе подвигается къ западу, тѣмъ дѣлается рыжее, а потому не такъ цѣнна. Но мясо западной бѣлки жирное и потому осяби имъ лакомятся съ величайшею пріятностію и не негодуютъ, что шкурка не такъ цѣнна.

Всѣ прочіе звѣри постояннѣе и ихъ тамъ больше, гдѣ недоступнѣе лѣса и рѣже посѣщаетъ ихъ человекъ.

Черные медвѣди на лѣто отправляются на высоты, просія лѣсомъ Урала, тамъ лакомятся ягодою морошкой, называемой самоѣдами медвѣжьей-ягодою, и спасаются отъ комаровъ; по осени же переходятъ къ рѣчнымъ лѣсамъ и тамъ на зиму залегаютъ въ берлоги. Если во время лѣта малый урожай ягодъ морошки, то отъ этого медвѣди бываютъ очень тощіе и зимою высасываютъ свои лапы до крови, а весною если подобныхъ медвѣдей случится самоѣдамъ поднимать изъ берлоги, то они не въ состояніи ногами опираться о землю, черезъ что ихъ убиваютъ смѣлѣе; впрочемъ самоѣдинъ никогда не труситъ, когда идетъ на медвѣдя, ибо поразить его или самому быть поцарапаннымъ, по понятію ихъ, есть предопредѣленіе.

Падежи оленей имѣютъ сильное вліяніе на уничтоженіе звѣрей: волки, лисицы и песцы, наѣвшись мяса заявленыхъ дохлыхъ оленей, сами пропадаютъ. Самоѣды нерѣдко находили ихъ дохлыми въ тундрахъ; отъ сего произошло уничтоженіе звѣря и уменьшеніе промысла.

Кстати разскажу какъ охотится лисица на утокъ во

время весны. Лисица, имѣя въ своихъ гнѣздахъ дѣтенышей, рыщетъ повсюду, прискивая для нихъ кормъ. Для этой цѣли она отправляется къ рѣчкѣ и, замѣтя, гдѣ много утокъ, погружается въ воду, гдѣ ихъ и давить. Весною въ полярную страну прилетаютъ черныя утки, которыя вмѣсто обыкновенныхъ утячьихъ звуковъ свищутъ, самка протяжно, а самецъ отрывисто. Во время весны на свистъ самки слетаются отовсюду для игры самцы. Лисица, находясь погруженною въ водѣ, начинаетъ отверзтіями ноздрей дуть въ колги и издавать тоже свистъ, подражая утѣй-самкѣ. На этотъ свистъ слетаются самцы и по свисту разыскиваютъ самку. Въ то время лисица тѣхъ самцовъ, которые близко къ ней подплывутъ, хватаетъ за горлышко, убиваетъ и несетъ дѣтенышамъ. Самоѣды отличаютъ лисій свистъ и, видя ее на промыслѣ, не преслѣдуютъ, а стараются подсмотреть, куда лиса таскаетъ добычу, на тотъ предметъ, чтобы розыскать ея гнѣздо и захватить щенятъ. Весною почти у каждого самоѣда и остяка вскармливаются щенята лисицъ разныхъ родовъ. Они держатъ ихъ до зимы, потомъ убиваютъ, и мясо съѣдаютъ, а шкуры съ нихъ продаютъ русскимъ торговцамъ. Шкуры эти извѣстны въ продажѣ подъ именемъ кормушекъ. Шерсть на нихъ не такъ пушиста и короче.

Песецъ имѣетъ ту особенность, что онъ очень любопытенъ. Напримѣръ: замѣтить въ тундрѣ какую-нибудь возвышенность или поломанныя нарты, то непременно придетъ къ нимъ и осмотритъ. Вслѣдствіе сего самоѣды ставятъ на нихъ ловушки въ тундрахъ, на такихъ мѣстахъ, которыя рѣзко отличаются или своими возвышенностями, или бугорками. Самоѣдинъ если увидитъ въ тундрѣ песца, то, остановясь нарочно, начнетъ рыть снѣгъ и въ то время поставитъ на песца ловушку. Песецъ, замѣтя самоѣдина и его работу, выжидаетъ, покамѣтъ самоѣдинъ не оставитъ того мѣста, гдѣ рылся въ снѣгу, и, выждавши, приходитъ осматривать мѣсто и тутъ же попадаетъ въ ловушку.

Самоѣды, когда гоняются на оленяхъ за песцами, стараются выгонять ихъ на ледъ, гдѣ убиваютъ палками.

Промыселъ самоѣдовъ на бѣлыхъ медвѣдей довольно рискованъ и они убиваютъ не всегда, когда увидятъ его даже и на ружейный выстрѣлъ, а въ слѣдующихъ случаяхъ.

Между медвѣдемъ и моржемъ существуетъ вѣчная вражда. Попадется медвѣдь моржамъ въ морѣ, то послѣдніе его всегда поборятъ; отъ этого медвѣди свои путешествія по морю дѣлаютъ на льдинахъ и хотя живутъ въ водѣ, но всегда возлѣ такого мѣста, гдѣ при первомъ нападеніи моржей можно было бы попасть на сухое мѣсто. За-то, если медвѣдь захватитъ моржей гдѣ-нибудь возлѣ берега моря на сушѣ, куда они во время солнечныхъ дней, а также во время игры вылѣзаютъ и нѣжатся, тогда медвѣдь, схвативши своими лапами за клыки моржа, каждому изъ нихъ свертываетъ голову и, спешивъ ихъ куда-нибудь на льдину, лакомится тамъ нѣсколько дней не сходя съ мѣста. Самоѣдинъ, примѣтивъ пораженіе моржей, старается всячески отобрать отъ медвѣдя его добычу и по этому только случаю вступаетъ съ нимъ въ борьбу—стрѣляетъ въ него изъ винтовки. Если сразу не убилъ, медвѣдь увидитъ на себѣ кровь, тогда онъ бросается на самоѣдина; послѣдній, имѣя при себѣ отличныхъ скакуновъ-олений, старается убѣжать и на бѣздѣ заряжаетъ опять винтовку и, держа ее въ готовности, подпускаетъ медвѣдя на винтовочный выстрѣлъ, останавливается, стрѣляетъ; если же и за вторымъ разомъ не убьетъ—что бываетъ рѣдко—тогда медвѣдь усиливаетъ свои прыжки, которые бываютъ болѣе сажени, наскочиваетъ на самоѣдина. Въ этомъ случаѣ, самоѣдинъ соскакиваетъ съ нарты, пускаетъ оленей бѣжать на произволъ, а самъ падаетъ на землю. Разсерженный медвѣдь, видя оленей, оставляетъ самоѣдина непримѣченнымъ и гонится за оленями, но никогда ихъ не догоняетъ. Медвѣдь имѣетъ обыкновеніе возвращаться по тому же пути, по которому гнался за самоѣдиномъ, то послѣднему грозитъ большая опасность, ибо медвѣдь, дойдя до слѣдовъ человѣческихъ, обнюхиваетъ ихъ и по слѣдамъ розыскиваетъ человека, чтобы отмстить за свою обиду; у самоѣдина же винтовка опять заряжена и въ готовности. Онъ стрѣляетъ и убиваетъ на повалъ; но если и въ послѣднемъ случаѣ промахнется, то са-

моѣдь спасается еще послѣднею хитростью: снимаетъ съ себя верхнее платье «гусь» и во время нападенія медвѣдя бросаетъ его противъ глазъ медвѣдя на землю. Медвѣдь, засмотрѣвшись на человѣка, никогда не перешагнетъ чрезъ гусь, а потому кругомъ его бѣгаетъ за самоѣдомъ, и этимъ ему даетъ случай опять зарядить ружье или топоромъ дать мѣткій ударъ по ногѣ, отъ котораго медвѣдь тотчасъ же издыхаетъ. Убивши медвѣдя, самоѣдинъ отправляется на льдину за моржами, добытыми медвѣдемъ, и вознаграждаетъ себя за свой трудъ съ избыткомъ, ибо съ каждаго моржа добудетъ жиру до 10 пуд. и продаетъ по 1 р. 75 к. за пудъ, да за кожу моржа возьметъ до 2 руб.,—да съ медвѣдя натопитъ жиру тоже до 5 и 8 пуд., да за кожу возьметъ 3 руб. Самъ вдоволь поѣстъ медвѣжьего и моржеваго мяса и жиру, за клыки моржевыя, которые бывають длиною до 8 вер. и не уступать бѣлизною слоновою кости,—также получить до 2 руб. Однимъ словомъ, добыча бѣлаго медвѣдя всегда обогащаетъ самоѣдина,—и онъ съ необыкновенною радостью рассказываетъ каждому о своей удали при пораженіи медвѣдя и, подъ пьяное время, воспѣваетъ ее разными неистовыми голосами.

Розсомахъ самоѣды по большей части добываютъ гоньбой на оленяхъ съ собаками. Розсомаха не имѣетъ слишкомъ большой побѣжки, и если самоѣдинъ гонится за ней безъ собакъ, то она вступаетъ съ нимъ въ бой, бросается на человѣка и угадываетъ укусить за среднее мѣсто. Собаки не допускають ее до этой смѣлости, за-то и имъ достается не менѣе перенести горя. Розсомаха, во время нападенія на нее собакъ, брызжетъ на нихъ своею мочою, которая до такой степени бываетъ ѣда и смрадна, что собаки, забрызганнія ею, не въ состояніи преслѣдовать ее. Умныя собаки никогда не нападаютъ на розсомаху съ хвоста, а стараются ухватить ее за горло, ибо розсомахи еще царапаются какъ кошки.

Вспомню здѣсь еще о подкрашиваніи шкуръ низовскими самоѣдами, позанистованномъ отъ тунгусовъ. Подкрашиваютъ голубаго песца, лисицу и бѣлку, дѣлая ихъ темнѣе, а потому и продають дореже; дѣлають такъ: срубаютъ

*

молодые лозы тальнива, которая бывают зеленовато-красного цвѣта, набравши ихъ пучекъ, нагрѣваютъ ихъ на раскаленныхъ угляхъ, и горячими, когда подается въ корѣ небольшая мокрота (сокъ), гладятъ противъ шерсти ту шкурку, которую вздумается имъ пофабрить, потомъ завѣшиваютъ ее на недолгое время въ чумъ въ дымъ, и послѣ вытираютъ легонько снѣгомъ, тертымъ порохомъ, выхлопываютъ—и шкура готова; ее держать въ тѣни, отъ свѣта она линяетъ.

Звѣриныя кожи у самоѣдовъ имѣютъ постоянную цѣну и ими уплачиваютъ долги, повунаютъ товары какъ звонкою монетою. Итакъ

Лисица-бѣлодушка	10 руб. ас.
Песець	2 » 50 к.
Лапа лисья .	1 » — »
Лапа песцовъ	— » 10 »

Разсчетъ же для легчайшаго счета ведутъ на песцы и ихъ лапы, напр. положимъ: самоѣдинъ купилъ сукна на 13 руб. 60 коп. ас., то по самоѣдскому счету онъ долженъ заплатить 5 песцовъ и 11 лапъ. У русскихъ промышленниковъ въ Обдорскѣ счетныя книги тоже ведутся на песцы, а самоѣды изображаютъ свой торговый процессъ на палкѣ рубежами: такъ же по счету песцовъ. Палку эту раскалываютъ пополамъ, одну половину отдаютъ кредитору, а другую держатъ у себя. При уплатѣ денегъ складываютъ половинки и если онѣ придутся вѣрно, то производятъ уплату всеѣмъ тѣмъ, что имѣютъ, переводя все по счету на песцы. Рубежи срѣзываются по мѣрѣ уплаты долга.

Самоѣды умѣютъ такъ проворно набрасывать тынзянъ, что никогда не дадутъ промаху, какъ бы ни бѣжалъ быстро олень. Приятно смотрѣть на эту самоѣдскую удаль, и они гордятся ею. Бываютъ очень частые случаи, что подобные удалцы ловятъ на тынзянъ дичихъ оленей и волговъ. Правда, что волки часто перекусываютъ тынзянъ, но проворство самоѣдовъ выручаетъ ихъ отъ этой бѣды. Волкъ едва опомнится, что попалъ въ тынзянъ, какъ вдругъ ему нанесется оленьимъ шестомъ столь мѣткій и сильный ударъ

по норѣ, что первымъ же ударомъ убиваетъ его. Самоѣды не считаютъ удалствомъ убить волка и если бы волки не портили у нихъ стадъ, то они и не дотрогивались бы до нихъ, а преслѣдуютъ ихъ только для спасенія своихъ стадъ. Самоѣдамъ часто случается пасти оленей въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть волчья нора, тогда волкъ не трогаеть тѣхъ оленей, которые пасутся возлѣ его норы, а ходитъ за добычей къ отдаленнымъ оленьимъ стадамъ, и самоѣды его тоже не трогаютъ и живутъ очень мирно. Когда же волкъ вскормилъ своихъ щенятъ до того, что можетъ увести ихъ изъ гайна, то съ переменною мѣста превращается у волковъ дружба со стадами оленей, и тогда самоѣды перебьютъ ихъ всѣхъ и старыхъ и малыхъ.—Для того, чтобы волкъ держалъ дольше своихъ щенятъ въ гайнѣ, самоѣды еще у маленькихъ волчатъ подрѣзываютъ у ногъ жилы, чтобы они не могли бѣгать и убиваютъ ихъ тогда, когда подрастутъ до надлежащаго росту.

Дикіе олени - самцы разъяряются во время игры дото, что дерутся съ своею тѣнью до изнеможенія. Тогда очень легко къ нему подойти съ ружьемъ и убить. Еще ихъ убиваютъ такимъ образомъ: на рога домашняго самца надѣваютъ петли и пускаютъ его противъ дикаго, который завидя соперника, тотчасъ подскакиваетъ къ нему и начинаетъ драться. Въ это время петли зацѣпляются за его рога, а домашній олень почувствовавъ, что петля захватила за рога дикаго оленя, будучи къ этому приученъ, ложится на землю; тогда самоѣдинъ приходитъ съ топоромъ, ударяетъ дикаго оленя по лбу и добыча приобрѣтена.

Разскажу еще нѣсколько словъ объ инстинктѣ волка, которымъ онъ руководился при нападеніи на стадо оленей. Волкъ, если нападетъ на стадо оленей, то почти никогда не беретъ перваго съ краю оленя, а всегда выбираетъ себѣ подъ зарѣзъ изъ середины стада, и, закрѣпивъ оленя, гоняется за нимъ въ стадѣ пока не поймаетъ, минуя тѣхъ оленей, которые ему попадаютъ вблизи и которыхъ очень легко могъ бы убить. Случилось однажды мнѣ самому видѣть, какъ въ чутарѣ у самоѣдина Таиндома, волкъ днемъ погнался за

оленемъ-рысакомъ, разогналъ цѣлое стадо; самоѣды увидя это, тотчасъ поѣхали преслѣдовать волка и не дали ему поймать рысака. Когда же измученнаго рысака самоѣды привели къ чуму, и на встрѣчу къ нимъ вышелъ я со старикомъ самоѣдиномъ Таиндомой, то послѣдній, поколачивая руками объ свою грудь, печалился, что рысака нужно убить ему самому, ибо волкъ непременно задавить его въ другое время. Этотъ рысакъ былъ единственнѣйшій въ его стадѣ, и мнѣ смѣшною показалась увѣренность старика, что рысака непременно долженъ убить волкъ. Почему я предложилъ Таиндомѣ продать его мнѣ, или переѣхаться со мною на моего рысака, находящагося въ упряжи. Мѣновая состоялась, рысака я не приказывалъ отпускать въ стадо, а на длину тынзаяна привязать къ своимъ нартамъ на ночь, такъ какъ я вздумалъ переночевать у Таиндомы. Что же случилось? Едва мы улеглись спать, волкъ тихонько подползъ къ рысаку у самага чума и бросился на него; рысакъ испугавшись, налетѣлъ на чумъ; мы выскочили всѣ изъ чума и увидѣли бѣднаго рысака, раненнаго въ заднюю лопатку. Въ то время Таиндома, смѣясь, сказалъ мнѣ: такъ-то, другъ, ты мнѣ не вѣрилъ, что есть олени, обреченные на ѣду волкамъ; я живу уже 70 лѣтъ и испыталъ это болѣе 70 разъ, — что это такъ, а не иначе. Раны на рысакѣ оказались неопасными, и я не хотѣлъ съ нимъ разстаться, заставивъ его караулить ночью; на другой день хотѣлъ увезти къ себѣ въ Обдорскъ; но Таиндома мнѣ предсказывалъ, что въ этомъ рысакѣ проку не будетъ, — его съѣстъ волкъ. Что же дѣлать мнѣ и какъ избавить рысака отъ волка? спросилъ я Таиндома. На это онъ отвѣтилъ: нечего дѣлать, тебѣ рысакъ понравился болѣе, чѣмъ волку; нужно тебѣ, какъ другу, сдѣлать услугу. Послѣ, обратившись къ сыну и рабочимъ, сказалъ: соберите стадо. Стадо было собрано и, поймавъ изъ него оленей, на четыре нарты по тройкѣ, запрягли ихъ. Въ то время Таиндома сказалъ мнѣ: у меня переночуешь еще одну ночь и можешь двѣ, если хочешь, чтобы твой рысакъ возилъ тебя; вотъ я и мои ребята ѣдемъ преслѣдовать волка, замучимъ мы оленей, но его убьемъ и твоего рысака спасемъ. Теперь пускай

его въ стадо, не бойся, пусть ѣсть мохъ, а самъ, если хочешь, такъ поѣзжай со мною, вотъ тебѣ запряжена тройка скакуновъ и у насъ всѣхъ такіе же, поѣдемъ. Ребята станутъ слѣдить волка, а мы между ними будемъ держаться середины. Часа три мы ѣхали безостановочно, какъ только могли бѣжать олени; напали уже давно на слѣды волковъ и отбѣжали отъ чума по крайней мѣрѣ за 40 верстъ. Къ вечеру волка подняли съ мѣста; я не могъ дальше ѣхать отъ усталости оленей. Замѣтивъ это, Таиндома просилъ слѣдовать за нимъ на небольшую сопку, куда въѣхавши, мы увидѣли, что его ребятъ тихонько ѣхали позади волка и направляли ему путь прямо на насъ. Измученный волкъ едва бѣжалъ рысью; тогда старикъ Таиндома вскочилъ на свою нарту, стоя помчался противъ волка и, не доѣзжая, ударилъ шестомъ волка по носу такъ ловко, что тотъ тотчасъ же и растянулся на снѣгу мертвымъ. Къ этому финалу и я пришелъ на мѣсто пораженія. Старикъ и его ребята, осматривая волка, хохотали до упаду, а старикъ повторялъ: «Ну, теперь рысакъ твой будетъ тебя возить; но шкура волка не стоитъ того, сколько пѣз-за нея мы мучились; изъ запряженныхъ оленей вѣрно нѣсколько подойдетъ отъ перегону. Вотъ другъ, видишь, что лучше было бы зарѣзать твоего рысака и съѣсть, чѣмъ убить волка, потерять нѣсколько оленей и самимъ мучиться». Олени наши дотого устали, что мы принуждены были ночевать въ тундрѣ и кормить ихъ. По-утру рано мы встали и начали собираться въ дорогу, и здѣсь къ своему неудовольствію я увидѣлъ, что у сына Таиндома и работника его передовые олени подошли отъ усталости, а старикъ смѣясь сказалъ: «Вотъ видишь, что старики не врутъ». Желая чѣмъ-нибудь вознаградить Таиндома за удовольствія и неудовольствія, какія онъ мнѣ доставилъ охотой на волка, я подарилъ ему погребець съ чайнымъ приборомъ. Старикъ принялъ его охотно и, въ знакъ своего расположенія ко мнѣ, подобралъ къ моему рысаку тройку одношерстныхъ бѣлыхъ быковъ и велѣлъ ихъ запрячь въ мою нарту. Прощаясь со мною сказалъ: «Поѣзжай на этихъ оленяхъ прямо въ Обдорскъ; они, не смотря на то, что далеко (около 250 верстъ), доведутъ тебя благополучно; захочешь по-

охотиться на волковъ, такъ прїѣзжай въ намъ. Я у тебя въ Обдорскѣ буду черезъ двѣ недѣли и за здоровье рысака выпью вина и чаю. Прости, прости!» — Прїѣхавши въ Обдорскѣ, я увидѣлъ, что шеура волка тоже положена была ко мнѣ въ нарту.

Рыбопромышленность, по Обской губѣ, по р. Оби и системѣ ея, для инородцевъ и вообще жителей Березовскаго округа, а въ особенности для нѣкоторыхъ жителей г. Тобольска, есть главный предметъ занятія и составляетъ довольно важный торговый промыселъ. Едва весна очиститъ р. Обь отъ льдовъ, какъ русскіе рыбопромышленники, Тобольской губерніи, нагрузивъ свои дощаники, каюки, лодки и барки разными товарами, съѣстными припасами и матеріалами для ловли и соленія рыбы, плывутъ почти за льдомъ, въ сѣверныя страны Березовскаго округа. По дорогѣ, начиная отъ г. Тобольска до с. Обдорска, задаютъ, прибрежнымъ жителямъ р. Оби, имѣемые у себя вышеозначенные продукты, подѣ учеть лѣтняго промысла рыбы, и наконецъ достигаютъ своихъ кортомленныхъ рыбопромышленныхъ мѣстъ у самоѣдовъ и остяковъ, гдѣ и сами производятъ промыселъ. Съ приближеніемъ осенняго времени, промышленники, распродавъ инородцамъ все имѣемое на своихъ судахъ, нагружаютъ ихъ сборной и своего промысла рыбой и пароходами отправляютъ въ г. Тобольскъ. Въ Тобольскѣ, выждавъ установленія зимней дороги, рассылаютъ рыбу по всѣмъ ярмаркамъ Тобольской губерніи, а также въ Пермскую губернію на разные заводы, а въ особенности въ г. Екатеринбургъ и Ирбитъ. По этому разъ заведенному порядку промыселъ, сбытъ рыбы, а также способъ засола ея существуютъ съ незапамятныхъ временъ. Никто изъ рыбопромышленниковъ не предпринялъ никакихъ мѣръ для улучшенія способовъ промысла и засола рыбы. Сбытъ рыбы за предѣлы вышеозначенныхъ мѣстъ не распространяется и ее покупаютъ тѣ только изъ потребителей, которые привыкли къ ея приготовленію (стоповому засолу). Между тѣмъ и подобныхъ потребителей есть огромная масса, ибо ежегодно продается соленой рыбы болѣе 350.000 пудовъ.

Сдѣлавъ краткій очеркъ торговой дѣятельности рыбопромышленника, считаю необходимымъ пояснить о способахъ ловли рыбы, засола, о средствахъ, какія руководятъ

этой промышленностью, а въ то время очень легко можно будетъ вывести изъ всего этого заключеніе вѣрное. Отъ какихъ именно причинъ происходитъ застой столь важной промышленности, какъ рыбная, и въ то время, когда природа сѣверной страны заключаетъ всѣ удобства для усиленія ея и трудъ рыбака по случаю изобилія рыбы въ Обдорскихъ водахъ съ избыткомъ вознаграждается, а нѣкоторые обогащаются сотнями тысячъ рублей?

Р. Обь и система ея вездѣ имѣютъ удобныя мѣста для рыбопромышленности, и чѣмъ ближе къ Обской губѣ, тѣмъ больше ощущается изобиліе рыбы. Обская же и Тозовская губы—представляютъ садокъ рыбный—такое ея тамъ множество, и чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ рыбы больше, но она мельче. Рѣка Обь зимою, какъ говорятъ, замираетъ, то-есть вода въ ней смѣшивается съ ржавчиной и дѣлается красно-бурою и потому рыба зимою въ р. Оби не держится, уходитъ къ взморью, гдѣ и зимуетъ. Едва весеннія воды станутъ освѣжать р. Обь и отъ напора ломать ледъ, который бываетъ толщиною въ сажень, рыба изъ моря начинаетъ свое шествіе табунами вверхъ по р. Оби и ея притокамъ. Сначала появляются налимы и сырки, послѣ нельмы, осетры и стерляди и наконецъ моксуны, сельди, а съ ними всѣ роды и виды рыбъ: кориши, недомоксунки, щекуры, пыжьяны и проч. Пока вода не согрѣется лучами солнца, рыба выбираетъ для своего путешествія глубокія мѣста, и плыветъ все дальше и дальше, не останавливаясь, но лишь вода потеплѣетъ, тогда она вся, кромѣ осетра, стерляди и нельмы, заходитъ для корму въ соръ (соромъ называютъ неглубокіе рѣчные Обскіе заливы, которые наводняются во время полныхъ весеннихъ водъ и занимаютъ обширныя пространства по лугамъ и лѣсамъ). Въ сорахъ, гдѣ рыба найдеть для себя много корму, остается до тѣхъ поръ, пока вода въ нихъ не тронется на убыль. Замѣтивъ это, рыбаки тотчасъ загородятъ соровое устье, способомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ запора, и тогда возлѣ запора маленькимъ неводомъ вылавливаютъ ее. Если удачно, т. е. во время поставить запоръ, то въ сорахъ такое множество задержать рыбы,

а особенно пыжьяновъ и сырковъ, что иногда запоръ не выдерживаетъ напора ея и опрокидывается. Муксуны и нельмы рѣдко задерживаются въ сорахъ и потому ихъ промышляютъ сѣтями, во время полныхъ водъ.

Нѣкоторые изъ самоѣдовъ доказываютъ, что муксуны и нельмы долго въ сорахъ не останавливаются, а заходятъ во время шествія своего по р. Оби вверхъ для одного только корма.

Когда замерзаніе застигнетъ Обскую губу въ полноводье, то отъ сильныхъ морозовъ вода замерзаетъ по прибрежьямъ губы до самаго дна на довольно широкое разстояніе. Весенняя вода нерѣдко скатывается по этимъ льдамъ въ море и, обмывая берега, дѣлаетъ то, что льдины, примерзшія къ землѣ на разстояніи какихъ-либо 5 до 8 верстъ, отстаютъ отъ дна вдругъ и поднимаются на поверхность воды. Тогда наблюдателю представится очень непріятное зрѣлище: съ подышагося льда вода быстро сбѣжитъ, оставивъ на поверхности льда множество рыбы и, къ несчастію, этой рыбой, которой будетъ миллионы пудовъ, никто не можетъ воспользоваться: самоѣды кочуютъ на прибрежьяхъ Обской губы очень въ незначительномъ количествѣ, они не имѣютъ средствъ и силы собрать рыбу со льдинъ и засолить, а потому она вся уносится въ море и дѣлается достояніемъ морскихъ птицъ и животныхъ.

Сельди небольшой величины, на подобіе голландскихъ, появляются въ Обской и Тазовской губахъ въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца и доходятъ по р. Оби до р. Щучьей въ такомъ множествѣ, что трудно опредѣлить ихъ количество, бываютъ очень жирны, но ихъ не ловятъ, развѣ для корму собакамъ. Сельди цѣлое лѣто табуны за табуномъ входятъ въ р. Щучью и плывутъ по ней до горныхъ вершинъ ея. Осенью возвращаются назадъ въ море, но уже бываютъ тощи и иеряны; тогда ихъ ловятъ для шкуры, а мясо выбрасываютъ вонъ. На встрѣчу сельдамъ къ взморью подходятъ киты, которые, гоняясь за сельдами, во время лунныхъ приливовъ, которые при сѣверномъ вѣтрѣ поднимаютъ воды до очень значительной высоты, заходятъ далеко къ берегамъ моря и тамъ нерѣдко при отливѣ обмеливаются.

Осетрѣ придерживается глубокихъ мѣстъ и останавливается на песчаныхъ мѣстахъ возлѣ подрѣзовъ берега, образовавшихся отъ битья волнъ о берега. Подрѣзы во время половодья бываютъ подъ водою, возлѣ нихъ осетрѣ вынѣживается, и въ подобныхъ только мѣстахъ бываетъ его изобильная добыча.

Передъ разсвѣтомъ на утренней зарѣ рыба засыпаетъ и нерѣдко всплываетъ на поверхность рѣчки, тогда ее хватаютъ руками. Мнѣ самому случилось поймать 30 ф. нельму. При первомъ прикосновеніи руль она не просыпалась, но по вынутіи изъ воды тотчасъ обнаружила жизнь, стала метаться и такъ сильно, что я едва удержалъ ее.

Вообще вся рыба изъ моря по р. Оби и ея притокамъ плыветъ табунами и доходитъ до р. Томи и дальше; чѣмъ ближе достигаетъ вершинъ р. Оби, тѣмъ она дѣлается жирнѣе и крупнѣе. Къ осени возвращается обратно въ море; тогда въ мелкихъ мѣстахъ на р. Оби и ея притокахъ перерогаживаютъ р. Обь и тѣмъ замедляютъ ей путешествіе и вылавливаютъ разными способами, придуманными остяками и самоѣдами.

Въ озерахъ, которыя имѣютъ сообщеніе съ моремъ посредствомъ рѣчекъ, вытекающихъ изъ нихъ, напр. въ Ерубейскихъ, рыба содержится круглый годъ; въ такія озера заходятъ и морскіе звѣри, а особенно бѣлухи, и нерѣдко остаются въ этихъ озерахъ до замерзанія и дѣлаются жертвою самоѣдовъ, по слѣдующимъ причинамъ: бѣлухи гоняясь за рыбой, входятъ въ озера, которыя довольно велики—отъ 3 до 5 верстѣ въ длину и ширину. Преслѣдованія бѣлухи рыбныхъ табуновъ завлекутъ ее на дальнее разстояніе отъ вершины той рѣчки, по которой вошла въ озеро, и такимъ образомъ, потерявъ выходъ, она мечется во всѣ стороны тѣмъ больше, если еще вѣтеръ дуетъ съ смежной стороны вершины рѣчки; понавши въ безвыходное положеніе, бѣлухи при замерзаніи озеръ замерзаютъ и самоѣды безъ всякаго труда вырубаютъ ихъ изъ льда и вытапливаютъ изъ нихъ жиръ, котораго бываетъ изъ одной бѣлухи отъ 8 и до 15 пуд. Такимъ же образомъ поступаютъ самоѣды и съ обмелѣвши-

мися китами въ Карскомъ морѣ близъ береговъ Байдорацкой губы. Примѣта самоѣдовъ о появленіи китовъ близъ береговъ—та, что чѣмъ больше сѣверные вѣтры нанесутъ льдовъ къ берегамъ, тѣмъ появленіе китовъ несомнѣннѣе. Лдины эти бываютъ необыкновенной величены: по двѣ версты длины и за 50 саж. толщины, издали представляютъ плавучіе острова съ хрустальными городами, съ башнями, куполами и разными шпилями; на нихъ всегда предпринимаютъ путешествіе бѣлые медвѣди и несчастные песцы, забравшіеся туда по неосторожности съ материка, при выносѣ этихъ лдинъ вѣтрами и приливами на берега моря.

Песчаные берега по р. Оби и по ея системѣ признаются рыбопромышленными берегами; русскіе ищутъ такіе берега, которые были бы длиною на разстояніи 5 верстъ, ибо они приготавливаютъ большіе невода до 300 сажень, бросаютъ ихъ въ рѣку по направленію съ берега на берегъ: одинъ конецъ невода (пята) придерживается пятовщикомъ у того берега, съ котораго бросили неводъ, а другой конецъ, будучи брошенъ по теченію въ рѣку, стараются приближать постепенно къ тому же берегу. Такъ какъ неводъ забрасывается по теченію воды, то онъ теченіемъ уносится все дальше и дальше, а потому пятовщикъ и тѣ, которые вытаскиваютъ другой конецъ невода, шагъ за шагомъ подвигаются впередъ до тѣхъ поръ, пока рѣчное крыло невода въ половинѣ не будетъ вытащено на берегъ. Изъ сего выходитъ, что забросивши неводъ на первой верстѣ, теченіемъ воды постепенно его уносить на четвертую версту, гдѣ уже его вытаскиваютъ на сушь вмѣстѣ съ рыбой. Этотъ способъ ловли рыбы заставляетъ пріискивать такіе пески, которые были бы на разстояніи нѣсколькихъ верстъ; чѣмъ длиннѣе пески, тѣмъ и невода приготавливаютъ длиннѣе. Больше трехъ разъ въ сутки одинъ неводъ не закидываютъ, а для того, чтобъ наловить больше рыбы, ловятъ въ два невода, т. е. одинъ закидываютъ послѣ другаго, спустя извѣстное время. Русскіе кортоматъ пески у инородцевъ за незначительную плату и песковладѣльцовъ всегда держать у себя въ долгу, для своихъ коммерческихъ расчетовъ. Засаливаютъ рыбу въ большихъ

чанахъ, распластывая и очищая ее отъ внутренностей, солью обсыпаютъ до того, чтобы рыбы не было видно. Когда рыба въ чану подъ гнетомъ пролежитъ сутокъ 4, тогда ее моютъ въ ея рассолѣ и складываютъ въ стопы. Этотъ засолъ очень неразумный: теряется изъ рыбы много питательныхъ соковъ, ибо она, лежа въ стопахъ, отъ гнета верхнихъ пластовъ выдавливаетъ собою изъ нижнихъ пластовъ жиръ и потому рыба нижняго слоя вѣситъ легче рыбы верхняго слоя. Притомъ засолъ бываетъ столь крѣпкій, что взявши рыбу за хвостъ она не сгибается и нужно долго мочить, чтобы изготовить ее годною въ пищу. Между тѣмъ, еслибъ ту же рыбу приготовить въ бочечномъ засолѣ съ герметическою закупоркою и не въ большихъ боченкахъ, то она своею тяжестью не выдавливала бы другъ у друга жиру, была бы вкуснѣе и имѣла бы сбытъ въ цѣломъ свѣтѣ. А въ Обской и Тазовской губахъ столь много рыбы, что ею можно было бы подѣлиться съ разными государствами.

Русскіе скупаютъ еще у остяковъ и самоѣдовъ сушеную рыбу, извѣстную подъ именемъ поземовъ и курока (самоѣдскій и остяцкій балыкъ). Она расходуется въ Tobольской и Пермской губерніяхъ и въ большомъ употребленіи; но ее можетъ ѣсть тотъ, кто не видалъ ея приготовленія.

Самоѣды и остяки прегрязные, сидя на землѣ на колънахъ, держатъ прегрязную доску, на которую кладутъ пойманную рыбу; ножомъ очень искусно срѣзываютъ мясо съ костей, дѣлаютъ на немъ насѣчки и вывѣшиваютъ на солнце. Если ножъ замарается кровью, то они облизываютъ его, если замарается въ рыбій калъ, то они вытираютъ его о свои штанишки, которые прегрязные никогда не моются и носятъ до тѣхъ поръ, пока отъ ветхости не развалятся—чего на нихъ нѣтъ! Русскіе хотя видятъ все это, ради корысти своей не обращаютъ на это приготовленіе рыбы своего вниманія, покупаютъ и привозятъ еѣ въ Tobольскъ для продажи. Въ Tobольскѣ, среди холодныхъ закусокъ, всегда красуются и поземы и ѣдятъ ихъ на здоровье всѣ—прихваливая, что поземы вкусны потому, что жирны. Нѣкоторые слыша неоприятное приготовленіе поземовъ, моютъ ихъ въ горячей водѣ и тогда

подаютъ на столъ, но они послѣ ваннъ хотя и бывають чисты, но зато теряють свой настоящій вкусъ. Мнѣ случилось ѣсть поземы приготовленія обдорскихъ поселенцевъ - скопцовъ; заготовленные не для продажи, а для себя въ пищу, они дѣйствительно заслуживають похвалы какъ по вкусу, такъ и по виду своему, а особенно вкусны они, если немного еще копчены въ дыму можжевельнаго дерева.

Салмовые промыслы рыбы тоже немаловажны, и они-то обогащаютъ русскихъ рыбопромышленниковъ, а потому объ нихъ, какъ о главномъ самоѣдскомъ промыслѣ, и стоитъ разсказать.

Салма—это на меляхъ Обской губы глубокая яма, въ 50 и 100 сажень длины; въ нее теченіемъ воды заносятся разныя питательныя вещества, и рыба, переплывая Обскую губу, табунами заходитъ въ салмы, гдѣ остается по нѣскольку дней; сверхъ того бѣлухи постоянно гоняются за рыбой, а потому въ салмахъ рыба имѣеть притонъ для своего спасенія, ибо по мелководью бѣлухи не плавають, а, разогнавши рыбные табуны по Обской губѣ, тѣмъ самымъ заставляютъ ее, ради спасенія своего, сплывать на мелкія мѣста и попадать въ салмы. Самоѣды взявши съ собою небольшой неводокъ свой, ѣдутъ на салмы. Кормщикъ, имѣя весло на сажень длины, конецъ его, во время ѣзды въ лодкѣ, тащитъ по дну Обской губы, и если попадетъ на такое глубокое мѣсто, гдѣ тонетъ все весло по ручку—тамъ образовалась салма и тамъ начинаютъ ловить рыбу. Тогда дѣзутъ всѣ по поясъ въ воду, забрасываютъ неводокъ, и за одинъ разъ наловятъ полную лодку муксуновъ. Поймавши такимъ образомъ рыбу, вывозятъ ее на берегъ, гдѣ дожидаются ихъ русскіе становщики, передають рыбу имъ, а сами отправляются опять розыскивать салму. Кетати слѣдуетъ пояснить что это за гг. становщики? это именно господа, загребающіе жаръ чужими руками.

Обдорскіе, березовскіе и тобольскіе мѣщане, приготовивъ себѣ каюкъ, нагружаютъ его мукою, солью, разными товарами, остяцкими и самоѣдскими, для украшенія ихъ и для ловли рыбы, и приѣзжаютъ на Обскую губу къ салмамъ, гдѣ дожидаются ихъ самоѣды и остяки. Тутъ возлѣ чумовъ са-

мождов становщикъ устраиваетъ себѣ станъ, построитъ шатеръ для жилья, балаганъ для засола рыбы, поставитъ на открытомъ мѣстѣ печь для печенія самоѣдамъ хлѣба, устроить для себя еще сѣдалище въ родѣ обсерваторіи, изъ которой ему примѣтно было бы возвращеніе самоѣда съ рыбой, и такимъ образомъ начинается, благословясь, свой промыселъ съ покупки рыбы.

За 1 булку полусыраго хлѣба, выпекаемаго съ пуда муки отъ 12 до 15 хлѣбовъ, беретъ муксуна, засаливаетъ его, привозитъ въ Тобольскъ и продаетъ за 18 до 25 коп. сереб. за штуку. Мука же въ Обдорскѣ бываетъ отъ 40 до 65 коп. пудъ, и за такія же цѣны продаютъ сѣти, мочалы, лыжи, поясочки, иголки и все прочее. Распродавши свой товаръ и наполнивъ каюкъ рыбою, изъ салмы съ $\frac{1}{2}$ іюля по $\frac{1}{2}$ августа возвращаются въ г. Тобольскъ, оставивъ послѣ себя память самоѣдамъ, что цѣлое лѣто трудились они для своего становщика и приобрѣли бездѣлушки, ѣли русской хлѣбъ, но зато къ зимѣ для себя не приготовили рыбы и не запасли даже хлѣба и муки, а потому по первому зимнему пути являются за полученіемъ въ долгъ казеннаго хлѣба въ Обдорскъ, за который расплачиваются лѣтомъ; и дѣйствительно, когда пріѣдетъ смотритель запаснаго магазина лѣтомъ на салмы за полученіемъ долга, то становщики уплачиваютъ за самоѣдовъ долги охотно, а съ нихъ послѣ постепенно выбираютъ рыбой, но тогда самоѣды не зѣвай. Въ случаѣ лѣности, становщики понуждаютъ ихъ палкой, приговаривая: «Давай деньги за казенный хлѣбъ, если не хочешь ловить рыбу!» и бѣдные, отколоченные ѣдутъ мучиться и, кабая бы то ни была погода, бродятъ по пазуху въ водѣ по салмамъ, лишь бы становщику наловить рыбы.

Изъ всего этого выходитъ, что правительство заботится, чтобъ самоѣды не умерли съ голоду, заготовляетъ имъ большіе запасы муки и отдаютъ въ долгъ. Самоѣды же съ своей стороны трудятся, чтобъ не умеръ съ голоду становщикъ, налавливаютъ ему полный каюкъ рыбы, а потому и правительство и самоѣды трудятся для становщика, который, сидя два мѣсяца на берегу Обской губы, для захвата рыбы на подобіе

воропа падъ падалю, возвращается съ добычей во свояси для отдохновенія отъ неусталости. Удивительнѣйшая рыбо-промышленность, какой нѣтъ въ цѣломъ мірѣ!

Случилось мнѣ еще видѣть, что становщики картежничаютъ съ самоѣдами и послѣдніе проигрываютъ имъ мokusны. Карты ввелъ въ употребленіе у самоѣдовъ, въ 1845 году, становщикъ, березовскій мѣщанинъ Нечаевскій, прозивая въ стану своемъ на островѣ Яры и Нанги. Самоѣды большіе охотники къ картежной игрѣ, почти во всякомъ чумѣ можно видѣть карты; покупая ихъ, самоѣды платятъ русскимъ, зимою, за каждую карту по одной песцовой лапѣ, а лѣтомъ по мokusну.

Между самоѣдами и остяками, до соединенія ихъ родственными связями, не было ничего общаго. Остяцкое племя, какъ властвовавшее надъ самоѣдскимъ, прививало къ нимъ постепенно свои обычаи и нравы; въ то же самое время отъ самоѣдовъ оно позаимствовало къ своему матеріальному быту все то, чего не имѣло: чумы, одежду, оленей, упряжь, средства къ промыслу звѣря и рыбы и самую бродячую жизнь. Выпнувъ въ разговоръ остяковъ, можно услышать въ ихъ нарѣчій много словъ: татарскихъ, самоѣдскихъ и русскихъ, между тѣмъ какъ въ нарѣчій самоѣдовъ чужихъ словъ нѣтъ. Изъ этого уже одного можно заключить, что самоѣды есть коренной народъ сѣвера, а остяки—пришлецы. Языкъ самоѣдскій очень бѣденъ; часто, если самоѣду необходимо рассказать какое происшествіе, то рассказъ свой онъ соединяетъ съ мимикой, и когда для полного рассказа ему недостаточно его одного лица, то онъ приглашаетъ въ помощь товарищей и заставляетъ ихъ мимикой дополнять смыслъ рассказа. Такъ, на примѣръ, онъ рассказываетъ о дракѣ, то представляетъ картину драки въ томъ видѣ, какъ она была, съ плачемъ и крикомъ. Прежде имъ не нужно было прибѣгать къ подобнымъ рассказамъ: за обиду свою онъ мстилъ подобною, и правосудіе находилъ въ себѣ—убивалъ врага или былъ самъ убитъ. Но когда начальство стало преслѣдовать ихъ своевольство, смягчать ихъ нравы, то самоѣды стали искать удовлетворенія въ жалобахъ начальству, и до того въ настоящее время привыкли къ нимъ и къ сутяжеству, что со всякими бездѣльцами, незаслуживающими никакого вниманія, лѣзутъ къ начальству и просятъ разбирательства, а часто даже и придумаютъ ложь и съ помощью приношеній ищутъ наказанія для своего противника. Эти несправедливости сдѣлали то, что богатые, имѣя преимущество, стали жестоко обращаться съ бѣдными, между тѣмъ прежде, какъ самоѣды рассказываютъ: «Богатый принужденъ былъ безвозмездно кормить, одѣвать бѣднаго и обходиться съ нимъ человѣколюбиво и дружески, и давать бѣдному оленей на жерт-

ву, за-то Нумъ множилъ ему оленей, и богатые не дѣлались бѣдными; а нынѣ, когда начали обижать бѣдныхъ, то и сами подѣлались бѣдными и ихъ также обижаютъ, какъ обижали и они».

Самоѣды, по настоящее время, раздѣлены на роды и имѣютъ своихъ родоначальниковъ, и власть эта у нихъ наслѣдственная издревле. Обязанностью родоначальниковъ было: разсуждать вообще о народныхъ дѣлахъ, а именно во время войны противъ остяковъ и пустозеровъ, въ частную же жизнь своихъ родовичей они не вникали, ибо имъ всегдѣ дано было равное право мѣстничества; но когда русское правительство уничтожило это право, и за важныя преступленія, какъ-то: убійство, грабежи, возмущенія стало судить ихъ своими законами, то самоѣдскимъ родоначальникамъ осталась власть дѣлать разбирательства въ маловажныхъ дѣлахъ, собирать ясакъ съ своихъ родовичей въ казну, что они и исполняютъ рачительно по настоящее время. Между ними и нынѣ очень рѣдко случаются преступленія, въ прежнія же времена воровства имущества не существовало: у нихъ все имущественное богатство безъ всякаго караула оставалось въ тундрѣ и всегда было сохранно. Но украсть хорошаго оленя, жирнаго, или бѣгунца, у нихъ было попользованіе, и въ настоящее время подобныя воровства случаются очень часто. Если поймутъ вора, то избьютъ его жестоко и заставятъ заплатить вдвое противъ украденнаго. За обиды, смотря по степени ихъ и вліянію на жизнь обиженнаго, получаютъ вознагражденіе вещественное, напр.: если въ дракѣ одинъ ушибетъ другаго и чрезъ этотъ ушибъ одинъ изъ нихъ теряетъ способность пропитывать себя, то причинившій подобное зло обязанъ кормить, поить и одѣвать обиженнаго и его семейство. Обиды въ руганьяхъ и дурныхъ словахъ отплачиваются тѣмъ же—порукаются и помираются. Но если кто осмѣлится обидѣть дочь самоѣда, находящуюся въ замужествѣ за малолѣтнимъ или въ дѣвицахъ, подговоромъ ея къ соитію, и воспользуются имъ, то отецъ ищетъ вознагражденія за безчестіе отъ рѣшившагося на поступокъ къ подговору, и получаетъ въ вознагражденіе, смотря по богатству

преступника, отъ двухъ и до 10-ти оленей. Дочерей же своихъ за нарушеніе дѣвичьяго цѣломудрія не подвергаютъ наказанію и не вмѣняютъ имъ въ стыдъ порочную жизнь на томъ основаніи, что женщина для этого сотворена; но жена, такъ какъ она покупается для удовольствія жизни, то, кто ею пользуется самовольно, тотъ, по ихъ мнѣнію, уже воръ, и потому поступаютъ съ нимъ, какъ съ похитителемъ чужой собственности, и онъ долженъ заплатить за безчестіе. Женщины сами сознаются предъ родными своими въ подобныхъ искушеніяхъ. Но нельзя сказать, что жены самоѣдовъ совершеннолѣтнихъ и возмужалыхъ, при свободѣ супружескихъ обязанностей, не подвергались бы за пзмѣну штрафамъ. Мужья смотрятъ на нихъ, какъ на свою вещь, которою и распоряжаются по своему произволу; при разбирательствахъ почти всегда оказывается, что жены сами ищутъ любовныхъ включеній, даже бѣгаютъ отъ мужей своихъ, за что, кромѣ жестокихъ побоевъ, получаемыхъ отъ мужа, онъ требуетъ еще отъ родителей ихъ возврата калыма. Въ подобныхъ случаяхъ начинаются формальныя тяжбы, являются къ начальству съ рубежами, какъ документами, которые доказываютъ весь расчетъ калыма и прочихъ расходовъ. Замѣчательно то, что если самоѣдскія жены имѣютъ дѣтей, то нарушенія супружеской жизни почти не бываетъ, а развратъ вселяется между бесплодными женами, которыхъ называютъ, наподобіе оленей—хаптергой, и происходитъ еще отъ многоженства самоѣдовъ и отъ несообразнаго обыкновенія ихъ съ правилами природы—женить малолѣтнихъ сыновей своихъ 8 и 9-ти лѣтъ на взрослыхъ дѣвицахъ. Къ послѣднему обыкновенію самоѣды прибѣгаютъ собственно отъ недостатка рабочихъ рубъ въ семействѣ, а въ особенности тогда, когда у нихъ есть большое стадо оленей и хозяйствомъ некому управлять. Мнѣ случилось видѣть женатымъ 7-ми-лѣтняго мальчика и жена обходилась съ нимъ, какъ нянька: обмываетъ его, одѣваетъ и раздѣваетъ. Но когда эти мальчики вырастутъ, то почти всегда бросаютъ своихъ женъ, и покупаютъ себѣ молодыхъ, а старымъ женамъ даютъ свободу выйти замужъ за кого она пожелаетъ, или возвратиться къ своимъ роднымъ. Наслѣдство

Типы кочующих Остяков-олениводовъ въ самоѣдскихъ тундрахъ.
1) Старшина Аниго, 2) Старшина Калевъ, 3) Помощникъ князя
Юрій Юрьевичъ Ромымавъ, 4) Остячка жена Самоѣда Нячи, 5) ра-
ботникъ Уйво

дѣлится въ мужскомъ колѣнѣ. Отцы, если имѣютъ взрослыхъ сыновей, еще при своей жизни стараются раздѣлить имущество между ними, оставляя при себѣ одного изъ сыновей и всѣхъ дочерей; надѣляютъ же ихъ имуществомъ по своему произволу. Но когда родитель умретъ, тогда сыновья ихъ приступаютъ къ равному дѣлежу и надъ сестрами своими вступаютъ въ полныя отцовскія права, т. е. принимаютъ на себя обязанность выдать сестеръ замужъ, получить за нихъ калымъ и дать приданое. Приданое и калымъ зависятъ отъ уговора: въ калымъ даютъ оленей, шкуры пушного звѣря, лисицъ и песцовъ. Приданое невѣста получаетъ за каждые десять оленей, взятыхъ въ калымъ, одну нарту, нагруженную какимъ-нибудь имуществомъ, съ запряженными въ нее двумя оленями; на обязанности невѣсты лежитъ вынести въ приданое полчума потребной для нея одежды, женскую нарту съ одѣяломъ и женскою сбукою на оленей, котель и часть провизіи въ рыбѣ и оленьемъ мясѣ, что составляетъ три нарты и равняется калыму на 30 оленей.

Свадьба у самоѣдовъ не имѣетъ много обрядовъ, а веселья еще меньше; она совершается слѣдующимъ образомъ: родные жениха пріѣзжаютъ къ роднымъ невѣсты для уговора въ калымъ; когда условятся, подѣлаютъ на длинной палкѣ рубежи сколько чего должно послѣдовать въ приданое и въ калымъ, расколятъ эти рубежи пополамъ и, взявъ каждая договаривающаяся сторона по половинѣ рубежей, приступаютъ къ уплатѣ прежде калыма. При этомъ уговорѣ сваты убиваютъ оленя и съѣдаютъ его съ родными невѣсты, послѣ же это дѣлаютъ родные невѣсты и этимъ обрядомъ сватовство считается рѣшеннымъ. Женихъ ѣздитъ въ гости къ невѣстѣ, но себя держитъ отъ нея вдали и по возможности уплачиваетъ калымъ; иногда время уплаты калыма продолжается годъ, и невѣста въ это время сохраняетъ себя въ полной нравственности, тѣмъ больше, если женихъ ей по сердцу. Когда калымъ весь отданъ, тогда родные невѣсты складываютъ ее приданое на нарты, устраиваютъ аркиши. Первый аркишъ невѣсты долженъ быть красивѣе прочихъ, и въ этомъ аркишѣ на переднюю нарту положить невѣсту, закроютъ ее и въ такомъ

видѣ везуть къ жениху, недалеко отъ чума жениха, встрѣчаютъ невѣсту родные его и привозять вмѣстѣ невѣсту въ чумъ, куда ее вводятъ и прячуть подъ занавѣску,—гдѣ она сохраняется нѣсколько дней и, какъ говорятъ, привагаетъ къ повому мѣсту, а женихъ тайно ночью старается подползть къ невѣстѣ; послѣ недѣльнаго затворничества занавѣска снимается и предлагается жениху свободная брачная постель—онъ дѣлается мужемъ. Во все время означенныхъ свадебныхъ церемоній то и дѣло, что бьютъ оленей и ихъ сбѣдаютъ; если случится вино, то напиваются все съ невѣстой до потери чувствъ. Если невѣста вышла замужъ цѣломудренною, то женихъ обязанъ заплатить матери невѣсты нѣсколько оленей за хороший присмотръ. Въ этомъ случаѣ женихи, чтобы не платить напрасно, по ихъ мнѣнію, оленей, подговариваютъ своихъ женъ, чтобы онѣ, если и были цѣломудренными, при первой брачной постели, показали противное. Но матери невѣстъ съ своей стороны употребляютъ все предосторожности, чтобы ихъ не провели. Молодая жена по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ ѣдетъ къ своимъ роднымъ въ гости и погостивъ у нихъ нѣсколько дней, возвращается въ свой чумъ, а родные, провожая молодую, обязаны ей въ нарту запретъ тройку хорошихъ оленей и къ ней привязать одну нарту съ разными подарками, въ которую тоже впрягаютъ пару хорошихъ быковъ. За подобными подарками молодая ѣздитъ къ роднымъ каждый годъ по разу; и если случится, что родные не награждаютъ прилично, то мужа вступаютъ въ претензіи и получаютъ свое съ вознагражденіемъ. При сватовствѣ соблюдаются у нихъ родственные связи, не дозволяющія имъ вступать въ бракъ—не могутъ жениться отецъ на родной дочери и внучкѣ, братъ на родной сестрѣ; болѣе никакого родства не соблюдается.

Самоубіенія матери, послѣ рожденія ребенка, тотчасъ вытираютъ его снѣгомъ, а лѣтомъ обмываютъ водою, послѣ положить его въ зыбку въ сидячемъ положеніи, подстелая подъ ребенка мягкаго гнилаго дерева (порохна), сверху прикроютъ выпоркомъ изъ оленя, выправляютъ ручки и ножки ребенка и туго привязуютъ его къ зыбкѣ, такъ что онъ можетъ

шевелить только головою. Мать свое дитя кормить всегда грудью и до того времени, пока ребенокъ самъ не захочетъ сосать ее. Очень часто можно видѣть, что самоѣдки кормятъ по два ребенка: одного маленькаго держать на груди, а другой, довольно взрослый, стоя за плечами матери, протянетъ къ себѣ чрезъ плечи грудь матери и, обнявши ее обѣими руками, насасывается. Грудь свои самоѣдки обтягиваютъ; онѣ похожи на длинныя мѣшочки въ $\frac{1}{4}$ аршина и потому очень свободно забрасываютъ ихъ на плечи. Мнѣ случалось видѣть, что самоѣдки выкармливали своею грудью вообще съ своимъ дитятей щенята, лисецъ и песцовъ и эти щенята, выросши, дѣлаются совершенно ручными, а именно песцы. Мать, если занята своимъ дѣломъ, то мало обращаетъ вниманія на плачь своего груднаго ребенка, и для этого у нихъ въ чумахъ, гдѣ бываютъ большія семейства, ревъ дѣтей бываетъ невыносимый. Когда я просилъ, чтобы онѣ уняли плачь дѣтей, то онѣ съ неудовольствіемъ отвѣтили мнѣ, что не для чего унимать, ибо ребенокъ, кромѣ плача, болѣе ничего не умѣетъ; пусть плачетъ сколько захочетъ, а выростетъ, такъ будетъ много говорить. Забавно смотрѣть, какъ маленькія дѣти у самоѣдовъ голыя обступятъ очагъ и возлѣ огня грѣютъ свое тѣло; они довольно смѣлы, — возлѣ нихъ непременно расположатся собаки, и ребятишки, взявъ полѣнко, постоянно ихъ колотятъ, а особенно, если собаки отнимутъ отъ нихъ бушанье, данное имъ матерями. Воспитаніе дочерей лежитъ на обязанности матери; она учитъ ихъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ сучить нитки изъ оленьихъ жилъ, шить одежду, обувь. Сынovie образуются отцами: маленькимъ онѣ дѣлаютъ небольшой тынзянь, лукъ, стрѣлы, беретъ съ собою на охоту и на рыбныя промыслы; пока дѣти невелики, то они не выходятъ изъ повиновенія родителей, которыхъ привязанность къ дѣтямъ безграничная: что бы дѣти ни дѣлали—все для нихъ хорошо; взрослые же, если и поколотятъ порядочно отца, то онѣ терпѣливо переносятъ эту бѣду. Мнѣ случалось внушать отцамъ о припятіи мѣръ для укрощенія дѣтей; но отцы очень наивно отвѣтили, какъ насъ не колотить: мы дураки, ничего уже по старости своей не понимаемъ, промыслять не мо-

жемь, сыновья кормят и одѣваютъ насъ, то пусть колотятъ, если у нихъ сердце не болитъ; ихъ дѣти будутъ поступать съ ними точно такъ же.

Послѣ смерти самоѣда наслѣдники пересматриваютъ имущество, оставленное имъ, заключающееся въ шкурахъ пушнаго звѣря, въ заготовкѣ новаго носимаго платья и въ оленяхъ. Взрослые сыновья дѣлятъ это имущество между собою; если же остались малолѣтніи дѣти, то все имущество оставляютъ во владѣніи ихъ матери, которую тотчасъ послѣ смерти мужа ея беретъ къ себѣ въ жены одинъ изъ родственниковъ умершаго, а въ особенности если онъ имѣлъ родныхъ братьевъ. Дяди вполне заботятся о сохраненіи имущества до возраста малолѣтнихъ своихъ племянниковъ, а матерями ихъ управляютъ какъ своими женами. Иногда случается, что между опекунами и наслѣдниками возникаютъ тяжбы; тогда разбирательство тяжбъ производятъ по рубежамъ, но если рубежи составлены неправильно, тогда злобствующая сторона, несоглашающаяся на добровольную мировую сдѣлку, въ правдѣ своихъ дѣйствій принимаетъ присягу. Послѣ присяги удовлетворяется истецъ или отвѣтчикъ, припавшій присягу, согласно доказательствамъ, утвержденнымъ присягою—и тяжба оканчивается. Присягу принимаютъ подъ слѣдующими видами: а) цѣлуя переднюю лапу медвѣдя, заклинаютъ себя, что если онъ неправду говорить или доказываетъ, то пусть медвѣдь растерзаетъ его. Кто рѣшится принять подобную присягу, тотъ считается уже правымъ. Если же по истеченіи времени случится такъ, что принявшаго присягу медвѣдь поцарапаетъ, то тяжба возобновляется, и безъ всякихъ толковъ поцарапанный считается виновнымъ, отдаетъ что слѣдуетъ противнику своему и еще вознаграждаетъ за обманъ, хотя бы былъ въ своемъ искѣ совершенно правъ. По ихъ понятію, медвѣдь рѣшилъ, кто правъ, а кто виноватъ и—дѣлу конецъ; б) еще присягаютъ цѣлуя ледъ, взятый изъ тѣхъ водъ, которыя ими обожаются, съ подобными же заклинаніями; также прибѣгаютъ еще къ слѣдующему обряду: истецъ беретъ противника своими пальцами за конецъ языка, другою рукой ножомъ нарѣзываетъ крестообразно снѣгъ или зем-

Самодель и остатки назъ Тайшия приводятъ къ присягѣ Са-
модель, не сознавъся въ кражѣ оленей.

лю и приговариваетъ заклинанія: если соврешь, то пусть твой языкъ распадется на части, какъ распадается разрѣзанный снѣгъ. Когда же одинъ другаго приводитъ къ присягѣ, чтобы сдержать данное другъ другу слово—сохранить секретъ, то берутъ другъ друга за концы языка и втыкаютъ въ снѣгъ острымъ концомъ ножъ, приговаривая заклинаніе, что пусть станетъ у того языкъ и высунется изъ горла до земли, какъ стоитъ воткнутый въ снѣгъ ножъ. Подобныя заклинанія у нихъ очень важны. Самоѣды готовы лучше подвергнуть себя разнымъ пыткамъ, но присягѣ не измѣнять и чистосердечно во всемъ сознаются, если требуютъ отъ нихъ показанія, какъ выше изъяснено, подъ присягами. Если у самоѣдовъ случится покража вещей, оставленныхъ въ тундрѣ, то послѣ неудачныхъ розысковъ они прибѣгаютъ къ ворожбѣ чрезъ своихъ шамановъ. Шаманъ, разумѣется, сейчасъ потребуетъ отъ нихъ принести въ жертву оленя. Оленя для жертвы онъ тоже назначаетъ по ворожбѣ. Подобная ворожба производится шаманами слѣдующимъ образомъ: сидя на землѣ, онъ въ руки беретъ бубень (похожій на рѣшето, натянутый собачьей кожей), и начинаетъ въ него бить, тяжело вздыхать, втягиваетъ въ себя воздухъ, кривляется, послѣ прокалываетъ себя ножомъ въ животъ, грудь и въ изнеможеніи падаетъ на землю; полежавъ немного, онъ начнетъ рассказывать, чтобы принести сейчасъ же живую жертву шайтану, что шайтанъ проситъ, чтобы была принесена ему жертва въ оленя, у котораго примѣты такія-то, и что покраденныя вещи отыщутся, ихъ покралъ такого-то роста человѣкъ, въ такой-то одеждѣ, у него есть жена, столько-то дѣтей, оленей. Самоѣды, выслушавъ шамана, идутъ первоначально въ стадо искать въ жертву оленя съ примѣтами, разъясненными шаманомъ и, разумѣется, всегда найдутъ его (шаманы, для поддержки своего мошенничества, раньше осматриваютъ незамѣтно стадо самоѣдовъ и на случай высматриваютъ оленей съ признаками разными), приводятъ его въ чумъ, даютъ, съѣдаютъ, послѣ запрягаютъ оленей и ѣдутъ разыскивать человѣка, вывороженаго шаманомъ. Всѣ подозрительные самоѣды очень хорошо извѣстны шаманамъ, и онъ всегда укажетъ на

одного изъ нихъ. Когда же къ подобному оподозрѣнному приступятъ сыщики въ полной увѣренности, какъ къ вору, о возвращеніи покраденнаго имущества, то оподозрѣнный, если не признается въ кражѣ, долженъ свою невинность подтвердить присягой. А какъ самоѣды очень неохотно принимаютъ присягу и страшатся ея, оподозрѣнный проситъ отложить ее на нѣкоторое время—и самъ въ то же время старается разыскивать воровъ; если найдеть въ комъ малѣйшее подозрѣніе, то передаетъ объ этомъ хозяевамъ покраденныхъ вещей и выѣстъ съ тѣмъ просить оподозрѣннаго, если онъ не сознается въ кражѣ, спросить подъ присягой. Тотъ опять отказывается отъ присяги, отсрачиваетъ ее и отъ себя разыскиваетъ вора, и подобные поиски дѣлаются до тѣхъ поръ, пока не разыщутъ вора. Тогда отбираютъ отъ него покраденное и получаютъ вознагражденіе вдвое противъ стоимости вещей. Кромѣ этого получаютъ вознагражденіе и тѣ, которые несправедливо были оподозрѣны въ кражѣ. Если же отвѣтчикъ несостоятеленъ, то порядочно поколотятъ его и возьмутъ къ себѣ въ работу на нѣсколько годовъ.

Строгость, съ какою преслѣдуютъ воровъ между собою самоѣды, дѣлаетъ то, что они свои богатства, сложенные на нарты, хорошо обвязанныя березовыми тесками, оленьими шкурами, оставляютъ безъ всякаго присмотра въ тундрѣ невдали опасныхъ дорогъ и на продолжительное время, и многіе, зная объ этомъ богатствѣ, не только что не дотронутся до него, но каждый разъ, проѣзжая, осматриваютъ кругомъ нарты завязки, и если найдутъ что-либо подозрительное, тотчасъ передаютъ объ этомъ хозяину вещей. Отъ подобнаго общаго присмотра кражи между самоѣдами случаются очень рѣдко и почти не бывають.

Самоѣдъ понимаетъ явленія природы процессомъ, обусловливающимъ его собственныя дѣйствія, причины которыхъ ему понятны. Онъ ѣстъ оттого, что хочетъ ѣсть. Онъ ѣздитъ на оленяхъ оттого, что хочетъ ѣздить. Причины же окружающихъ его явленій ему неизвѣстны и онъ старается угадать ихъ. Угадывая, онъ присвоиваетъ этимъ явленіямъ тѣ же причины, которыя руководятъ его дѣйствіями, напр.: самоѣдъ увидитъ сѣверное сіяніе. Спросите, отчего оно показалось на небѣ? онъ отвѣтитъ, что оно захотѣло взойти, чтобы посмотрѣть, что дѣлается въ самоѣдскихъ тундрахъ. Самоѣдъ признаетъ дѣйствія явленія въ отношеніи къ своимъ дѣйствіямъ неподражаемыми, несоразмѣрными своей силѣ и уму непостижимыми, а потому по дѣйствию ихъ (движенію, шуму) признаетъ явленія живыми существами, а по силѣ ихъ—могущественнѣйшими и, сознавая въ этомъ случаѣ свое безсиліе, ставитъ себя противъ нихъ въ почтительное положеніе, боготворитъ эти существа, даритъ ихъ, умоляетъ, и все это дѣлаетъ для того, чтобы сообразно своимъ расчетамъ направлять волю этихъ существъ такъ, чтобы они дѣйствовали ему въ выгоду. Вотъ въ чемъ заключаются приемы самоѣдовъ ихъ теологическаго философствованія. У нихъ все основано на догадкахъ, происшедшихъ отъ стеченія обстоятельствъ, дѣйствующихъ на ихъ воображеніе.

Самоѣдъ не можетъ быть заинтересованъ всѣми дарами природы, его окружающими, напр. металлами, минералами и проч. Всѣ подобныя предметы не приносятъ ему никакой пользы, ни вреда, ни опасности. А потому, еслибы его фантазія не заставляла въ окружающихъ предметахъ усматривать какую-нибудь особенную силу, приносящую въ его предпріятіяхъ благотѣльныя и губельныя вліянія, то, разумѣется, онъ остался бы безчувственнымъ къ окружающему міру, и самая жизнь его не имѣла бы никакой цѣли и пріятности. Напр. птица, какъ обыкновенная птица, осталась бы безъ вниманія, но фантазіей самоѣда, эта же птица, будучи обращена въ высшее существо, становится ему важнымъ

существомъ. Онъ изучаетъ ее и, найдя такія въ ней достоинства, которыхъ не ощущаетъ въ себѣ, какъ-то способность летать, начинаетъ фантазировать и создаетъ объ ней теологическое понятіе разныхъ для себя надеждъ, боязни и выгодъ. *) Такимъ образомъ самоѣдъ, создавая себѣ разные понятія чрезъ заклинанія, подарки сильнѣйшимъ своимъ существамъ, испытывая для себя выгоды, этимъ способомъ пришелъ къ убѣжденію, что онъ можетъ силами органическими и неорганическими управлять по произволу. Часто, временныя удачныя попытки этого произвола одного самоѣда въ отношеніи другаго, неиспытывавшаго подобнаго счастья, перваго возносятъ до званія шамана, и товарищи его уже обращаются къ нему за ворожбой. Шаманъ же, движимый интересомъ и невольнымъ убѣжденіемъ своего достоинства, пускается въ безпредѣльное мнѣическое фантазерство, — выдумываетъ разные разности до предсказанія будущности. Бодрость свою онъ поддерживаетъ одной иллюзіей и особенно тогда, когда не можетъ основаться на сознаніи дѣйствительнаго господства надъ силами природы. Самоѣдъ чистосердечно вѣритъ въ исполненіе своихъ желаній, если проситъ объ этомъ своихъ обожаемыхъ существъ; но если по его просьбѣ случится не то, на что онъ надѣялся, а что-нибудь необыкновенное, напр.: среди тундры, гдѣ онъ проживаетъ, открылся бы вулканъ, а онъ просилъ обожаемаго камня, чтобы въ пепелищѣ его очага остался огонь до будущаго дня, такъ какъ потерявъ огниво, не имѣетъ уже возможности добыть огня, — то это чудо-вулканъ нисколько не удивило бы его, онъ не старался бы уйти отъ него для избѣжанія опасностей, а радовался бы, что камень, котораго онъ просилъ о поддержкѣ огня, далъ ему столько его, что онъ не скоро потухнетъ, и по этому случаю сочинилъ бы замысловатый мнѣе и успокоилъ бы себя этимъ объясненіемъ.

*) У самоѣдовъ почти въ каждомъ чумѣ можно увидѣть деревяннаго болвана, представляющаго летящую птицу, укрьпленнаго на вершинѣ длиннаго шеста. Этому фетишу они поклоняются, приносятъ въ жертву оленей и во время касканія ставятъ его на передовой нартѣ.

Впослѣдствіи же, еслибъ отъ волкана случились какія-либо несчастія, то эти несчастія онъ не приписывалъ бы свойству волкана, а искалъ бы причину ихъ въ себѣ и дошелъ бы до того убѣжденія, что просьбы его, жертвы, которыя онъ приносилъ камню, хотя послужили ему къ удовлетворенію его желанія, но какъ онъ не умѣлъ за испытанное удовлетвореніе принести достаточно благодарственныхъ жертвъ, то за это и наказанъ прилично. Къ подобнымъ выводамъ самоѣды доходятъ во время смертности оленей и свирѣпствующихъ между ними осы и гнилой горячки. Гигіеническія средства свои во всѣхъ болѣзняхъ они находятъ въ шаманствѣ и въ жертвоприношеніяхъ.

Весь окружающій міръ самоѣда, по его воображенію, пронизанъ тѣмъ принципомъ вѣрованія, присутствіе котораго онъ чувствуетъ въ своемъ организмѣ, и потому къ животнымъ, растениямъ, камнямъ, явленіямъ природы относится, какъ къ существамъ способнымъ понимать его. Напр., если на охотѣ онъ встрѣтится съ медвѣдемъ, то онъ тотчасъ его не убиваетъ, а сначала вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, начинаетъ выхвалять его достоинства, спрашиваетъ, для чего онъ встрѣтился съ нимъ, проситъ его, чтобы онъ не поцарапалъ его своими острыми когтями. Когда же медвѣдь станетъ мурлыкать и приближаться къ самоѣду, то онъ, держа на-готовѣ винтовку и копье, вступаетъ съ нимъ въ уговоры: «Да, князь-медвѣдь, понимаю, что ты говоришь, идешь ко мнѣ, хочешь, чтобы я тебя убилъ, чтобы твою кожу повѣсилъ шайтану; иди, иди! смерть для тебя готова, но я не ищу ея». Послѣ подобныхъ комбинацій онъ стрѣляетъ въ медвѣдя, убиваетъ его и считаетъ себя въ своихъ дѣйствіяхъ оправданнымъ противъ родныхъ медвѣдя, которые за смерть своего члена могли бы отомстить.

Самоѣды, надѣлавъ, по мнѣическому своему соображенію, разныхъ истукановъ, приписываютъ имъ силы, которыхъ не ощущаютъ въ себѣ, которыя находятся въ явленіяхъ природы и необходимы имъ для какихъ-либо житейскихъ затѣй. Къ этимъ истуканамъ относятся они, какъ къ живымъ су-

ществамъ, понимающимъ ихъ, разговариваютъ съ ними, просятъ ихъ о разныхъ разностяхъ; но когда эти истуканы не сдѣлаютъ имъ того, чего они желали, то они колотятъ ихъ, ругаютъ, плюютъ въ нихъ и разбрасываютъ. Послѣ этой сцены опять собираютъ ихъ въ кучу и опять начинаютъ просить у нихъ помощи для себя. Однимъ словомъ, вся жизнь самоѣда, какъ фетишиста, заставляетъ его постоянно надѣяться, постоянно безсознательно страшиться; эти чувства непрерывно чередуются между собою, возникая и пропадая, по причинѣ каждаго ничтожнѣйшаго событія. Онъ объясняетъ каждый предметъ теологически, отъ перваго на него взгляда. Онъ видитъ и слышитъ все то, что создаетъ ему воображеніе.

Обдорскіе самоѣды раздѣляются на каменныхъ и низовскихъ; первые своими кочевьями занимаютъ мѣста на Уральскихъ горахъ и на полуостровѣ Ялмалѣ, а послѣдніе на материкѣ между Обскою и Енисейскою губами. Низовскіе, по настоящее время, находятся подъ вліяніемъ только своей природы; вѣрованіе свое основываютъ на чистомъ фетишизмѣ. Каменные же, непосредственно находившись подъ вліяніемъ остяковъ, стали усваивать себѣ теологическія понятія остяковъ-полтневцовъ, у нихъ уже составилось понятіе о нумѣ (Bogъ), о загробной жизни человѣка, о сотвореніи міра. Они имѣютъ такихъ боговъ, которые не входятъ въ частную жизнь самоѣда, а заправляютъ отвлеченными понятіями, образующими таинственную связь между неодушевленными предметами и высшимъ сверхъестественнымъ существомъ, и дѣлаютъ чудеса. Шаманы этихъ самоѣдовъ имѣютъ уже особый характеръ; если шаманятъ, то къ древнему своему обыкновенію, согласно съ правилами фетишизма, прибавляютъ еще разныя штуки, въ родѣ чудесъ; напр. прокалываютъ себя ножомъ или саблею, кровь неидетъ и живъ остается. У самоѣдовъ есть также и домашніе боги, которые заправляютъ дѣлами тѣхъ только самоѣдовъ, въ семействѣ которыхъ они находятся и составляютъ ихъ собственность. Главные же боги, общіе съ остяками, раздѣляются у нихъ по старшинству, и просьбы свои они приносятъ къ нимъ по инстанціямъ. Напр.

Самовдичъ покланяется своимъ фетишамъ, прося помощи ихъ для промысла звѣря.

обращается самоѣдъ къ пенату своему ялмалу, *) который помогает самоѣду въ промыслахъ морскихъ; но если онъ ему ничего полезнаго не сдѣлаетъ, то просить горнаго бога ортика, **) если же и тотъ ничего не сдѣлаетъ, то обращается къ Мастерко—лѣсному и рѣчному богу, ***) самому старшему, у котораго всё прочіе подѣ командою и въ повиновеніи; если же и Мастерко ничего не сдѣлаетъ, то самоѣды считаютъ себя недостойными, и опять снова начинаютъ ходатайствовать отъ младшаго бога о своемъ дѣлѣ съ принесеніемъ жертвъ болѣе цѣнныхъ. Въ жертву они приносятъ оленей, шкуры разныхъ звѣрей, разноцвѣтное сукно по нѣсколькѣ аршинъ, разные бумажные и шелковые платки, шерстяные пояски, кольца, мелкія серебряныя деньги и обнарядки, которые покупаютъ у русскихъ промышленниковъ нарочно для этой цѣли, ими приготовляемые; эти обнарядки дѣлаются въ родѣ короткихъ халатовъ изъ шелковой матеріи и изъ парчи. Этотъ халатикъ кругомъ обшиваются серебряными и золотыми мншурными позументами. Подобныя обнарядки продаются тайно отъ 30 до 50 руб., а промышленникамъ стоятъ не болѣе 5 руб. Были даже случаи, что русскіе промышленники, изъ корыстолюбивыхъ своихъ видовъ, нарочно заказывали для идоловъ дѣлать серебряныя короны, въ родѣ епископскихъ митръ и, привозя ихъ въ Обдорскъ, тайно продавали крещенымъ инородцамъ за большія деньги. Разъ мнѣ случилось видѣть у остяковъ въ Эндерскихъ юртахъ идола, одѣтаго въ старый засѣдательскій мундиръ и при шпагѣ. Всѣ приклады идола надѣваются на него такъ, чтобы онъ не терялъ человѣческой фигуры, и оттого идола эти годъ отъ года становятся толще. При живыхъ жертвахъ, у идола становятся маленькія, металлическія тарелочки въ

*) Ялмалъ находится на полуостровѣ Ялмалѣ, есть человѣческая фигура, высѣченная изъ камня и лежащая въ гробу.

**) Ортикъ находится на р. Большой Хоровѣ, впадающей въ р. Обь. Человѣческая голова съ металлическимъ лицомъ.

***) Мастерко на р. Оби, въ лѣсахъ Троицкой деревни, представляетъ идола сидящаго на конѣ.

1½ верш. въ діаметрѣ, съ изображеніями діаволовъ, и на эти тарелочки наливають кровь изъ сердца того животнаго, которое было обречено ими въ жертву.

Наконецъ, вліяніе пустозеро́въ, зырянъ и русскихъ на остяко́въ и самоѣдо́въ и распространеніе между ними христіанскихъ истинъ дало имъ сильнѣйшій толчекъ къ при-тупленію ихъ мнѣческаго воображенія. По нынѣшнему ихъ мнѣнію, фетиши, пенаты и самый сильнѣйшій могущественный ихъ идолъ Мастерко, съ распространеніемъ христіанства, стали терять свою могущественную силу, а чрезъ это терялось для нихъ уваженіе и самое обожаніе ихъ. А какъ эти боги имѣли большія богатства въ звѣринныхъ драгоценныхъ шкурахъ и серебрѣ, то остяки и самоѣды, потерявшіе въ нимъ уваженіе, стали ихъ обкрадывать и богатства пропивать. Подстрекательство зырянъ и русскихъ и сотрудничество ихъ въ воровствѣ довершили почти совершенное разореніе идольскаго богатства и самихъ идоловъ до того, что въ настоящее время коренныхъ идоловъ, напр. золотой бабы и другихъ, уже нѣтъ, а существуютъ ихъ копія, которыя поддерживаются не народно, а избранными, въ особенности шаманами, изъ однихъ только корыстолюбивыхъ ихъ видовъ, въ видѣ ремесла, дающаго имъ легкое и нетрудное для себя и своего семейства пропитаніе, обогащеніе и небольшое значеніе въ народѣ. Чрезъ все это, какъ каменные самоѣды, такъ и остяки хотя еще находятся подъ вліяніемъ политеизма, но уже достигли исходной точки — христіанства.

Не лишнимъ еще нахожу пояснить о нѣкоторыхъ обрядахъ самоѣдо́въ и остяко́въ во время перехода ихъ чрезъ р. Обь или Обскую и Тазовскую губу съ анасами изъ лѣтнихъ вочевьевъ на зимніе и обратно. 1) До перехода они собираютъ стада оленей и изъ нихъ ловятъ преимущественно бѣлыхъ семь штукъ или нѣсколько семиковъ, смотря по желанію хозяевъ и возможности ихъ; самое же большое число семь семиковъ, что составитъ 49 оленей, приводятъ въ кустарники, гдѣ находилась бы еще хотя одна высокая лиственница, и здѣсь ихъ делятъ тынзянами. Послѣ этого, сколько есть мужчинъ,

каждый беретъ себѣ одного задавленнаго оленя, снимаетъ съ него кожу, а мясо сырое начинаетъ ѣсть, или справедливе выразиться—жрать; сердце и языкъ отдѣляютъ и привѣшиваютъ ихъ, каждый на отдѣльную палочку, воткнутую въ землю, намазавъ ее въ то же время кровью изъ того сердца оленя, которое къ ней прицѣплено. Послѣ непродолжительнаго времени, сердце и языкъ снимаютъ, кладутъ въ котель, находящійся на мѣстѣ жертвы, варятъ и съѣдаютъ. Рога отъ задавленныхъ оленей прикрѣпляютъ между вѣтвями къ вершинѣ той лиственницы, возлѣ которой ставятъ намазанныя кровью палочки. Эту жертву приносятъ въ благодарность за счастливо прожитое время въ лѣтнихъ кочевьяхъ, и чтобы благополучно перейти по льду замерзшихъ столь широкихъ водъ на зимнія кочевья. Очень противно смотрѣтъ на тиранство самоѣдовъ и остяковъ надъ бѣднымъ животнымъ, которое, не требуя за собою рѣшительно никакаго отъ нихъ ухода, служатъ имъ рѣшительно всемъ и даже жертвою дьяволу. Надѣвъ на оленя нѣсколько петель изъ тынзяновъ и ставъ другъ противъ друга на разстояніи длины тынзяновъ, съ крикомъ натягиваютъ ихъ. Сколько есть мужчинъ, все берутся за концы тынзяна, и натягиваютъ его такъ сильно и быстро, что у бѣднаго животнаго выскочатъ глаза и языкъ, и чуть не оторвутъ голову. Но видѣтъ, какъ они, сидя каждый возлѣ своего оленя, жрутъ его сырое мясо, макая его въ кровь и пачкаютъ кровью и безъ того противныя свои фізіономіи, — переходить за предѣлы самосильнѣйшаго отвращенія.

2. Чѣмъ больше стадо оленей, тѣмъ стоянки на одномъ мѣстѣ бываютъ непродолжительнѣе, исключая случая, когда изъ членовъ семейства у самоѣдовъ кто заболѣтъ, тогда не трогаются съ мѣста до того времени, пока больной не почувствуетъ облегченія отъ болѣзни. Олени соскребуть всю тундру около чума на разстояніи 3-хъ или болѣе верстъ до такой степени, что нельзя увидѣтъ нигдѣ мху, вездѣ онъ избитъ и перемѣшанъ со снѣгомъ. Хозяева хотя и видятъ, что олени изнуряются отъ недостатка корма, но не смѣютъ скаслатъ на другое мѣсто, придерживаясь того убѣжденія, что

олени мучаются голодомъ, болѣютъ, за-то больному отъ этого будетъ легче. Первое признаніе больного, что онъ чувствуетъ себя здоровѣе, служить сигналомъ, чтобы какъ можно скорѣе двинуться съ мѣста, ибо, по мнѣнію самоѣдовъ, на оставленномъ ими мѣстѣ останется и болѣзнь больного.

3. Когда между самоѣдами появится оспа, то эту болѣзнь считаютъ худой и часто оставляютъ больного въ тундрѣ одного въ маленькомъ чуму, нарочно сдѣланномъ, а сами уходятъ и навѣдываются повременамъ о его жизни. Пособійъ никакихъ не даютъ больнымъ собственно потому, что считаютъ эту болѣзнь наказаніемъ дьявольскимъ, и считаютъ ее первымъ наказаніемъ человѣка при сотвореніи его. Вотъ что говоритъ у нихъ преданіе объ этой болѣзни. Переведено слово въ слово.

Нумъ (Богъ), по ихъ преданію, сотворилъ первоначально землю, воды, рыбы и птицъ, которыя и въ настоящее время только однѣ летаютъ къ нуму и потому-то самоѣды своимъ божествомъ дѣлаютъ истукана въ изображеніи летящей водяной птицы, посаженной на вершинѣ длинной палочки; этому истукану убиваютъ въ жертву оленей и кровью ихъ изъ сердца намазываютъ ту палочку, на которой прикрѣпленъ истуканъ. Послѣ этого нумъ сотворилъ разныя растенія, животныхъ, наконецъ сотворилъ собаку и самоѣда; оба они были голые. Собака стерегла самоѣда отъ дьявола, который завидовалъ счастью самоѣда на землѣ и старался всячески сдѣлать ему большое зло, но собака не подпустила дьявола къ самоѣду, и чрезъ это дьяволъ ничего худого не могъ сдѣлать. Счастье же самоѣда состояло въ томъ, что онъ былъ всегда здоровъ и веселъ; всѣ животныя шли къ нему по зову, не боялись его, и онъ убивалъ оленей на ѣду сколько хотѣлъ. Ходилъ голый и его тѣло не мерзло. Нумъ проживаетъ за Ледовитымъ моремъ далеко, самоѣды никогда не видѣли его, но свѣтъ отъ нума иногда показывается (сѣверное сіяніе). Дьяволъ же постоянно проживаетъ въ самоѣдскихъ тундрахъ, лѣсахъ, горахъ и водахъ. Нумъ дѣлаетъ что есть лучшаго для самоѣда, а дьяволъ—что есть худшаго. Если самоѣды увидятъ красивое дерево или камень, рѣзко отличаю-

Разказъ Самоѣдина Тярка о сотвореніи міра, паденіи Самоѣда и на-
казаніи его дьяволомъ болѣзней оспою.

щіеся отъ другихъ своимъ видомъ, то предполагають, что эти творенія какъ красивѣе другихъ, то и милѣе Богу, и потому-то предъ ними приносятъ въ жертву оленей и намазываютъ кровью. Дьяволъ, какъ врагъ нума, потому постоянно враждуетъ противъ самоѣда, котораго нумъ любитъ и сотворилъ для него все. Чтобы лишить земнаго счастья самоѣда, дьяволъ сталъ подговаривать собаку, чтобы она позволила ему подойти къ спящему самоѣду. Но собака на это не соглашалась. Однажды дьяволъ, замѣтивъ, что собака, сверчившись, дрожала отъ холода, сказалъ ей, что ему очень жалко ее и что онъ ей можетъ дать такую шубу, которая ее согрѣетъ, если она согласится только допустить его къ человѣку. Собака, какъ холодъ былъ ей не втерпѣжъ, согласилась на предложеніе. Дьяволъ погладилъ ее рукою и вдругъ собака обросла длинною шерстью, стала отъ радости прыгать, а въ это время дьяволъ подошелъ къ спящему человѣку и плюнулъ на него: съ человѣкомъ вдругъ сдѣлалось дурно, все тѣло его покрылось прыщами (оспой) и онъ началъ хворать, а дьяволъ, засмѣявшись, сказалъ ему: «Ну, теперь ты попался ко мнѣ», и скрылся. Горькая жизнь наступила человѣку и ему было уже холодно, онъ сталъ плакать, мучиться, собака ужь не стала его беречь, стала постоянно гоняться за звѣрами, давить ихъ, а человѣкъ отъ холоду началъ себя тоже прикрывать собачьей шерстью, и звѣри стали бояться человѣка и бѣгать отъ него, для чего человѣкъ сталъ на нихъ выдумывать разныя ловушки, сдѣлалъ лукъ и стрѣлы, и подобными разными хитростями сталъ промысливать ихъ. Трудная была жизнь его, и сталъ человѣкъ бояться всѣхъ. Тогда нумъ еще скалился надъ человѣкомъ и далъ ему женщину; а чтобы онъ ея не боялся, то сотворилъ ее на подобіе человѣка; а чтобы человѣкъ позабылъ свое горе, заставилъ его испытывать удовольствіе родить себѣ подобныхъ. Эти удовольствія понравились человѣку, и онъ въ такихъ занятіяхъ очень скоро позабылъ о своемъ горѣ, и живетъ на свѣтѣ только для этого труда; а женщина, узнавши, что собака оказалась виновникомъ несчастія человѣка, убила ее собственно потому, чтобы отобрать

*

ту шубу, которую ей подарилъ дьяволъ, и изъ нея сдѣлала себѣ ягушку. Вотъ начало появившейся болѣзни оспы и обыкновеніе самоѣдовъ украшать свои ягушки собачьей разношерстной шкурой, и начало времени, съ котораго самоѣды стали множиться, заселять сѣверъ. Жили они въ большомъ богатствѣ и занимали пространство земли подъ свои кочевья отъ устья рр. Иртыша, Конды, Пелыма, вершинъ Пура и Таза по Енисею и берегамъ Ледовитаго моря до устья Печоры и по р. Печорѣ до устья р. Уссы по Уральскому хребту до р. Пелыма. Счастливейшая была жизнь ихъ, оленей имѣли такое множество, что не знали имъ счета. Но къ несчастью ихъ появились изъ вершинъ р. Оби остяки, приплыли въ ихъ страну на плотахъ и начали ихъ тѣснить, отбирать отъ нихъ рыболовныя мѣста, стада оленей, женъ, дочерей; возникли постоянныя войны, и самоѣды, оставляя свои кочевья, все подвигались къ сѣверу. Наконецъ, когда остяки и тамъ стали притѣснять ихъ, то они принуждены были предъ ними смириться, признать надъ собою ихъ владычество, сдружилась съ ними за-одно, стали брать другъ у друга невѣсть. Остяки стали ходить въ самоѣдской одеждѣ, говорить по-самоѣдски, разводять стада оленей, ѣсть сырую рыбу и мясо, и сдѣлались самоѣдами.

4. На основаніи убѣжденій, что за зло—зло, а за добро—добро всегда получается, самоѣды опредѣлили себѣ правило для своего нравственнаго и матеріальнаго быта; отъ этихъ началъ произошли у нихъ всѣ обыкновенія и обряды, напр.: случится ли съ нимъ зло, болѣзнь,—онъ не думаетъ о томъ, чтобы употребить какія-нибудь лекарства для излеченія себя, а старается свое зло передать дереву, или камню, или оленю. Передача зла происходитъ съ помощью жертвоприношеній такимъ образомъ: заболѣла у него нога,—онъ жертвуетъ своему фетишу песка; этимъ пескомъ вытираетъ себѣ ногу, послѣ несетъ его къ дереву и, повѣсивъ на немъ песка, дѣлаетъ заклятіе, т. е. онъ говоритъ дереву: «Какъ моя нога болитъ, заболѣй и ты, ибо ты здорово, а я болѣнъ, то пусть будетъ на-оборотъ.» Къ врачеванію приглашаютъ они одного изъ своихъ шамановъ, который, разспросивъ признаки боль-

наго, переводить эти признаки на избираемого имъ оленя, бѣдное животное подвергаютъ разнымъ мученіямъ и этимъ хотятъ приноровить страданія человѣка въ страданіямъ животнаго. Когда нападутъ на желанный признакъ болѣзни у животнаго, тогда болѣзнь въ человѣкѣ должна въ то же время уничтожиться. По подобному способу врачеванія шаманъ убиваетъ по-очередно нѣсколько десятковъ оленей. Если больной вдругъ не поправится, то придумываетъ каждому оленю особья мученія. Когда же больной выздоровѣетъ, то въ то же время шаманъ обрекаетъ смерть его оленю, и бѣдное животное живымъ зарываютъ въ землю. Если же всѣ врачеванія шамановъ не помогутъ и больной умретъ, тогда трупъ его выносятъ изъ чума, но только не чрезъ то отверстіе, въ которое входятъ живые, а раскрываютъ чумъ съ противоположной стороны на-столько, чтобы можно было вытащить потомъ мертвеца, кладутъ его въ гробъ, сколоченный изъ досокъ, лицо мертвому и вообще голову зашиваютъ въ сукно, въ гробъ кладутъ всѣ принадлежности мертвеца, которыя были необходимы ему при жизни, т. е. винтовку, пороховницу, топоръ, ножикъ, рожекъ съ табакомъ, трубку, табакъ курительнаго; если есть вино, то бутылку, поставятъ его потомъ все его носимое платье и въ такомъ видѣ уносятъ гробъ на кладбище, гдѣ, вырывъ яму на поларшина, ставятъ туда гробъ съ означеннымъ имуществомъ, засыпаютъ могилу пескомъ и на могилѣ поставятъ разломанную нарту, на которой покойный ѣздилъ, котель, изъ котораго онъ ѣлъ и пилъ, но его продырявятъ; наконецъ приведутъ тѣхъ оленей, на которыхъ онъ ѣздилъ, и ихъ задавятъ. Рога отъ оленей воткнутъ въ могилу, а мясо уносятъ въ чумъ для ѣды; послѣ живыхъ жертвоприношеній начинаютъ всѣ, сколько ихъ присутствуетъ при похоронахъ, ругать смерть, поясняя, что ты смерть—поганая, отобрала отъ насъ нашего брата или отца, и послѣ этихъ словъ каждый придумываетъ ругань самую злостнѣйшую, самую нескромнѣйшую. Когда же кончатъ ругань, то обращаются къ мертвецу и просятъ у него, чтобы онъ не сердился на нихъ; тутъ высказываютъ ему, что они его любятъ, что они ему отдали все, что у него было при жиз-

ни, и что смерть ругали за то, что она украдала его отъ нихъ; послѣ всего этого возвращаются въ чумь, гдѣ ѣдятъ мясо задавленныхъ оленей. Если же послѣ смерти самоѣда осталась жена или дѣти, то они дѣлаютъ куклу на подобіе умершаго, одѣваютъ ее въ такую одежду, въ какой ходилъ заживо покойникъ. Жена посадить эту куклу возлѣ себя. Если всѣ ѣдятъ, то и куклѣ тоже положить кушанья въ корытце. Къ ночи, эту куклу жена раздѣваетъ и ложится съ нею спать. Однимъ словомъ, съ куклой дѣлаютъ все то, что дѣлалъ при жизни покойникъ,—и эти церемоніи продолжаются болѣе года, что у нихъ считается трауромъ. Если приснится кому-нибудь покойникъ, то сейчасъ же на другой день приносятъ ему въ жертву оленей. По понятіямъ самоѣдовъ, по смерти самоѣду предстоитъ лучшая жизнь: онъ проживаетъ гдѣ-то надъ ними за моремъ вмѣстѣ съ нумомъ (Богомъ), постоянно торгуетъ, пьетъ вино; владутъ же мертвому разныя вещи потому, чтобы ему въ загробной жизни была готовая одежда и все то, что онъ любилъ. По понятію самоѣдовъ, каждая вещь и существо, уничтоженное на землѣ въ память усопшаго, переходитъ во владѣніе его лучшимъ и пріятнѣйшимъ для загробной жизни.

5. Тещи самоѣдовъ ужасно любятъ нѣжить своихъ снохъ, а особенно, если сноха скоро послѣ свадьбы почувствуетъ себя беременною; съ нетерпѣніемъ ожидаютъ младенца, ворожатъ, кого нумъ имъ дастъ, приносятъ жертву, чтобы нумъ далъ имъ непремѣнно сына. Когда же наступитъ время родовъ, то, чтобы родильница не переносила сильныхъ болей и родила младенца благополучно, прибѣгаютъ къ слѣдующему симпатическому средству. Какая-нибудь старуха спрашиваетъ родильницу—не имѣла ли она любовной связи, кромѣ мужа, со сторонними лицами до замужества и въ замужествѣ? Подобную же исповѣдь старикъ принимаетъ отъ мужа родильницы, съ прибавленіемъ—не имѣлъ ли онъ совоупленія, кромѣ женщины, съ суками и оленями? Каждый грѣхъ старуха и старикъ отдѣльно и секретно завязываютъ на шнурочкѣ узелкомъ. Послѣ этого складываютъ шнурочки вмѣстѣ и дѣлаютъ сравненіе грѣховъ, кто по количеству грѣховъ

Самоѣдскія похороны.

больше нагрѣшили; разность грѣховъ отрѣзываютъ и кладутъ на дѣтородныхъ частяхъ родильницы. Отъ этого симпатическаго врачеванія, увѣряютъ самоѣдки, бываетъ всегда легкое, почти нечувствительное разрѣшеніе отъ бремени, лишь бы только объявившіе свои грѣхи не скрывали ихъ и чистосердечно сознались въ нихъ, и чтобы эти грѣхи сильными узлами были привязаны къ шнурочку, по той причинѣ, что отъ разности грѣховъ родильницы и мужа ея, происходятъ трудные роды; но когда она и ея мужъ высказутся и старіеи привяжутъ ихъ грѣхи узлами къ шнурку, то этимъ не дозволятъ имъ возвратиться обратно къ нимъ и чрезъ это грѣхи родильницы не могутъ уже вредить рожденію младенца. Кладутъ же разность грѣховъ на дѣтородныя части собственно потому, что лишь эти части бываютъ поражены болѣзнью и чтобы грѣхи эти вмѣстѣ съ очищеніями родильницы, мѣстомъ ребенка, тотчасъ послѣ рожденія ребенка соединить вмѣстѣ и выбросить. Иныя самоѣдки, изъ остяцкаго рода, складываютъ всѣ нечистоты послѣ рожденія младенца въ берестяныя коробочки, плотно закупориваютъ ихъ и завѣшиваютъ по близости своего жилища на дерево; это дѣлаютъ по тому убѣжденію, чтобы всѣ боли, какія имѣла родильница, заключенныя въ означенную коробочку, разошлись по лѣсу и не возвращались болѣе къ матери родившагося ребенка. По этимъ вывѣсамъ въ остяцкихъ юртахъ можно безошибочно сосчитать, сколько каждый годъ въ юртахъ родилось младенцевъ.

РУССКО-САМОѢДСКІЙ
СЛОВАРЬ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

Ю. И. Кушелевскимъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Самоѣдское племя, постоянно уменьшаясь, клонится къ уничтоженію. Такой судьбы его въ недалекомъ будущемъ нельзя не замѣтить. Убѣждаясь все болѣе и болѣе въ этомъ фактѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія моего у самоѣдовъ, я предпринялъ трудъ составленія по возможности полного словаря самоѣдскаго языка, котораго по настоящее время нигдѣ издаваемо не было, на тотъ конецъ, чтобы тѣмъ доставить услугу не только филологамъ, но и потомству, для котораго сохранить память о народѣ, обитающемъ на берегахъ Ледовитаго моря въ глубокомъ сѣверѣ, — дѣло не маловажное.

Въ видахъ же, облегчающихъ изученіе самоѣдскаго языка, долгомъ считаю предпослать слѣдующія мои замѣчанія:

Трудность изученія этого языка состоитъ въ произношеніи словъ, которыя самоѣдъ выговариваетъ быстро и въ носъ, такъ что слухъ безъ привычки не въ состояніи отдѣлать слово отъ слова. Сверхъ того, подчинить этотъ языкъ какимъ-нибудь грамматическимъ правиламъ весьма трудно. Имена существительныя, прилагательныя и мѣстоименія не склоняются, ихъ дѣйствія опредѣляются предлогами; нѣкоторыя существительныя производятся отъ прилагательныхъ и глаголовъ, чрезъ прибавленіе къ нимъ окончаній: *совой* или *ненецъ*. Нѣтъ словъ, которыя начинались бы буквами: б, д, ж, з, р, ф, ч, ш, щ, ѣ, э. Всѣ слова самоѣдскія за неболь-

шимъ исключеніемъ, если начинаются согласною буквою, то первый слогъ его состоитъ изъ сочетанія съ гласной буквой и наоборотъ, а потому слоговъ: дра, бра, мра, тра, шра, хра, бре, вре, гри, бри, бро, бру, мру и т. п. нѣтъ. Глаголы въ неопредѣленномъ наклоненіи оканчиваются на ванъ, данъ, манъ, эдъ и пр. Спряженіе ихъ состоитъ въ томъ, что къ корню слова прибавляютъ слѣдующія окончанія: въ настоящемъ времени ггумъ, тамъ, бимъ, нумъ, ма, да, та, ха, на; въ прошедшемъ времени: усь, гахъ, атъ, авъ, вась, емъ, вимъ, бись, дисъ и пр.: въ повелительномъ наклоненіи; адъ, едъ, идъ, ай, ечь, ардъ, ердъ, ель и пр. Изъ этого общаго правила есть многія исключенія, измѣняющія не только окончанія глаголовъ опредѣленнаго наклоненія, но и самъ корень глагола при спряженіи, и такимъ образомъ составляютъ какъ бы особую форму спряженій неправильныхъ глаголовъ, *наприм.*

<i>неопред. накл.</i>	<i>настоящ.</i>	<i>прошед.</i>	<i>повелит. накл.</i>
сяшанъ—миловать.	сяшь.	сяксамя.	сяй.
сюртеванъ—пряхъ.	сюртебимъ.	сюртевъ.	сюрнадъ.
сапкованъ—копать.	сисіива.	силовась.	сидъ.
сэйванъ—скриваться.	сея.	сэясъ.	сэяе.
сянукуванъ—играть.	сянукупумъ.	сякугусавъ.	сякугудъ.
и проч. и проч. и проч.			

Буква *В* не можетъ быть выговариваема въ концѣ глаголовъ въ прошедшемъ времени, а вмѣсто ея правильнѣе соответствуетъ самоѣдскому выговору греческая буква *Υ*.

Буква *Г* на концѣ словъ не можетъ выразить звуковъ самоѣдскаго языка, недостатокъ этотъ можно исправить выговариваньемъ вмѣсто *Г* греческой гаммы.

Изъ русскаго языка или, правильнѣе, отъ сношеній съ русскими, самоѣды заимствовали слова: аршинъ (аршинъ), якорь (якорь), мыла (мыло), сюлки (чулки), торово (здорово) и проч.

А.

- Аамси**—буликъ.
Адимапъ—подыматься.
Адимдеванъ — показы-
 вать.
Агаръ—вислоухій.
Айбей—сырой.
Алагунъ - шопъ — доща-
 никъ.
Амга-куче—вотъ каковой.
Амгари—сортъ, манера.
Амгари—ничто.
Амгауна—за что, на что.
Амгыри—что-ли, кто-что?
Амгэ—зачѣмъ, за, для, что,
 ворона.
Амгэгэтонъ—почему.
Амзэ—для чего.
Анггу—нѣтъ.
Анжи—передъ.
Аниамге—еще что.
Ани-ненечъ—другой чело-
 вѣкъ.
Ани-поуна — на другой
 годъ.
Арка—большой.
Арегану—судно.
Арка - сеудалопа—рѣч-
 никъ, родъ мирожи.
Аршинъ, аршинъ.
Аршинъ - хейвцелей —
 пол-аршина.
Атебе—долгъ.
Атебе-неначъ — должникъ.
Аука—доморощенный олень.
Ачики—ребенокъ.
Ачикимбой—молодой.
Ачикипузова — гнилое
 дерево.
Ачивъ—маленькій.
Ашимбиръ—сволько.

В.

- Ва**—огородъ, засѣка.
Вабырка—тюлень.
Ваггалманъ — блудодѣй-
 ствовать.
Ваггалтъ — растлѣвать ,
 протыкать.
Ваггорга—яръ.
Вагъ—яма, нора.
Вагъ-совой — крутой
 глубокой.
Вадаберте—переводчикъ.
Вадаванибе—мать.
Вадованъ—родиться.
Валкада—только.
Ванзеръ-иле—противный
Вантеръ — задняя часть
 легкой карты.
Вану—обручъ, корень.
Ванугарчи—дорогая тра-
 ва, сассапариль.
Вану-мегаръ—корга.
Вану-пой — разстояніе въ
 лодкѣ между коргами.
Вану-совой—съ корнемъ.
Ваштеванъ—опрокидывать.
Ваштевы—опрокинуто.
Варкеча—мизинецъ.
Варкъ—бѣлый медвѣдь.
Варнэ—ворона.
Варъ—край, опушка, об-
 ложка.
Варэпъ-иле—едва, лишь;
 едва живъ.
Ваттурманъ—общать.
Ваттурмы—завѣтный.
Венеко—собака.
Венованъ—вытягиваться.
Вентогаремъ—по собачьи
Вештый — раздражитель-
 ный, сердитый.

Ветванъ—наставлять, спрашивать.
Вода—крюкъ; слово, рѣчь.
Водаванъ—показывать, наблюдать.
Водермы—горбъ.
Воево—вода; непостоянство, вздоръ.
Вое-гэ см. **Гэси**.
Возеймы—пожилой.
Войво—худой.
Воманъ—обезсилить, ослабить.
Вомдаванъ—испортить.
Вора—морской гусь.
Воренъ—несовѣтъ, чуть.
Воръ—грязь, сажа.
Воръ-совой—грязный, замаранный.
Вота—лишній.
Вотирманъ—уговаривать.
Вунгалыванъ—утомиться.
Выггаливанъ—разтегивать.
Выгъ—частый; широкій, пустой.
Вудуманъ—испытывать, осматривать.
Выдыманъ—рости.
Вые—кровь.
Выерманъ—гнутья.
Выерыванъ—загибаться.
Вые-совой—кровяной.
Вынолтованъ—пугать, прогонять.
Вэба—листъ.
Вэбатамдъ—вѣтвь.
Вэдгэ—боязливый.
Вэейманъ—старѣться.
Вэеко—старецъ.
Вэнедгамъ—тянуться.
Вэнзахадъ—широкъ (двубая утка).

Вэнолованъ—пугаться.
Вэнъ-подеръ—собачья упряжь.
Вэнъ-хеу—денежка.
Вэтэванъ—продѣлывать.

Г.

Гаажурка—см. **Гаана**.
Гаана—далеконько.
Гааттомъ—издалека.
Гаворманъ—ѣсть.
Гаглаванъ—кормить.
Гагу—птица.
Гагы-серъ—древность.
Гадиванъ—явиться.
Гадиманъ—прибывать.
Гадимдеванъ—уступать, удрѣлять.
Гадортаванъ—разорвать.
Гадъ-пя—черемховое дерево.
Гадя-я-дартэ—ввиду, видимо.
Газжда—до.
Гай—тѣло.
Гайламба—медленный.
Гайманъ—жиртъ, терпѣть.
Гаймы—жирный.
Галипе—краска.
Гамдей-адиванъ—зеленѣть.
Гамдей-адимы—травазеленѣть.
Гамдетованъ—садить, родить.
Гамлесъ—санки.
Гани—еще, опять, снова.
Ганина—когда-нибудь.
Гани-серъ—иначе.
Гану—лодка.
Гану-лабэ—руль.
Гану-пя—осина.

Гану-тадъ — поперечины
 въ лодкѣ.
Гану-тупка — плотникъ.
Гану-хаде — смола.
Ганъзи — моча.
Гаптръ-мы — вкусъ, за-
 пахъ.
Галтъ — челябуха.
Гартій — морской заяцъ.
Гатеванъ — медлить.
Гаунанда — издревле, из-
 стари.
Гаунгуръ — прежде.
Гауно — сверхъ, черезъ.
Гаунъ — безъ, кромѣ.
Гачики — молодой.
Гая — жирный.
Гедароманъ — выпустить.
Гедорованъ, см. **Гендер-**
манъ.
Гейведаванъ — приставать.
Гендерманъ — стрѣлять;
 спускать.
Германъ, см. **Герпимъ**.
Герпимъ — пить.
Геръ - мерче — сѣверный
 вѣтеръ.
Гесо — козаною.
Гече — мѣшокъ.
Гій — зять.
Гійнивово — скорбѣть.
Ги — толкъ, умъ.
Гибета — умный, толковый.
Гибидарманъ, см. **Гиво-**
ванъ.
Гибита-ненечъ — умница.
Гигованъ — думать.
Гилтаванъ — ворожить.
Гимбетъ — тесть.
Гимбетъ-пууча — теща.
Го — островъ.
Гобъ — рукавица.

Говормадовой, см. **Го-**
ворси.
Говорси — голодный.
Говоръ — пища.
Годе — ягода.
Годеко — бисеръ.
Гоманъ — смѣшаться.
Гомдаванъ — соединяться;
 сидѣть.
Гомдванъ — присѣсть.
Гоме, см. **Гымда**.
Гоо — сурикъ.
Гоптеу — душно.
Гормыжда, см. **Гымда**.
Госкари — ненадолго, на
 часть.
Готованамбимъ — мѣшать,
 молотъ.
Готованъ — красить.
Готэванъ — обозначать.
Гу — слѣдѣ; шесть для вѣ-
 шанья.
Гуда — рука; дорога.
Гудакдеръ — взятка.
Гудатидъ — накладва на
 рукъ, употребляемая при
 стрѣльбѣ съ лука.
Гуды-езе — кольцо, служа-
 щее самоѣдамъ для укра-
 шенія рукъ и игрушкою.
Гуды-лапчеко — ладонь.
Гуды-лэ, см. **Гуды-чей**.
Гуды-си — безрукій; безъ
 дороги.
Гуды-чей — локтевая и пле-
 чевая кость.
Гули — совсѣмъ, вовсе.
Гумъ — сѣно.
Гумъ - мадаванъ — сѣно
 косить.
Гунгъ-поре — желѣзная
 стрѣла, копье.

Гуону—гусиный носъ; ку-
ла.
Гутто—парта для перевоз-
ки чума.
Гуудъ—верхняя губа.
Гыдованъ—вѣсить.
Гыдовы—вѣшенный.
Гыдыманъ—выходить,
появляться.
Гыдюпея—ручка у котла.
Гыльняна—внизъ по те-
чению рѣки.
Гыльняю—далеко; низкій;
меньшій.
Гымда—титька, грудь.
Гында—охотничій лукъ.
Гынь—тетива.
Гэ—нога.
Гэвотиванъ—голову че-
сать.
Гэда—ну-что; ну-но.
Гэданзи—другъ, подруга.
Гэдапсе—вожакъ, провод-
никъ.
Гэдаптаванъ—посылать.
Гэдаптавы—посланный.
Гэдензи—распутная жен-
щина.
Гэдованъ—пускать, отпу-
скать.
Гэведолованъ—усмирать.
Гэень—пята у ноги.
Гэйво—голова.
Гэйвохавраванъ—накло-
нять, нагибать.
Гэйвохаурованъ—умо-
лять.
Гэптъ—волосъ.
Гэре—осень.
Гэрнованъ—храпѣть.
Гэси—безногий, хромой.
Гэсо—суставъ.
Гэсовой—ходокъ.

Е.

Егге—шагъ.
Еге—маленький ручей.
Егованъ—терять.
Егу—слой.
Едай—новый.
Едей—спускъ, скать; кру-
той.
Едима—бревно.
Едимей-пеле—чурбанъ,
пень.
Едъ—котель.
Ее—пюча (покрывало чума).
Езе—копѣйка; желѣзо.
Езе-едъ—желѣзный котель.
Езе-мукуда—желѣзная
труба.
Езерманъ—бродить.
Езепаны—кольчуга.
Езеръ—гладкое, чистое мѣ-
сто возлѣ рѣки.
Езе-се—желѣзный горнъ.
Езе-яггу—капканъ.
Еирано-неначь— незна-
комецъ.
Ельчеванъ—мѣра.
Ельчевы, см. **Ельчъ**.
Ельчъ—сноровка.
Емневанъ—починять пла-
тье, штопать.
Ена—осетръ.
Енаню—стерлядь, коришъ.
Енги, см. **Еръ**.
Енда-си—медленное тече-
нiе.
Енда-сюра—круги на водѣ
отъ быстрого ея теченiя.
Енедерманъ—лягаться.
Енеме, см. **Еньма**.
Енея-неначь, см. **Ерем-**
беда.

Еникоко - ень — спобой-
ствіе.

Енидаванъ — учиться.

Енне — блокъ при упряжи.

Енново-пазъ — борозда,
разрывина.

Еномбина — потихоньку.

Енорманъ — толкать кого,
пихать.

Ентъ — быстрина.

Енумбоуна — тихо, смир-
но.

Ень — конопля.

Еньма — заплатка.

Енюванъ — приставлять.

Епсъ — колыбель, зыбка.

Епсэсе — полукругъ у само-
ѣдской зыбки.

Епя — сосна.

Ераго, см. **Ерей-табъ-го**.

Ерванъ — вронть.

Ерводаванъ — гордиться.

Ерву — хозяинъ.

Ергуда — средній палець.

Ерде, см. **Еръ**.

Ере — глубина.

Ере — животное длинношер-
стное.

Ереггода — пята.

Ереггуванъ — стеречь, ка-
раулить.

Ерей-табъ-го — песчаный
островъ.

Ереманъ — жену братъ,
случаться; захватывать; до-
ставаться.

Ерембеванъ — ожидать.

Ерембеда — караульный.

Еромбой — глубокий.

Еремдеванъ — удержи-
вать.

Еркеарадъ, см. **Еркеръ**.

Еркеръ — полоса, рядъ.

Ерманъ — ловить рыбу не-
водомъ.

Ернага, см. **Еръ**.

Ерчь-погга — неводъ.

Еръ — середина, средній.

Есей — скобель.

Есеманъ — строгать.

Есеръ — парусъ, пологъ.

Есъ — петля.

Ехо — берега.

I.

Ю — зять.

II.

И — вода.

Ибамерче — теплый вѣ-
теръ.

Ибе — клей, клейкій.

Ибеми — тепло стало.

Ибетаванъ — клеить, при-
ставать.

Иггыня — росомаха.

Игипчь — пила.

Иглеръ — заберсги.

Идеръ — пузырь.

Идерча — щекуръ (рыба).

Идю — кишки.

Икле — шейная кость.

Икъ — шея.

Икъ-тенъ — станова яила.

Икъ-тогоча — галстухъ.

Икъ-хара-лэ — ключица.

Иламанъ — нести.

Иле — чистый.

Илеванъ — бывать, быть;
ожидать.

Илевы — при жизни.

Илена — живой.

Иленапа — ключъ; предъ-
идущій.

Илена-садой — живой дья-
воль.

Илена-хале—живая рыба.
Иле-юръ—чистый жиръ.
Иликъ—жидкій.
Илипти—имѣніе.
Илипча—дикій олень.
Илманъ—поднимать.
Ильтаванъ—пѣть при во-
 рождѣ.
Имбытъ—рубаха.
Инда-манзара—вздоръ.
Индамписе—кротъ.
Инда-хаэ—душа вышла.
Индъ—душа.
Ине—возжа.
Ине-едаюкъ — новость;
 веревка.
Ирдъ—прямой, прямо.
Ири—дѣлѣ, предокъ; луна.
Иртну—прямо, стойкомъ.
Иртышлеванъ — усили-
 ваться, стремиться.
Иръ-таремъ-гу—ну; уже.
Исельманъ—обезумѣть.
Ите—заводъ.
Итегоптени—море.
Итсовой, см. Сангой.
Ихъ-ямъ—острохвость (ут-
 ка).

К.

Камга-того—шелковая ма-
 терія.
Коле—зоркій.

Л.

Лаача-совой — бугорча-
 тый.
Лаачъ—бугоръ.
Лабарованъ—осыпаться.
Лабе—весло.
Лабендалота—перо у ве-
 сла.

Лабеттаванъ—грести ве-
 сломъ.
Лабэсаль—окрючна.
Лаганаванводе — сказы-
 вать.
Лаганованъ — говорить,
 разговаривать.
Лаганъ—разговоръ.
Лагы—кочка, бугорокъ.
Ладаванъ—бить, наказы-
 вать ударомъ.
Лакари—вдругъ.
Лакари-монеттъ — скоро
 смотри.
Лакомбой — еще здрав-
 ствуй.
Ламба-ине—черень ножа.
Ламбей — широкая кость
 роговъ оленя.
Ламбераманъ — дѣлать
 однокопитъ.
Ламси, — куликъ щebetунъ.
Лапгой—плоскій.
Лапта—стѣнь.
Лаптай—ящикъ.
Ларецъ—ящикъ изъ бѣлой
 жести.
Ларъ—ершъ.
Лата—доска.
Латаку—лопатка.
Латта—широкій.
Лезай, см. Лясой.
Лемуръ-оде — княжница
 (ягода).
Лиденекъ—бобровая струя.
Лимбепри — время года,
 совпадающее съ нашимъ
 мѣсяцемъ мартомъ.
Лидягъ—боберъ.
Логгай—пуговица; кусокъ.
Логгманъ—книжка.
Лого—косякъ; уголь; заго-
 родка.

Логонернич — передній уголь, почетное мѣсто.
Логорманъ, см. **Лорчъ**.
Ломдукъ — низкій.
Лорней — лугъ, долина.
Лорчъ — бѣжать, течь.
Лукъ — тетерь.
Луце-хемде — курица.
Лыггерованъ — спрятаться.
Лызо, см. **Лысю**.
Лымберъ — глина.
Лымбора — грудь.
Лынду — тушица.
Лысю — язь.
Лэ — кость.
Лэбортъ — слабый, несостоятельный.
Лэдванъ — хромать.
Лэймованъ — разоряться.
Лэкъ — ярь.
Лэкэптаванъ — колоть.
Лэмборанда — ложечка, грудь.
Лэмборануа — задъ.
Лэмбора-совой — грудистый.
Лэмдалягъ — гибкій.
Лэмугъ — кпстенъ, наколчннкъ стрѣлы.
Лэраванъ — пугаться.
Лэтманъ — хранить, беречь.
Лядванъ — колотья.
Лядчей — щель, отверзтіе.
Лярса — мизгирь.
Лясой — развалистые оленье рога.

М.

Мага — спина.
Мага-лабе — двух-перое кормовое весло.

Магалы — спинная кость.
Магалэ — позвоночный столбъ.
Магбеда-ненечъ — зло-счастнй.
Магбедеванъ — затрудняться, нуждаться.
Маггуванъ — нуждаться.
Магкъ-бе — бѣдность.
Магкъ-беди — бѣдный.
Магэдь — замшевыя пшмы (сапоги).
Мадерманъ — замедлять.
Мадеръ — подпорка.
Мадованъ — рѣзать, отрѣзывать.
Мадорманъ — удерживать, оберегать, защищать.
Мадэрманъ — подпирать; лаять.
Мае — мука, мученіе, наказаніе.
Маеванъ — мучиться, изнуряться.
Маедаванъ, см. **Маеванъ**.
Маенда — маленький.
Маенда-неесечъ — маленький ребенокъ.
Майнамъ — радоваться.
Маймби — удовольствіе, радость.
Маканъ, см. **Маканэ**.
Маканэ — пазуха.
Малагоде — водяница (ягода).
Малбой — совсѣмъ.
Малеванъ — пополнять, успѣвать; довольствоваться.
Малованъ — надломаться.
Малтованъ — искать.
Маль — конецъ; безъ при-мѣн.

Маль—весь, каждый, всякий.
Мальче—малица (одежда).
Мампсеванъ, см. **Матидеванъ**.
Манаманъ—разобрать, растолковать.
Мандаль—пучъ, связка.
Манзадаванъ—катиться.
Манзодиванъ—трогаться съ мѣста, шевелиться.
Манзоптаванъ—двинуть.
Мануманъ—привязывать за ноги.
Маныванъ—видѣть, наблюдать.
Мань—я.
Мара—край, берегъ.
Марги-лэ—ключевая кость.
Марманъ—оставаться; грабить, отнимать.
Марне—загорода.
Маръ—губернскій городъ.
Мась—достаточно, довольно.
Маталовомя—бакъ.
Матертованъ—брить.
Матидеванъ—втыкать, вбивать, прокалывать.
Маторманъ—вырѣзывать.
Маттель-гейвы—хитрый.
Мать—шесть.
Мдарманъ—дрожать.
Мель—искусникъ, мастеръ.
Мере—рана.
Меремби—застарѣлая рана.
Мересовой—паршивый,
Мери—безъ сноровки.
Меру—парши, короста.
Мерче-берте—бекасъ.
Мерчембой—прохладный вѣтеръ.

Мерчи-ненче—наибѣстникъ, преемникъ.
Месерь—гисти.
Месерь-ханъ—нарта, даваемая въ приданое.
Минзаранъ—работникъ.
Минъ—на проходъ.
Минханда—мимо.
Минхемда—тотчасъ.
Мирванъ—мастерить.
Мире, см. **Миримы**.
Миретя—кручатая мука.
Мирехасовой—гнойный, гнилой.
Миримы, см. **Миритте**.
Миритте—дорогой, дорого.
Мирманъ—упорствовать; дѣлать.
Миръ—цѣна.
Миръ-си—дешевый; безъ найму.
Мирюй—своеспавный, упрямый.
Митванъ—отдавать.
Митлеванъ—продавать.
Мичтованъ—давать.
Мо, см. **Му**.
Могаси—сутулый.
Могбеа—пужный, нуждающийся.
Модко-ненечъ—сирота.
Модованъ—ягоды брать.
Мое—крѣпкій.
Моеванъ—бросать, стрѣлять.
Моерованъ—утвердить, укрѣпить.
Мозамбиръ—посредственный.
Мозованъ—замазывать, забрызгивать.
Мойнямна—внутри.

Молеванъ — ломать.
Мелльберманъ — изломать-ся.
Молкъ — комолый, безрогий.
Мондалуй — шаръ, бругъ.
Монзарованъ — работать.
Монзэгкъ — холка.
Монзэгъ-лэ — бедра.
Моньрманъ — вертѣться.
Мора — олений рогъ.
Мораяна-ханъ — прибрежный.
Моронга — морощка (ягода).
Мосовой — суковатый.
Мосэй — щеголь.
Мотидевымитаня — колотье.
Моторманъ — рубить.
Моттадеванъ — колоть.
Мотурманъ — отрѣзывать.
Мотъ — шесть.
Мотъ-ягга — шестнадцать.
Му — суекъ.
Мугга-нитти — развиллина;
Мугкъ — дробь.
Мукуда — передний шестъ чума.
Муначь, см. **Мунзь**.
Муначь-совой — борода-тый.
Мунедей — брюхатый, бе-ременный.
Мунзь — борода.
Мунзюманъ — молчать, умалчивать.
Мунзяно-ненечь — молча-ливый.
Мунованъ — гремѣть.
Муноманъ — звучать.
Муноптованъ — валить.
Мунорманъ — падать.
Мунтса — усы.

Мунъ — громъ, звукъ; го-лость.
Мунъ-совой — громовой, звучный.
Мунъ-ха — слухъ.
Мыванъ, см. **Мэчь**.
Мыгдъ — печенка.
Мыдованъ — мять.
Мыдеванъ — выдѣлывать.
Мыла — мыло.
Мыргой — наледь.
Мырней — упрямство.
Мэбеныгы — сила, крѣ-пость.
Мэбето-неначь — крѣпкій, ядрѣный.
Мэванъ — власть.
Мэдванъ — хромать.
Мэдна — хромота.
Мэйдна-ненче — хромою.
Мэта-ненечь — трубочникъ.
Мэчь — брать, взять.
Мюдахъ-ханъ — обозная парта.
Мюдь — обозъ.
Мюймны — внутри.
Мюнко — нияняя юга (покрывало чума).
Мядарцы — подарки.
Мяде — чумовище, чугоръ.
Мядимярманъ — гостить.
Мядимярта-ненечь — гость.
Мядимярта-нэ — гостья.
Мядимярцы — гостинцы.
Мядлатъ — поль.
Мядьмарчъ — пировать.
Мякиче — спальныя пшмы (туфли).
Мяреко — выдѣланная оле-нья кожа, замша.
Мярико-ине — ремневая веревка.

Мярованъ—петлю ставить.
Мярягкъ—кругъ свернутаго аркана.

II.

Набако-чага — древесная губка, наростъ на деревѣ.
Навелепчъ-пя—шесть.
Наволманъ—скрестн.
Нагаде—цѣлый.
Нагаръ—кедровый орѣхъ.
Надъ—изъ, отъ.
Наеванъ—мыться.
Накалованъ — рваться, отрываться.
Накладъ—убытокъ.
Намдаванъ—слушать, выслушивать.
Намдованъ—слышать.
Намедованъ — затыкать, пихать.
Наны—холостой.
Нара—весна.
Наре—весеннее время.
Наре—бубны (въ картахъ).
Наредованъ—весновать.
Нареко, см. **Нарэ**.
Наро—моржъ.
Нарэ—пасть.
Не—дверь.
Небе—мать.
Небесовой—материнскій.
Небой—прошлогодній, въ прошедшемъ году.
Небъ, см. **Неда**.
Неваръ-пя—дверная колода.
Невой—проливъ.
Невой-тюкунту — сюда иди.
Негованъ—потѣть.
Него-и—потъ.

Неголта—соръ, дрязгп.
Неголь—грязь.
Неголь-совой — грязный, страшный.
Неда—дорога.
Недволевы-мале—нанявшійся, наемщикъ, работникъ.
Недвотана-не — работникъ.
Недованъ—помогать, догонять.
Недоволеванъ—наниматься.
Недорма-сово—твердый, торный.
Недорта—большая дорога.
Недябеси—дешевый.
Нейэ—отелиться.
Нека—вотчимъ; старшій братъ.
Нелико-неначъ—маленькій человекъ.
Нелико-нюде—маленькій, малый.
Нелико-серъ — маловажность; новость.
Нелкъ—икры у ногъ.
Нельтеванъ—обольщать.
Нельтеванъ—теребить.
Нельтевы-серъ-адимы-искушеніе.
Нельтованъ—искушать.
Неме—сонъ.
Ненай-езе — серебряныя деньги.
Ненамдованъ—сердиться.
Неначъ—человѣкъ.
Нендамы—запуганный.
Нендарча-ине — веревка для привязыванія блоковъ къ нартъ.

Нендевода—крюки у дверей (петли).

Нендомэванъ—узнавать.

Ненду—знакомый.

Ненегкъ—комарь.

Неней—гагара.

Нензакада—пухъ.

Ненземанъ—выпрямиться.

Нензерчь—деревянное кольцо.

Нензета—свободный, не связанный.

Нензъ—плесо.

Нензэдъ—выдра.

Нензямбой—точно, дѣйствительно.

Ненко—длинное и узкое озеро.

Ненчимъ—сердиться.

Ненъ—не, нѣтъ.

Нерки-пя—таловое дерево.

Нермя—прорубь.

Нерня—впередь.

Нерняю-ханъ—ступай впередь.

Неро—тальникъ; палка.

Неро-симдетъ—таловые листья.

Нерочъ-сертовой-попа-запоръ.

Нерте—зародышъ въ яйцѣ.

Неру—прутья.

Неруй, см. **Неро**.

Нерьъ—хрящъ; вязига.

Неубя—плата.

Неубя-си—безъ платы.

Неуттарманъ—скакать, бѣгать.

Неэ—налимъ.

Неюре—подруга.

Неяу—мачиха.

Нибе—иглолка.

Нибе-погга—игольное ушко.

Нибича—мизгирь.

Нибырю—мошка.

Нигалманъ—тянуть.

Нигкванъ—раздергивать.

Нигоди—сохранно.

Низяу—отецъ.

Ни-ине—поясъ (женскій).

Никылманъ—отрывать.

Нильманъ—строгать.

Ниманъ—родить.

Ни-мара—поясъ (мужскій).

Нимдеванъ—называть, давать имя.

Нимедованъ—сбить съ мѣста.

Нинеде—своякъ.

Нинзема—молодое перо.

Нирды—рогъ на лбу оленья.

Ниръ—черень, рукоятка.

Ного—песецъ.

Ногодихаеванъ—пополняться.

Ногоптованъ—вздергивать.

Нодеовой—неряха.

Ной—сукно.

Нойманъ—рубль.

Номки—двухгодовой.

Нора—копье.

Норе—обосѣчное остріе стрѣлы.

Норомъ-латта—пристань.

Норметты—морской гусь.

Носкопты—мерзость, мерзкій.

Нуванъ—стоять.

Нукудъ—зыбка.

Нултаванъ—останавливать.

Нумбону—радуга.

Нумгу, см. **Нумгы**.
Нумгы—звѣзда.
Нумсида — безымянный палець.
Нумъ—Богъ, небо, сводъ небесный.
Ныгиси—безсильный.
Ныгисовой — крѣпкій, сильный.
Ныгита-ненечъ—снлачь, бузнь.
Ныгындоця—чрезмѣрно.
Ныгыта-и—крѣпкое вино, спиртъ.
Ныгы-яггу—возможность.
Ныдманъ—разорвать.
Ными-яггу, см. **Нындовой**.
Нындовой—безсильный.
Нэ—женщина.
Нэванъ—отпирать.
Нэпеванъ—жениться.
Ню—сынъ.
Нюде, см. **Нюкуче**.
Нюде-маняръ—кое-что.
Нюде-нюми — младшій сынъ.
Нюде-палпау—младшій братъ.
Нюкуче—младшій сынъ; дѣтенышъ; яйцо.
Нюмде—ня.
Нюрчеванъ—хвалить, поощрять.
Нюрчемъ—шутка.
Нюрчемя—забава, прихоть, пріятность.
Нюръ—верхняя покрытая чума.
Нючеванъ—цѣловать.
Няби—второй.
Няби-няна—будущій годъ.
Нябы—утка.

Нябы-берчь — кыканъ (рыбья съть).
Нябыко—старшая сестра; тетка.
Няво—заяць.
Ня-гуда—челюсть рыба.
Няда—олений мохъ.
Нядиванъ—помогать.
Нядованъ—запасаться.
Нядэдъ—помощь, пособие.
Някъ—ворвань, нерпа.
Нялико—поваренка.
Нялкеванъ—выдерживать.
Нялорманъ—ползать.
Нямванъ, см. **Нямованъ**.
Нямдъ—рогъ.
Нямдъ-совой—рогатый.
Няме-мое—твердыня.
Нямза-гэй—съть.
Нями, см. **Нятао**.
Нямованъ—держать.
Няморча—клепцъ.
Нямю—языкъ; обманъ.
Нянко—брюшина.
Нянь—хлѣбъ.
Нянь-сей—мякшиъ хлѣба.
Нянь-сябъ—хлѣбная корка.
Няра—мездра.
Няргалода — поперечна; перешеекъ.
Няргалы—поперечный.
Нярове-едъ—мѣдный котель.
Нярове-езе—мѣдныя деньги.
Няромда-пеле — два съ половиною.
Нярсу—болотный, бѣловатый мохъ.
Няръ—три.
Няръ-ю—тридцать.
Няръ-я—красный.

Няръ-ягга — тринадцать.
Няръ-яна-годе — брусени-
ка.
Няръ-яна-венай — золо-
то.
Няръ-яна-тене — бѣлодуш-
ка (лисица).
Няръ-яна-хале — кунжа
(рыба).
Нясорманъ — скользить.
Нясѣдаванъ, см. **Нясор-
манъ**.
Нятао — друзья, товарищи.
Нятванъ — прикасаться.
Няуды — незаконно-рожден-
ный.
Няулы — челюсть.
Няусово-ты-тэрэдъ —
выбирать самого лучшаго
оленя.

О.

Оберманъ, см. **Оберчь**.
Оберчь — ворчать.
Обкана — дорога.
Обкона — вмѣстѣ.
Обкона-хаду, см. **Об-
ладъ-худо**.
Обладъ-худо — сплошной.
Объ — одинъ.
Объ-минхада — безостанов-
ки.
Объ-небе-ню — одноутроб-
ный.
Объ-серъ, см. **Окана**.
Объ-серъ-хулсалованъ —
смѣшивать.
Объ-таремъ-ю — такъ-есть.
Объ-тарче — подобный, та-
кой же.
Объ-теръ — одна рюмка.
Объ-ягга — одиннадцать.

Оде — корольки.
Окана — за-одно; смѣб.
Око — много, множество.
Олипава — крашеный.
Олипяванъ — красить.
Оль-гу — чумовыя палки.
Олька-пя — ольха.
Омдерчь, см. **Омдеръ**.
Омдеръ — стулъ, скамья.
Омза — мясо.
Омза-си — сухощавый.
Оневанъ — смѣшивать.
Опой, см. **Объ**.
Оягъ — рѣдкій.

П.

Паггалманъ — плѣсти ;
скать нитки.
Падаръ — бумага, внига,
буьва.
Падванъ — писать.
Паде — желчь.
Падеванъ — кружить, без-
повонтъ; пугать, прого-
нять.
Падерта — пеструшка (те-
терка).
Падеса — горечь, желчь.
Падлолманъ — втыгать.
Падначе — чернила.
Падолманъ — прямо ста-
вить.
Падорчи-харъ — черниль-
ница.
Падувы — пестрый.
Падувы-падаръ — пль-
менная внига.
Падувы-хале — окунь.
Падъ — оцешъ для вѣшанія
падъ огнемъ котла.
Падъ-ню — поперечныя
палки оцеша.

Паерманъ—добиваться.
Паерованъ—опухать.
Пазы—дѣтородныя части
самки, женщины.
Пай—кривой, непрямой.
Пайга—сырокъ (рыба).
Пайдово—ворота, входъ.
Пайды—щека.
Пакиды-гедоровы—по-
ношенная изодранная одеж-
да.
Палка—каль.
Палка-совой—калу по-
добный.
Палъ—сабля.
Паме—острие.
Паме-тупка—острый то-
поръ.
Панванъ, см. **Пандо-
ванъ**.
Пандованъ, см. **Пандэ-
ванъ**.
Пандэванъ—наполнять,
наполняться.
Панзе—воть.
Пансуй—осока.
Паны—шуба, платье, одеж-
да.
Паны-тагга—держатъ подъ
платьемъ, спрятать.
Папау—родственникъ.
Паппа—младшій братъ.
Параванъ—слежаться.
Паравъ—перегорѣлый.
Паравы-я—горѣлое мѣсто.
Параламанъ—спѣшить.
Парамвода—царь.
Пардокъ-сертаггумъ—
лекарство.
Паркаманъ—бродить.
Пармъ—собраніе, обще-
ство.

Пармы—путешественникъ,
попутчикъ.
Парованъ—горѣть, согрѣ-
ваться.
Пароде—черный.
Паттала—острякъ.
Паттана—писарь.
Паусими—вечерь.
Пебьяса—родные.
Педа—драка.
Педабирванъ—драться.
Пека—кожа съ ногъ оленя,
употребляемая на шимы.
Пеманъ—грузить, садить
кого къ себѣ.
Пендермванъ—стрѣлять
изъ ружья.
Пендованъ—треснуть,
лопнуть.
Пензеръ - ладаггумъ—
барабанъ.
Пензеръ - ладартаця—
барабанная щетка.
Пептованъ—опутывать.
Переня—родство.
Перенягахорованъ—по-
родниться.
Переняда—родственникъ.
Переняу—свать.
Пернь-хече—крестъ.
Пидагумъ—стельки.
Піяко—горностай.
Пи—почъ.
Пиву—шимы (одежда са-
моѣда).
Пиву-подерь—вставка въ
шимъ.
Пидванъ, см. **Пидеванъ**.
Пиде—птичье гнѣздо.
Пидеванъ—бриться.
Пиделманъ—мать.
Пидъ-нэпссааръ—бритва.
Пикичи—крестъ.

Пиле—оводъ.
Пили—прощай.
Пиме—мужскіе штаны.
Пинванъ—бояться.
Пинелинде—шило.
Пинерманъ—приготовлять
лѣсъ.
Пинъ—вонъ.
Пипте—губа.
Пирбе—обухъ ножа.
Пирдахванъ—превозмо-
гать, поборотъ.
Пиреванъ—варить, ки-
петь.
Пирече—высоко.
Пириште—дѣвочка.
Пирманъ—управляться;
переселиться.
Пированъ—готовить ку-
шанье, страпать.
Пиртиггусъ—кочерга.
Пирче—высокій.
Пирче-я—холмъ, куча.
Пирче—птичій цунокъ.
Пирю—только.
Писе—мыть.
Писовой-яле—сутки.
Пись—смѣхъ.
Письманъ—смѣяться, ра-
доваться.
Питтеванъ—теребить, обо-
значать.
Питтима—клеймой, тамга,
тавро.
Питорманъ—колотить,
шляться.
Питупмеванъ—клеймить,
значить.
Пи-эръ—полпочъ.
Погга—мирежа.
Поггайо—холстъ.
Подаръ—позументъ.
Подерманъ—запрягать.

Подеръ—имя.
Поды—перелѣсокъ.
Пое—опухоль.
Поибн—тьма, темно.
Пойда—разстояніе, проме-
жутокъ.
Покаль—завдвижка.
Поли—проницательный.
Понде—враждебный.
Поннивоманъ—ссориться.
Поны—полный.
Понырта—дѣланіе, вазаніе
мирежи.
Пора—корохъ.
Поръ-куль—пыжанъ (ры-
ба).
Порны—водяникъ, вода-
ной дьяволъ.
Порысь—свинья.
Пруна—къ, до, на.
Пугуча—жена, женщина.
Пугуча-совой—женатый.
Пудеко—малость, бездѣли-
ца.
Пудибтаманъ—смѣши-
вать.
Пуду—визига.
Пудъ-хана-гарчъ—борма.
Пуй—моль; еоръ.
Пулопто-пя—рея.
Пулѣнда-лѣ—колѣнная
чашка.
Пунараванъ—вѣрить.
Пуно—водяной мохъ.
Пуны—послѣ.
Пурованъ—плешивѣть.
Пусекъ—лоскуточекъ.
Пуска—лоскутъ; обрывокъ.
Пусъ-малъ—конецъ мыса,
подводная скала, коса.
Пут-манъ—дуть.
Путопча—мѣхъ.
Пууняны—позади.

Пучь-мерчеванъ — вѣтеръ дуетъ.
Пыдараванъ — торопиться, пороться.
Пыдыръ — ты.
Пыдыръ-идаръ — пускать, отпускать.
Пые — носъ.
Пыеда-муно — хралѣть.
Пыедованъ — чихать.
Пыеле — внизъ (къ мордѣ) опущенные рога.
Пыенда-си — поздрн.
Пые-си — безносый.
Пыре — щука.
Пыркаптамъ — подушка.
Пэ — камень.
Пэвэръ — трущоба, пропасть.
Пэгэ — позень (родъ суменой рыбы).
Пэдара — лѣсъ.
Пэдованъ — утомляться.
Пэй-мерче — западный вѣтеръ.
Пэй-сэу-тадъ — очни.
Пэмбуе — каменный мысъ, скала.
Пэндыня — возокъ, обозъ.
Пэнтюванъ — крутить.
Пэптереванъ — запутываться.
Пэптерманъ — запутывать.
Пэсверъ — густой, частый.
Пэсярка — стабанъ.
Пюванъ — исеать.
Пюггусъ — нарывъ.
Пюгъ — твердый мохъ.
Пюнгъ — багульникъ, кустарникъ.
Пя — дерево.
Пяванъ — приниматься.
Пягъ-гаръ — узкій ножикъ.
Пялованъ — намѣрить.

Пямадованъ — дрова рубить.
Пя-погга — морда; сѣть для ловли рыбы.
Пя-рипчежда — выпуклость.
Пя-рокоси — лыко, лубъ.
Пясижъ — защелка.
Пясовой — деревянный.
Пя-хабо — чайка.
Пя-юръ — деревянное масло.

С.

Са — сила, бурный.
Саальманъ — чершать.
Сабванъ — набивать.
Савне — сорока.
Саво — паводненіе.
Саггово — грузнуть, вязнуть.
Сагдапъ-деванъ — нагружать.
Сада — болото.
Садгалованъ — выворачивать.
Сайдованъ — заштопать, чинить, шить.
Сайндарчъ-туни — пушка.
Сала — глухой, дивій.
Салаба — ледъ.
Салабана-ханиманъ — обледенѣть.
Салабасовой — ледяной.
Салдаванъ — платить.
Сале — мысъ.
Салиба — гладко, скользко.
Салижъ — пень; лоботь.
Салмуй — ровный, гладкій.
Саль — столбъ, пень.
Саль-езе — наковальня.
Сальманъ — поворотиться.
Самальянъ — пять.

Самальянъ-ю-пятьдесятъ.
Самальянъ-юръ — пять-
сотъ.
Самальянъ-янга — пять-
нацать.
Саммадованъ — гладить.
Санаванъ-эггумъ — отка-
кивать.
Санванъ — рубить.
Сангой — мокрый, водяной.
Санорманъ — быстро ѣхать,
скакать.
Санарманъ — выскакивать.
Санарта — пляска.
Санювы — морщина.
Санюманъ — мотать.
Сао — гусиная голова.
Сапкованъ — копать, рыть
яму.
Сапэнованъ — рыться.
Сапкарнорманъ — копать.
Сапчерманъ — плевать.
Сапчесовой — слюнявый.
Сапчъ — слюна.
Сармикъ — волкъ; животное.
Сарню — яйцо.
Сарню-тасси — желтокъ.
Сарню-хамдуванъ — яй-
цо снести.
Сарю — задѣлка, вставка.
Сарюи-тиръ — туча.
Сарюманъ — задѣлать, до-
дѣлать.
Саттаванъ — зачерпывать.
Сатта-неначь — провор-
ный, удалый, честный.
Сачиняпте — весьма близко.
Се — горло.
Себъ — карманъ.
Севодаванъ — жалѣть, то-
сковать.
Севой — ноша, бремя, тя-
жесть.

Севольтованъ — обнимать,
схватить.
Севяко — лопатка (палка),
употребляемая при ходьбѣ
на лыжахъ.
Сегби — черная утка.
Сегга — колокольчикъ.
Сеггамунлованъ — зво-
нить.
Сеггуванъ — почесать.
Сегъ-аного — голубой пе-
сець.
Седе — шей, туманъ, кур-
жакъ.
Седеларованъ — куржать,
затумашиться.
Сеита-пэ — бутылка.
Сей — сердце.
Сейюре — сердечный другъ.
Сена — сѣли.
Сензе — верхняя часть же-
лудка.
Сензи — глухарь.
Сензъ-иле — живой, здоро-
вый.
Сенитовы — вымоченный.
Сенитованъ — мочиться.
Серберте — руководитель,
хозяинъ.
Серга-хамы — въ бѣду по-
пасть.
Середованъ — проколоть.
Сересь — подилокъ.
Серканы — самъ-по-себѣ.
Серманъ-гумъ — надѣвать.
Сернаеринамъ — подѣлѣд-
ствіе, подъ судъ попасть.
Сертаггумъ-порданъ —
лекарство.
Сертасъсово — можно.
Сертатовой — неустроен-
ный.

Сергаяманъ — не въ состоянїи сдѣлать.
Сертованъ — дѣлать, исправлять, устроить.
Серъ — дѣло; бѣда; обыкновеніе.
Серъ-гадимы — случай, причина.
Серы — дорога; рука.
Сесовой — голосистый.
Сіесе — сталь.
Сіесесовой — стальной.
Сіивааманъ — врать, лгать.
Сіиманъ — пробивать насквозь.
Сіиттеванъ — править на оселкѣ.
Сія — оселокъ.
Сіякъ — болтунъ, пустомеля, обманщикъ; пустословіе.
Сіякъхъ — вода.
Сіяманъ — обманывать.
Сіянъ-биръ — сколько.
Си — двери.
Сибе — легко; свищъ, струщъ.
Сибесовой — свищеватый.
Сибидеванъ — развивать.
Сибимеванъ — облегчать.
Сибичъ — безъ всего.
Сибичъ-ханъ — холостой.
Сибичъ-ханъ-паны — на легкой вартѣ, на-легкѣ.
Сиве — лопата.
Сивепаггалмы — сошь.
Сиву — семь.
Сиву-ю — семьдесятъ.
Сиву-ягга — семнадцать.
Сигги — цынга.
Сиде — два.
Сиде-егоръ — вдвойнѣ.
Сиденяберманъ — качать.

Сидепоггы — посредственный.
Сидерагкъ — предокъ.
Сидерангкъ — покойникъ; кукла, изображающая подобіе покойника; призракъ.
Сидерси — окно.
Сидеръ-варъ-пя — обоняныя колоды.
Сидеръ-кантъ — свѣча.
Сидеръ-кантъ-погга — свѣтильникъ.
Сидеръ-пей — стекло.
Сидеръ-ягга — двѣнадцать.
Сиде-ю — двадцать.
Сиде-я-горъ — туда и сюда.
Сиде-ягоръ-паны — накладка.
Сиде-ягоръ-хардъ — двойной, двуличный.
Сидъ — прядь.
Си-ій — чувствительный, пѣльный.
Сидянъ — тѣнь.
Силаръ-пай — брусъ.
Сильчъ — точить.
Сима — отверстіе.
Симнядованъ — заступаться.
Синдавы — крытый.
Синдеванъ — закрывать.
Синде-гану — заботливый.
Симдетъ — восемь.
Синдетъ-ю — восемьдесятъ.
Синдетъ-ягга — восемнадцать.
Синдома — крыша, покрышка.
Сине-яне — туманъ, дымъ.
Синзеванъ — озлобиться.
Синзегъ — птица, птичка.
Синзеу — синица.

Синяю — переднее, почетное мѣсто.
Сисерь — завязка.
Сисовой — дырявый.
Сисю — пѣна.
Снензеную - сармикъ — мелкая глеста.
Собванъ — много накладывать.
Собе, см. **Сочи**.
Собе-воево, см. **Сочивоево**.
Сово — хорошо.
Сово-иле — богатый; счастье.
Совоель — гусь (одежда самоѣда).
Совона-моедавы — хорошее дѣло; работа.
Сово-она — точно.
Согомдаванъ — задавать.
Согомодаванъ — давиться.
Соеванъ — родить, приобрѣтать, наживать.
Созванъ — тѣсниться.
Сой — война.
Сооманъ — выливать.
Сопеэнорманъ — копать.
Сортиеу — бабочка.
Сочи — очень, весьма.
Сочи-воево — весьма худой, негодный.
Сою, см. **Сой**.
Союдирманъ — воевать.
Сояванъ, см. **Соеванъ**.
Сса — ремень въ упряжѣ оленя.
Судиванъ — разбирать дѣло, судить.
Суегу — чахнуть.
Суикъ — почки.
Сулемъ — сулема.
Суумбой — красота, видъ.

Суумбой-совой — красивый, видный.
Сую — теленокъ.
Сыво, см. **Сырапо**.
Сыгованъ — напаяливать, выставлять.
Сыгы — перехватъ.
Сылантаванъ — провѣтривать.
Сымзи — шесты у входа въ чумъ.
Сыра — снѣгъ.
Сыра-пиуво — зимнія пимы (сапоги самоѣда).
Сырапо — зима.
Сыра-совой — снѣжный.
Сырманъ-пуня — оглядываться.
Сыртанъ-вась — смотрѣть.
Сыумата-пиуво, см. **Сыра-пиуво**.
Сэву — слеза.
Сэгда — глаза.
Сэгманъ — тонуть.
Сэгъ — глазъ.
Сэдавъ, см. **Сэдорманъ**.
Сэдома — нитка.
Сэдорманъ — шить.
Сэдура — шитье.
Сэйванъ — скрываться.
Сэръ — соль.
Сэръ-я — пшеничная мука.
Сэуда-пай — кривой, косой.
Сэуда-таси — слезы катятся.
Сэуда сейвы юрлованъ — приводить въ безпамятство.
Сэу-си — слѣпой.
Сэу-нирчъ — бровь.
Сэу-пари — зрачекъ.

Сэу-пари-дене — роговая оболочка глаза.
Сэу-сереко — бѣлокъ въ глазу.
Сэу-таръ — рѣсница.
Сэу-тидъ — очки у само-вдовъ.
Сэу-ялена-маль-выесо-вой — кровавые глаза.
Сю — пушъ.
Сюдабе — стыдъ; рогожка; дьяволъ, лѣсовиѣ.
Сюдбепса-меванъ-хоро-ванъ — хочу сказку раз-сказать.
Сюденда-поггъ — между крылецъ.
Сюдерманъ — свистать.
Сюдобарчъ — сказка, пѣсня.
Сюдобирманъ — повѣство-вать.
Сюды — крыльца.
Сюдки — чулки.
Сюмбыкъ — мokusунъ (ры-ба).
Сюраладарта — крутой, суровый.
Сюргилеванъ, см. **Сюр-гилманъ**.
Сюргилманъ — перевора-чиваться.
Сюрги-пей — точило.
Сюрдеванъ — чертить.
Сюрманъ — кружать; имѣть.
Сюролеванъ — назадъ, во-ротить.
Сюрольманъ, см. **Сядга-лованъ**.
Сюртеванъ — прѣсть, вер-тѣть.
Ся — лице; осынь у рѣкъ и береговъ.
Сяа — щель; накосъ, скатомъ.

Сяберманъ — тесать, обров-нять.
Сябу — нарта для вывозки нечистотъ.
Сябчема — стружки, щепки.
Сябыча — нарта подъ одеж-ду.
Сяга — когда.
Сядалованъ — выворачи-вать.
Сядгалованъ — кругомъ поворотиться.
Сякалманъ — кусать.
Сякана-воево — стыдно, срамъ.
Сякана-хаэ — стыдно стало.
Сяллараванъ — стыдъ, со-вѣсть.
Сяманъ — миловать, состра-дать.
Сямдараванъ — жарить.
Сямей-сялайда-то — мѣ-сячное у женщины.
Сямлаванъ — осквернять-ся; совокупляться.
Сямма — нечистая женщи-на.
Сямнанъ — одурѣть, съ ума сойти.
Сямонасартъ — зеркало.
Сямукуванъ — баловать.
Сяваръ — пѣшки.
Сяндкуванъ — играть на инструментѣ.
Сянзе — топленое сало.
Сянука — рѣдкость, игруш-ка.
Сянукуванъ — играть.
Сянъ — кости у узды оленя.
Сянчема — щенокъ.
Сярда-гора — пучекъ, связка.
Сярда-пэю — связка суше-ной рыбы.

Сярованъ—вязать; стяги-
ваться, затягиваться.
Сяродованъ—связать.
Сяръ—табакъ.
Сяръ-лы—табакерка.
Сяръ-пя, см. **Хагса**.
Сясовой-езе — перстень,
кольцо.
Сятурманъ—кусаться.
Сять-пя—налѣво.
Сяунсъ—лопатка для чист-
ки рыбы.
Сяутованъ—скоблить.
Сяутта—нельма (рыба).

Т.

Та—лѣто.
Табе—зубъ.
Табедамбежъ — устав-
щикъ.
Табедованъ — приказы-
вать.
Таби-лэ—баба у копыта.
Табо—черви.
Таборъ—сорь; срамъ.
Табъ—песокъ.
Табъ-совой—песчаный.
Табэко—приказъ.
Таванъ—давать; легко.
Таволманъ—жевать.
Таггауна — кромѣ сего;
бакъ-же.
Тагго—пространный; тихій.
Таггованъ—тереться.
Таггэдъ — лѣтнія пимы
(обувь).
Таггондату—плевогъ.
Тагонуа-пеу—муха.
Тагэдъ — зимнія пимы
(обувь).
Тадапуванъ — отилачи-
вать.

Тадибе—шаманъ, волшеб-
никъ.
Тадованъ—мѣнять.
Тадурчъ—браниться.
Таедъ—прямо.
Таелованъ — трудиться,
работать; соображать.
Тай—олений лобъ; береста.
Тай-хоръ—берестяная по-
суда.
Такамманъ — погребать,
прятать.
Талвадаванъ—прижимать.
Талведаванъ—стѣснять.
Талвей—пряморогій олень.
Талей—воръ.
Талекъ—гнида.
Талобей—ущелье.
Таловэдаванъ — жать,
сжимать.
Тальня—сюда.
Талэванъ—красть.
Талю—пониже; недалеко.
Тамаленгана—въ то вре-
мя, тогда.
Тамбиръ—столько.
Тамдалманъ — переточи-
вать, переправлять острие.
Тандая, см. **Тедя**.
Тандээдъ-мэванъ—заим-
ствовать.
Танэгеча—лѣстница.
Таню—коса.
Таняю—туда.
Тара—недавно.
Тараггода—напрасно.
Тарагода—трудъ.
Таралоумя — юрта для
пляски.
Тарамда—приправа, голе-
нице.
Тарамдаванъ—смѣшать.
Таре—бѣлка.

Тареда-ере — длинношерстный.

Таремуа — точно такъ.

Таремъ-и — посему.

Таремъ-ю — такимъ образомъ.

Тарензя — отропокъ у копытъ.

Тарко-пя — вилы.

Тарованъ — бороться.

Тарте-нагы — бахтарма.

Тарче — подобный.

Тарэмъ — въ самомъ дѣлѣ, такъ, хорошо.

Таси — низизъ.

Таси-ниго — низовой житель, снизу.

Тато — искра.

Таэрованъ — сворачивать.

Тебоеванъ — насаживать черень.

Тебуанъ, см. Тебуманъ.

Тебуманъ — попасть.

Тебъ — гвоздь; курья (подводная мель).

Тегу — чрево, брюхо.

Теда — теперь.

Тедерчъ — желѣзо для строганія мездры при выдѣлѣнн кожь.

Тедъ — четыре.

Тедъ-ю — сорокъ.

Тедъ-ягга — четырнадцать.

Теда — недавно.

Темуй — желтый, коричневый.

Теневанъ — предчувствовать, знать.

Теневанъ - нече — знакомый.

Тени — лица.

Тепта — завтра.

Тердаванъ — власть.

Тереванъ — кричать.

Терензянда-лэ — суставъ копыта.

Терованъ — проживать.

Терси — безъ всего.

Терчида-ханъ — порожная нарта.

Те-сняны — вчера.

Тетта — богатъ.

Теть-юнда-пэ — четырехугольная посуда, штофъ.

Тибе — сажень.

Тибеванъ — мѣрить саженью.

Тибей — гнилой, паршивый.

Тидяу — дядя.

Тимдаванъ — размягчать.

Тимень — гнить.

Тириба — игра.

Тириба-совой — икряный.

Тирманъ — чесать.

Тирчъ — гребень.

Тиръ — облако.

Тиччи — морозъ, стужа.

То — соболь; соръ (весенний рѣчной заливъ).

Тоба — копыто.

Тобокъ — чулокъ съ оленьей кожи.

Тобъ-ево — кожа.

Тованъ — прибывать; идти; проскачить.

Того — платокъ.

Тоговаръ — бромка, край, сторона.

Тогоптаванъ — подрубить, подшивать.

Тогоптованъ — бродить въ водѣ.

Тогорманъ — щипать.

Тогось — ситець.

Тогоче — рѣдкость.

Тодованъ — блевать.

Той — чилябуха.

Толованъ — учить.
Толавы-моле-считанный.
Толаггонъ — счетъ.
Толованъ — заперать, замыкать.
Толга — видъ.
Толгодаванъ — считается.
Тологгуванъ — считать.
Толопча-падырь — печатанная книга.
Томаль — вершина сора.
Томанъ — комоеъ.
Томанъ-есе — елючь.
Томдэванъ — покрывать.
Тонгочи-селеніе (нѣсколько вмѣстѣ поставленныхъ юртъ).
Тонсе — устье сора.
Тора — мелкій; надобно.
Торово — будь здоровъ.
Тороманъ — учиться.
Торъ — перо.
Тосовой — крылатый.
Тось — соболь.
Ту — огонь.
Тугу — науъ.
Тудово. см. **Тудыко.**
Тудыко — грибоъ.
Туеванъ — кланяться, молиться.
Тумбы — бремень.
Туни — ружье.
Туни-сеччи — ружейный замокъ.
Тунумъ — молня.
Тупва — топоръ.
Тупвамъ — черень.
Тупва-нягу-бородка, пята у топора.
Тупка-нянды — остріе топора.
Тупка-сюмъ — обухъ.
Ту-пя — дрова.

Туртованъ см. **Тэневанъ.**
Тусовой — огненный.
Туяломдаванъ-засвѣтить, зажечь огонь.
Тыды — бедръ.
Тые — мелкій.
Тынзей — арканъ.
Тыни-та-ири — май (мѣсяцъ).
Тыралманъ — ударять.
Тырентованъ — вляить.
Тыробей — твердый, черствый.
Тырованъ — высухать.
Тыросъ — стругъ.
Тысовой — владѣтель стада оленей.
Тысь — узкій.
Тэдорманъ — ругаться.
Тэеванъ — кружить, кружиться.
Тэйва — хвостъ.
Тэйво-си — безхвостный.
Тэймурманъ — желтить.
Тэкальманъ — скрывать.
Тэлнядъ-яга-горная рѣка.
Телуяко — хорошо выѣженный олень, запрягаемый впередъ.
Тэманъ — мѣсти, скоблить, вытирать.
Тэмборау-серъ — обманъ.
Тэмбураванъ — обманывать.
Тэмдеванъ — узнавать.
Тэмдовманъ — цѣловаться.
Тэмуованъ — покупать.
Тэмы — вытертый.
Тэневанъ — приходить.
Тэнъ — жила, нитка.
Тэра-ханъ — тяжелая нарта.
Тэръэ — ручная четверть (пядь).

Тэри—табъ; даромъ.
Тэрованъ—выгонять, вы-
страшивать.
Тэръ—чашка.
Тэтнорманъ—вдохнуть.
Тетта-ненечъ—господничъ.
Тю—рукавъ.
Тюванъ—входить.
Тюкана—здѣсь.
Тюки—этотъ.
Тюки-яле—сегодня.
Тюкумъ—сегодня.
Тюкууна-ханъ—тудаиди,
ступай.
Тюкуче—наличность.
Тюкуядъ—отсюда.
Тюлеванъ—вносить.
Тюмко—очагъ, чуваль.
Тюмы—печь.
Тюнаванъ—обонять.
Тюндамалъ—парукав-
никъ.
Тюндеръ—передокъ нар-
ты.
Тюнаванъ—добывать огонь;
топить печь.
Тюнзеба—пепель, зола.
Тюнзибеги-хаэ—сгорѣло,
сдѣлался пепель.
Тюнзибя—пепель съ очага.
Тюня-мерче—южный вѣ-
теръ.
Тюръ—шесть для понуж-
денія къ бѣгу оленей.
Тюръ-малъ—боязненная ма-
ковка на вершинѣ шеста,
употребляемаго для по-
нужденія къ бѣгу оленей.
Тюсеръ—покрышка.
Тютаневанъ—выходить.
Тюуна-хаэванъ—подни-
маться.

Тюуни—житель верховьевъ
рѣки.
Тюунома—высоко, сверху;
давно.
Тюуния—вверхъ.
Тябиванъ—случать, тоско-
вать.
Тяби-ю-у—скучно, скука.
Тягатъ—оттуда.
Тякуна—прошедшій разъ,
давно.
Тямэгэа—лягушка.
Тянибоуна—потихоньку.
Тянимбой—немного.
Тянимбоунаванъ—весно-
вать.
Тянурка—мало.
Тянюманъ—уменьшаться.
Тяня—сторона.
Тярманъ—дѣлать.

У.

Умбы—палець.
Умбые-гесо—суставъ паль-
ца.
Умбые-сей—брюшко паль-
ца.
Умбы-се—указательный
палець.

Х.

Ха—ухо; гной.
Хаборта-пивы—лось со-
хатый.
Хаванъ—умирать.
Хавунда—самъ.
Хавуця—подвѣска у се-
регъ.
Хаггурта—больной.
Хатса—чубукъ.
Хада—бабка.

Хадагы — бабушка, старшая сестра отца.
Хадермянъ — гноится.
Хадеторманъ — болтать.
Хадованъ — ловить.
Хадону-масованъ — за-ривать.
Хадъ — кашель.
Хадманъ — кашлять.
Хадъ-гылманъ — кашель одолѣть.
Хады — коныто, ноготь; смъ.
Хадэлтана — курчавый.
Хадюванъ — лишиться.
Хаеванъ — бросить, остав-лять.
Ха-езе — серги.
Хазаку — палочка, употреб-ляемая при плясѣ.
Хазару — травяное балото.
Хазово — самоѣдъ.
Хазово-ханъ — мужскія сапки.
Хазово-ю, см. **Хасово-ю**.
Хазово-юръ, см. **Хасово-юръ**.
Хазуй — сухой.
Хай, см. **Хэмъ**.
Хай-пя-га, см. **Ха-езе**.
Хале — рыба.
Халедъ — волна.
Халенто — рыбы перо.
Хале-совой — рыбный.
Халимеръ-пя — гробъ, бо-лода.
Халсу — водяной червь.
Халтаванъ — мышь.
Хальмерота-я — кладби-ще.
Хальца-лэ — грудная кость.
Халэувъ — полярная мар-тышка.
Хамадеръ — готовый.

Хамбаль — соръ.
Хамдаванъ — выливать, брызгать, плескать.
Хамедованъ — понимать.
Хамзенда — рабъ.
Хамка — шелкъ.
Хамомеръ — покойникъ.
Хамэдэванъ — пригото-вить.
Ханавей — ястребъ.
Ханебей — пологій, отло-гій.
Ханеръ — толкъ.
Ханеръ-си — безтолбовый.
Ханзатта — полозъ.
Ханзо — прохладно; скоро; прочный.
Ханзода-яггу — споривя.
Ханзонга-хаэ — остывать, подмораживать.
Ханзо-яггу — непрочный.
Ханзяри — кругъ, кольцо.
Ханиманъ — озябнуть, за-мерзнуть.
Ханипшеванъ — заморо-живать.
Ханмъ — жертва.
Ханомбеда — сватовство, приданное.
Ханорованъ — вспоминать, поминать.
Ханудованъ — жертвовать идолу.
Ханурманъ — хворать.
Ханъ — нарта, сани.
Ханыпче-лата — кровать.
Ханюй — мерзлый.
Ханяванъ — ловить съѣтми рыбу.
Хапараванъ — разклѣть-ся.
Хапдаванъ — оставаться.
Хапечю — филинъ.

Халтъ—небжалый быкъ.
Халчи—болѣзнь. конецъ жизни.
Халчи-войво—худая болѣзнь, сифились.
Халчигъ—трясучка, собачья болѣзнь.
Халчито-малъ—конецъ пришелъ, предѣль.
Харакси—разбойникъ.
Хардъ—домъ.
Хареванъ—понижать.
Харей—впадина, углубленіе на деревѣ.
Харемдаванъ—загибать.
Харнапагъ—вереекъ.
Харнесъ—воронъ.
Харни-се—пожы.
Хартъ—городокъ.
Хартъ-совой—городской.
Хару-ця—лиственница.
Хару-хутья—лиственная шишка.
Харчинде-ле—пустое мѣсто въ боку у стараго оленя.
Харъ—ножъ.
Хасово-ню—сыпъ.
Хасово-ю—девятъ.
Хасово-ю-юръ—девяносто.
Хасово-ю-ягга—девятнадцатъ.
Хасу-яле—пять, пасти.
Хасу-яле-мэванъ—голотъ, поститься.
Хаудорманъ—ударять, болотить.
Хаэванъ—приходить.
Хаэрованъ—проснѣваться.
Хаэръ—ясно.
Хая—сосѣдство.

Хейвуна—восторону.
Хесь-ги-неванъ—думать, намѣреваться.
Хеударъ—сугробъ, ухабъ, снѣжный накатъ.
Хечедавы—крещеный.
Хече-дованъ—креститься.
Хече-мунъ—громъ.
Хече-нунъ—затылокъ.
Хече-пернъ—грестъ.
Хечеттагумъ—присяга.
Хечету—молня.
Хече-ту-я-соргэ—молня свергаетъ.
Хо—береза.
Хоба—оленья кожа.
Хоба—колесо, кругъ.
Хованъ—находить, приобрѣтать.
Хогоптованъ—издѣваться.
Хогорей—лебедь.
Хогорманъ—пучить, разбухнуть, раздувать.
Ходеттованъ—паралатъ, чесаться.
Ходэванъ—мозолить вредить.
Хозахъ-эръ—смотритель хлѣбнаго магазина.
Хозыръ—карты.
Холса-ягга—рѣка Полуй.
Хонде—гуропатка.
Хора—жеребець.
Хора-ката-тене—лисица, сиводушка.
Хара-суи—бычекъ.
Хорманъ—спрашивать, пробовать, испытывать.
Хорова—корова.
Хорованъ—хотѣть, желать.
Хорова-нюкуче—теле-нобъ.

Хорова-няситъ — табачный рокожь.
Хорова-юръ — коровье масло.
Хорова-этте — дойная корова.
Хоропта — испытывать.
Хороптованъ — возражать.
Хортванъ — обязать, ощущивать.
Хорчи — задница.
Хорчинда - лэ — тазовая кость.
Хоръ — чанъ, кадъ.
Хоръ-хуптъ — олово.
Хоръ — дѣтородный удъ.
Хорэванъ — пугаться.
Хорю — стрѣлка.
Хосьяна — проворный, осторожный.
Хотты — русскіе сапоги.
Ху — ложка.
Хутго — пищепріемное горло.
Хузарованъ — жаловаться.
Хузорованъ, см. **Хузарованъ**.
Хулантованъ — плавать.
Хулованъ — плыть.
Хумбазиде-вода — вздрить.
Хумбана — попусту.
Хумбанзедэ — пустой.
Хумбанзи — напрасно, несправедливо.
Хумбанзи-вода — ложь, клевета.
Хунванъ — срываться, убѣжать.
Хунованъ — спать, уснуть.
Хуня — куда.
Хуня-гы — котормый.
Хуня-мигель-куда идешъ?

Хуняна, см. **Хуптана**.
Хуптана — поутру.
Хуптатъ — рано.
Хуптъ — свинець.
Хурды — шумъ, тревога.
Хуркекъ — кавой.
Хурко — связка.
Хурко-погга — болыданъ (мѣшокъ изъ сѣти).
Хурома — нарта подъ тяжесть.
Хуруеванъ — шумѣть.
Хурцедованъ — беспокоиться.
Хутти — букушка.
Хуудеръ — сторона, бокъ дома.
Хуумерче — восточный вѣтеръ.
Хыде — яръ, оврагъ.
Хыде-ка — корыто, очевки.
Хыде-ямъ — миска, чашка, сдѣланная изъ древеснаго корня.
Хылтуй — олений рогъ безъ вѣтвей.
Хыневанъ — затихать, утихать.
Хынованъ — стпѣвать.
Хыноманъ — пѣть.
Хыня — куда-нибудъ.
Хынядъ — отбуда.
Хыня-на — гдѣ.
Хэудеръ-лы, см. **Хэй-выча**.
Хэггъ — тихое мѣсто, тихо; тѣнь; бровь.
Хэгкъ-няю-ханъ — ступай въ тихое мѣсто.
Хэйва — мозгъ.
Хэйвада-сово — сытый.
Хэйвъ, см. **Хэудеръ**.

Хэйвъ-сесмы — боек бо-
леть.

Хэйвы-ничи-ненечь —
пожилой, старый, иностранець.

Хэйвыча — ребро.

Хэругована — омутъ.

Хэмъ — близкій, короткій.

Хэтванъ — сказать, произ-
носить.

Хэтманъ, см. **Хэтуванъ**.

Хэтуванъ — толковать, на-
зывать, рассказывать, про-
износить.

Хэудеръ — боекъ.

Хэче-таванъ — присагать.

Хэада — невытженный, не-
ученый.

Ю.

Ю — десять.

Юбай — талый.

Юбъ — хотя.

Юбъ-тарче — хоть-такъ.

Юванъ — таять.

Юванъ-хорованъ — за-
мерзшее озеро.

Ювой — ахъ!

Юдаванъ — во снѣ видѣть.

Юкадъ-ягга, см. **Хасо-
во-ю**.

Юманъ — завязывать узломъ.

Юна — лошадь.

Юндау — узель.

Юнко — длинное, узкое
озеро.

Юре — другъ.

Юркованъ — вставлять.

Юрлованъ — забывать.

Юръ — сто; жиръ.

Ютолманъ — придавлять.

Юттома — рубецъ.

Я.

Я — мука; земля; мѣсто.

Ябе, см. **Ябеу**.

Ябеу, см. **Ябежъ**.

Ябежъ — пьяный.

Ябельманъ — опьянѣть.

Ябиреванъ — блестять.

Ябнанда — счастливо.

Ябъ — счастье.

Ябъ-совой — счастливый.

Яву-нуръ — ворвань, жиръ.

Яга — рѣка.

Яггаванъ — драть, сдирать
кожу.

Ягако — рѣчка, рѣченка.

Ягасе — куль.

Яггалча — пещня.

Яггалчи — кошма.

Яггуманъ — оканчивать.

Яггэй — одноглазый.

Ягктованъ — долбить.

Ягъ-хода — дернъ.

Ягэ-се — мѣшокъ.

Ядамби — жаркій.

Ядарманъ — ходить.

Ядагча — песокъ.

Ядванъ — идти.

Яде — олень.

Ядей, см. **Ядси**.

Ядиманъ — свариться.

Ядимби — горячій.

Ядлаванъ — косить, вести,
возить.

Ядованъ — засыпать землею.

Ядси — оленья самба.

Якованъ — зудѣть.

Якоръ — якоръ.

Якуванъ, см. **Якованъ**.

Якэ — дымъ.

Якэмби — дымный.

Яле — солнце.

Яле-мерче — южный вѣтеръ.

Ялена-сэръ—свѣтъ; свѣт-
лый; свѣлый.

Ялина—свѣтлый.

Ялморта—отцвѣлей.

Ялмуанъ—отцвѣтать.

Ялыманъ—свѣтять.

Яламть—заря.

Ямалъ-мерче—сѣверный
вѣтеръ.

Ямбой-мука—медленно.

Ямдеванъ—перекочевы-
вать.

Ямдой—узель у узды оле-
ня.

Ямине-пууча—помощни-
ца при родахъ, повиваль-
ная баба.

Ямъ—рѣка Обь и вообще
каждая большая рѣка.

Ямъ-седа—плѣть.

Янованъ—ковать.

Янорта-ненечъ—кузнецъ.

Яну—деревянный молотокъ.

Янумбоона—потихонечку.

Янъ-деръ—землябъ.

Янямъ—мамонтовый рогъ.

Янянзоко—хвощъ.

Янемъ—свать.

Япитованъ—домогаться.

Япадъ—мучной мѣшокъ.

Япша—тонкій.

Япшеванъ—безпокоиться.

Япштеръ—безпокойство.

Япта—ручей.

Яптарованъ—отсырѣть.

Яптовы—лѣнивый.

Яптогъ-хаэ—дѣлаться тон-
кимъ.

Яра-при—мартъ (мѣсяць).

Яроко—ковшикъ.

Яромбой—плотный.

Ярсинга—кости заднихъ
ногъ оленя.

Яръ—свилеватое дерево;
пушыр; кусокъ.

Ясерта—непроходимое
мѣсто.

Ясорта—негладкій, неров-
ный.

Яттома—уголь.

НАЗВАНІЯ ЧИСЕЛЪ ВЪ ЯЗЫКѢ САМОѢДОВЪ.

Объ, опой—одинъ.
Сиде—два.
Няръ—три.
Тедъ—четыре.
Самальянъ—пять.
Матъ—шесть.
Сиву—семь.
Синдетъ—восемь.
Хасово-ю, хазово-ю,
юкадъ-ягга—девять.
Ю—десять.
Объ-ягга—одиннадцать.
Сиде-ягга, Сидеръ-яг-
га—двѣнадцать.
Няръ-ягга—тринадцать.
Тедъ-ягга—четырнадцать.
Самальянъ-ягга—пятъ-
 нацать.
Матъ-ягга—шестнадцать.
Сиву-ягга—семьнадцать.
Синдетъ-ягга—восемь-
 нацать.
Хасово-ю-ягга—девять-
 нацать.
Сиде-ю—двадцать.

Сиде-ю-объ — двадцать
 одинъ.
Сиде-ю-сиде—двадцать два.
Сиде-ю-няръ — двадцать
 три.
Няръ-ю—тридцать.
Няръ-ю-объ — тридцать
 одинъ.
Няръ-ю-сиде — тридцать
 два.
Няръ-ю-няръ—тридцать
 три.
Тедъ-ю—сорокъ.
Самальянъ-ю—пятьдесять.
Матъ-ю—шестьдесять.
Сиву-ю—семьдесять.
Синдетъ-ю—восемьдесять.
Хасово-ю-юръ—девяносто.
Юръ—сто.
Юръ-объ—сто одинъ.
Юръ-ю—сто десять.
Юръ-сиде-ю—сто двадцать.
Сиде-юръ—двѣсти (двѣ
 сотни).
Няръ-юръ—триста (три
 сотни).

Памятник Ермаку въ Тобольскѣ.

